

Николай Парфенов

Пермские горнозаводские вотчины Шаховских – Шуваловых, или от Варвары Александровны Шаховской (Строгановой) до Акционерного общества «Лысьвенский горный округ наследников графа П.П.Шувалова».1751-1918 гг.

1.Введение

История Лысьвенского горного округа тесным образом связана с историей знаменитых российских фамилий Строгановых и Шуваловых, много потрудившихся над освоением земель и природных богатств Урала. Начало округу было положено в середине ХУШ века строительством Юго-Камского и Кусье-Александровского заводов. В последней четверти этого века процесс формирования единой хозяйственно – экономической системы продолжился. К этому моменту по всей территории Среднего Урала, пригодной для промышленного использования, были раскиданы металлургические заводы и началось неуклонное промышленное освоение Северного и Южного Урала. По этой причине начнем наш рассказ с краткого экскурса во время, предшествующее появлению на экономической карте Урала Лысьвенского горного округа.

Использование людьми природных богатств Урала началось в незапамятные времена, и только ХУШ век положил начало широкомасштабному освоению этого богатейшего края во славу России. Много славных русских фамилий связано с соледобычей, выплавкой чугуна и меди, добычей драгоценных металлов и самоцветов, прокладкой дорог и укрощением строптивых уральских рек. Среди них Демидовы, Строгановы, Шуваловы, Голицыны, Яковлевы, Турчаниновы, Лазаревы, Осокины, Твердышевы, Походяшины, Хлепатины и многие другие люди разных имен и званий. Колоссальных трудов и большого ума требовалось от простых русских мужиков, чтобы в глухом углу, на самом краю Русской земли, строить огромные технические сооружения, пробивать шахты, запруживать реки, прокладывать дороги и возделывать хлебные нивы. За считанные годы вчерашние хлебопашцы освоили 26 специальностей, связанных напрямую с производством металла, а если считать обученных подмастерьев и подзаводских крестьян, то таких специальностей набиралось более 80.

Старт бурному развитию уральской горно-металлургической промышленности дала знаменитая петровская Берг - привилегия от 10 декабря 1719 года. Это был документ, положивший начало государственной политике в сфере разведки и освоения рудных богатств России, а также развитию горнозаводского производства на территории империи. Богатства недр объявлялись собственностью государства. Первым пунктом «Привилегии» пояснялось: «Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы...к чему каждый толико промышленников принять может, колико тот завод и к тому надобное иждивение востребует»¹).

«Привилегия» дала несколько десятилетий «горной свободы» не только людям состоятельным, но и крестьянам, самостоятельно находившим, добывавшим руду и выплавлявшим чугун и медь в примитивных печах и небольших домнах. Таких хозяев «ручных заводов» называли «кузнецами». В результате их деятельности сформировались небольшие центры кустарных металлопроизводителей, каким, например, был Кунгур. Однако указом 1723 года кустарная плавка медной и железной руды была запрещена. Крестьянам дозволялось только искать руду и продавать ее в казенные заводы по заранее установленной цене. Однако через шесть десятилетий и эти остатки «горной свободы» были ликвидированы. Богатства недр объявлялись собственностью владельцев земель.

В 1739 году на основе Берг-привилегии был разработан новый документ под названием Берг-регламент, который обобщил и конкретизировал опыт, полученный за двадцать лет строительства горнозаводской промышленности России и обслуживающей её интересы законодательной базы. В то же время Берг-регламент явился своеобразным рубежом, положившим конец активному строительству казенных заводов и открывшим эпоху развития частновладельческих доменных и передельных заводов.

В первой половине XVIII века более 130 уральских казенных и партикулярных заводов производили огромное количество железа. Сотни тысяч пудов металлургической продукции отправлялись по рекам, а затем по морям через порты Петербурга и Архангельска за границу. В XVIII веке в мире не было уским металлургам по количеству произведенного чугуна и железа, на основе чего состоялись промышленные революции в Голландии и Англии.

По мере освоения подземных богатств и строительства новых заводов совершенствовалась система управления горно-металлургической промышленностью. Для управления горнозаводским делом был учрежден специальный орган под названием Берг-коллегия. Она руководила пятью Обер-берг-аматами, в том числе Уральским, отвечающими за работу медеплавильных, чугуно - и железоделательных заводов. Начальником Уральского Обер-берг-амата был назначен капитан В.Н.Татищев. Сферой его первоочередных интересов являлось строительство новых и эффективная работа уже действующих казенных заводов. Поначалу свою резиденцию Татищев основал в Соликамске, но в 1720 году перевел ее в Кунгур, где учредил Горную канцелярию. Помимо строительства новых заводов Василий Никитич занимался отысканием новых рудных месторождений, прокладкой дорог, пытался открывать школы для простолюдинов. Однако Татищев не мог держать в поле зрения вопросы жизнедеятельности огромного края, да и владельцы частных заводов активно интриговали против главного начальника. Особенно преуспели в интригах Демидовы. В 1721 году Горная канцелярия переехала из Кунгура в Уктусский завод. Её полномочия расширились: помимо уральских частных и партикулярных заводов ей было вменено в обязанность контролировать работу Сибирских заводов. В 1723 году Горная канцелярия, переименованная в Сибирский Обер-берг-амт, переехала из Уктусского завода в Екатеринбург. В том же году В.Н.Татищев был отстранен от должности с позорной формулировкой «за казнокрадство», а на его место заступил генерал-майор В.И. де Геннин. При Сибирском Обер-берг-амте были созданы более мелкие Берг-амты: Нерчинский, Кунгурский, Казанский и Пермский. Так к 1730 году было положено начало формированию горных округов 2) и сформирована четырехступенчатая система органов горнозаводского управления: администрация завода – Берг-амат – Обер-берг-амат – Берг-коллегия. Де Геннин привнес в деятельность уральской металлургии четкий научный подход. Он лично изучил деятельность множества доменных и железоделательных заводов, написал несколько научных трудов*), придал строительству новых заводов системный характер, основанный на экономической целесообразности и учитывающий весь комплекс тогдашнего металлургического действия: наличие воды, руды и топлива.

В 1734 году на Урал вернулся В.Н.Татищев, оправданный от ложных наветов. Он реорганизовал Сибирский обер -берг-амат в Канцелярию главного правления сибирских

*) Наиболее известно его руководство по горному делу под названием «Генералом лейтенантом от артиллерии и кавалером ордена святого Александра Георгием Вильгельмом де-Геннином собранная натуралии и минералии камер в Сибирских горных и заводских distractах. Также через ево о вновь строенных и старых исправленных горных и заводских строениях и протчих куриозных вещах абрисы». В научном обиходе труд известен как «Абрисы».

и казанских заводов (или Канцелярию Главного заводов правление), соответственно Бергамты переименовались в горные начальства. Канцелярия Главного заводов правление носила свое название до ноября 1781 года, когда управление горными и заводскими делами было передано в Пермскую казенную палату. Система управления уральской промышленностью в ХУШ веке почти без изменений просуществовала до 1886 года.з)

2. Уральская вотчина Строгановых в первой половине ХУШ века

Самыми крупными уральскими землевладельцами были Строгановы. Еще царь Иван 1У Васильевич наделил этот род сотнями тысяч десятин земли, повелев осваивать пустоши, добывать соль, выплавлять металл, охранять восточные рубежи Русского государства. Петр 1 подтвердил право Строгановых искать медную и железную руду и самим разрабатывать ее. Однако этой привилегией Строгановы не спешили воспользоваться, поскольку долгое время наиболее выгодным для себя считали выварку соли и скупку мехов у зауральских охотников. Медеплавильные фабрики и чугуноплавильные заводы строили другие предприимчивые люди, например, Демидовы. Немало строила и государева казна. Среди первых уральских заводов были Невьянский (1701 г.), Каменский (1701 г.), Алапаевский (1704 г.), Уктусский (1704 г.) и др. В 1723 году на землях Строгановых стараниями В.Н.Татищева казна возвела Егошихинский, Пыскорский и Висимский заводы, много сделал для строительства новых чугуноделательных и медеплавильных заводов де Геннин.

До поры до времени Строгановы не обращали внимания на такие «мелочи», как возведение заводов на своей земле. Даже знаменитая Берг-привилегия 1719 года, предоставлявшая небывалые льготы промышленной деятельности, не побудила интерес Строгановых к разворачиванию чугуноплавильного и железоделательного производства. Только в 1721 году они построили небольшой Таманский, позднее ставший собственностью Николая Григорьевича, а в 1733 году первый Билимбаевский (отошедший в собственность к Сергею Григорьевичу) заводы, которые должны были обеспечивать металлическими изделиями потребности строгановской соляной промышленности. В процессе строительства Билимбаевского завода Строгановым пришлось пережить одну из первых, но не последних тяжб с Акинфием Демидовым, который не хотел выпускать из своих рук богатые рудники на реке Билимбаиха.

Огромная вотчина Строгановых начала дробиться на части во второй половине 40-х годов ХУШ века после кончины последнего в роду именитого человека Григория Дмитриевича Строганова. Его наследниками стали братья Александр, Николай и Сергей Строгановы. В 1722 году Петр1 возвел их в баронское достоинство за великие заслуги предков перед Отечеством. Соляная империя, некогда приносившая баснословные барыши именитому человеку, зашаталась под натиском недалевоидных правительственных решений и экономических проблем. Если с правительством Строгановы в принципе могли «договориться», как это было не раз, то экономические проблемы были неразрешимы. Во - первых, из-за введения «печатных» паспортов неоткуда было взять несколько тысяч пар свободных рабочих рук для выварки соли, изготовления судов и транспортировки соляных караванов до Нижнего Новгорода по Каме и Волге, ибо по договору с казной доставку соли в центральную Россию солепромышленники осуществляли за свой счет; во-вторых, на озере Эльтон на Южном Урале началась разработка поваренной соли открытым способом, что делало ее себестоимость в разы дешевле той, что производили Строгановы. В сложившейся ситуации невозможно было принимать согласованные решения братьев по сохранению экономического единства огромной Пермской вотчины. Чтобы выжить, надо было

делиться.*)

При разделе Пермских вотчин в 1749 году Александру Григорьевичу Строганову досталась третья часть Ленвенских, Зырянских и Ново-Усольских соляных промыслов. Здесь он получил 22 действующих и 8 недействующих рассолоподъемных труб, 27 действующих и 2 недействующие варницы и 18 соляных амбаров. Незадолго до смерти, в 1751 году, Александр Григорьевич разделил соляной промысел между дочерьми Анной и Варварой⁴). Кроме того ему достались в Обвинском, Орловском и Чусовском округах 6 сел по реке Каме, 2 села по реке Чусовой, 4- по реке Сылве, по одному селу на реках Яйве и Косьве. «Шероховатости» при разделе у братьев были, но они предпочитали «не выносить сор из избы», как это было с наследниками Акинфия Демидова. После раздела отцовского наследства с братьями Александр Григорьевич приступил к строительству двух новых заводов: Юго-Камского и Нытвенского. Имеются сведения, что при строительстве Юго-Камского завода пришлось преодолеть сопротивление казны, желавшей иметь там свои медеплавильные печи. Однако спор удалось уладить в пользу Строгановых, благодаря вмешательству двора и Соляной конторы, с которой у семейства Строгановых были давние связи. Разделив отцовское наследство, братья начали строить свои металлургические и медеплавильные заводы, постепенно превращаясь в крупных уральских заводопрмышленников.

В то время, когда в 1740 году братья Строгановы вынуждены были делить между собой московские и подмосковные владения, а в 1747 - 1749 годах - пермские вотчины и соляные промыслы, на горнозаводском Урале возшла звезда нового промышленника – сенатора и графа Петра Ивановича Шувалова.

Будущая судьба Лысьвенского горного округа была связана с потомками этих двух громких фамилий – Строгановых и Шуваловых.

3.«Лакомый кусок» - Гороблагодатские заводы

Появление графа П.И.Шувалова на Урале не было случайным. Его, как и многих российских аристократов, далекий край привлекал баснословными прибылями, которые приносили чугуноплавильные и железоделательные заводы. Выплавлять железо и продавать его было в два раза выгодней, чем медь, которая, однако, тоже приносила хорошие доходы. В силу целого ряда причин правительство решило, что казенные заводы нерентабельны, и один за другим Мотовилихинский, Егошихинский, Висимский, Верх-Исетский, Сылвенский, Уткинский, Пыскорский и другие стали переходить в руки канцлера графа М.Л.Воронцова, его брата генерал - аншефа графа Л.Р.Воронцова, фельдмаршала графа П.И.Репнина, камергера графа И.Г.Чернышева, камергера графа С.П.Ягужинского, лейб-гвардейца А.Гурьева и других сановников.

В 1754 году П.И.Шувалов, пользуясь особо близкими отношениями с императрицей Елизаветой Петровной, на выгодных для себя условиях приобрел самые лучшие казенные уральские Гороблагодатские заводы: Кушвинский, Баранчинский, Верх-Туринский, Туринский. В 1755 году он построил на реке Серебрянке Серебрянский завод, и в этом же году, получив от казны колоссальные льготы, построил на казенных землях Верхне- и Нижне-Авзяно-Петровские заводы, которые, однако, в 1758 году выгодно продал своему компаньону коллежскому асессору Кузьме Матвееву. Через год после этой сделки Петр Иванович начал строить так называемые Камские: Воткинский в 1759 году, а в 1766 году Ижевский переделные заводы

По примеру Петра Ивановича на Урале обосновался его брат Александр Иванович Шувалов- начальник тайной канцелярии и генерал- аншеф. В компании с купцом

*)Практически в одно время с делением строгановского наследия начался раздел огромного хозяйства А.Н.Демидова между сыновьями Прокофием, Григорием и Никитой. Стараясь сохранить в целостности свое хозяйство, Акинфий Демидов в завещании 1743 г.передавал свою недвижимую собственность, состоящую «более в заводах», младшему Никите. После смерти Акинфия в 1745 году братья долго оспаривали решение отца, в результате чего 19 декабря 1757 года наследство было разделено на три части. (См. Юркин И.Н., Григорий Демидов и его братья в годы раздела промышленного хозяйства первых Демидовых. Сб. Григорий Демидов. XX1 век. Материалы Всероссийской научной конференции «Демидовские чтения -11. Солкикамск.2011. стр.78-53)

Г.И.Глазовым в 1757 году А.И.Шувалов построил Покровский медеплавильный завод на реке Ик. В 1768 году этот завод был продан новым владельцам братьям Твердышевым и Мясникову.⁵⁾

Самым лакомым куском в уральских приобретениях П.И.Шувалова были Гороблагодатские заводы. С точки зрения изучения истории Лысьвенского горного округа судьба этих заводов весьма интересна, поскольку два округа объединяла не только фамилия Шуваловых, но и близкое расстояние одного от другого, схожая организация производства и промышленная история, даже рельеф местности и климат.

Начало Гороблагодатским заводам было положено в 1735 году, когда вогул Степан Чумпин показал демидовскому приказчику огромную гору, состоящую из высококачественной железной руды. Приказчик поспешил в Екатеринбург, чтобы узаконить право Демидова на разработку вновь открытого железорудного месторождения, но заявка каким-то образом оказалась в руках приказных казенных заводов и от них попала к В.Н.Татищеву. Осенью этого же года Татищев лично посетил месторождение и, пораженный его богатством, дал горе название Благодать. По распоряжению Татищева сначала на реке Кушве, а потом на Туре стали строиться чугуноделательные заводы. Однако у казны, как всегда, не хватало денег. По этой причине заводы строились очень медленно, и в 1739 году их отдали протезде фаворита императрицы Анны Иоанновны Бирона - немцу обер-берг гауптману барону Курту Шембергу для достройки. В 1742 году заводы вновь вернулись в казну, поскольку немец деньги аккуратно брал, но ни одного из своих обязательств не выполнил. Вместе с тем, заводы не приносили доход и казне.

Наступил уже упомянутый 1754 год, когда правительство окончательно убедилось в нерентабельности многих уральских заводов и приняло решение передать их частным владельцам. Вот тут-то Гороблагодатские заводы и перешли в руки Петра Шувалова. По договору за заводы он должен был рассчитаться с казной в течение 10 лет, а пока же на их содержание получал ежегодно крупные суммы денег. Заводская «деятельность» Шувалова ничем не отличалась от «хозяйствования» Шемберга: он тоже исправно брал деньги и не исполнял своих обязательств перед казной, в результате чего за ним скопился огромный долг, который после смерти Петра Ивановича составлял 680 тыс. рублей. По этой причине его сын А.П.Шувалов ходатайствовал о возвращении Гороблагодатских и Камских заводов в казну, что и было исполнено в соответствии с указом императрицы Екатерины 11, данным 15 ноября 1763 года ⁶⁾ Вернулись в казну и другие, ранее переданные частным владельцам, уральские заводы Воронцовых, Чернышовых, Ягужинских и других. Почти на 60 лет фамилия графов Шуваловых исчезла из списка уральских заводовладельцев.

Высокородные владельцы заводов оказались плохими предпринимателями. Только немногие из них смогли приумножить приобретенное добро. В основном новые хозяева хищнически эксплуатировали труд крепостных мастеровых и природные богатства Урала, имея одну цель – получение прибыли. При этом они буквально увязали в долгах перед казной. Между собой вельможные заводовладельцы вступали в нескончаемые тяжбы за новые лесные угодья, рудные залежи, земли. Особенно преуспевали в этом неблагородном деле Демидовы, Всеволожские и Лазаревы. Все меньше становилось свободных и пригодных для строительства заводов земель, все острее не хватало рабочих рук, леса, железорудного сырья.

4.Раздел среднеуральских вотчин А.Г.Строганова между наследницами

Господин тайный советник, камергер и ордена Святого Александра Невского кавалер барон Александр Григорьевич Строганов скончался 7 ноября 1754 года. У него остались две дочери-наследницы: Анна (род.7\2\1739 – ум.22\4\1816) – от второго брака и Варвара

(род. 2\12\1748 – ум. 29\10\1823) – от третьего брака. До совершеннолетия дочерей всем движимым и недвижимым имуществом барона управляла его жена Мария Артемьевна (Загряжская - род. 25\3\1722 – ум. 8\4\1788). Через три года после смерти Александра Григорьевича Анна вышла замуж за князя Михаила Михайловича Голицина. 9 июня 1761 началось поэтапное размежевание некогда общих земель между сестрами. В соответствии с Указом 1731 года, изданным императрицей Анной Иоанновной, жена почившего барона получала одну седьмую часть наследства, что равнялось 133394 десятинам земли и 3310 ревизских душ, в вечное владение. Новая владелица могла по своему усмотрению закладывать, завещать, продавать вновь приобретенную собственность. Кроме того, по закону ей возвращалось то имущество, которое она имела до брака с бароном Строгановым.

Согласно упомянутому Указу от 1731 года сестры получили в наследство по три седьмых имения или по 402284 десятины земли и 19864 ревизских души. В 1763 году Варвара вышла замуж за князя Бориса Григорьевича Шаховского, поэтому появилась необходимость в разделе заводского хозяйства. В соответствии с окончательным делением Мария Артемьевна получила в собственность недостроенный Хохловский завод «без жеребья» 7). Анна Александровна – Нытвенский завод, Варвара Александровна – недостроенный Юго-Камский завод. Кусье-Александровский завод, названный так по имени барона Александра Григорьевича, остался в общей собственности сестер. Н.Чупин писал об истории строительства этого завода: «По архивным данным 1850-х годов видно, что дозвоительный указ на постройку этого завода состоялся в Берг-коллегии лишь в декабре 1751 года и прислан в Екатеринбургскую канцелярию уже в начале 1752 года, а пущен в действие завод в 1754 году» 8). Раздел проходил мирно, без взаимных претензий сестер друг к другу. В подтверждение можно привести тот факт, что Мария Артемьевна передала Анне Александровне коллекцию родовых портретов Строгановых кисти знаменитого русского портретиста Федора Рокотова, принадлежавших ее покойному мужу. В 1782 году наследницы официально закрепили раздел соляных промыслов.

После кончины мужа Мария Артемьевна деятельно взялась за управление огромным хозяйством. Она построила Хохловский завод, почти достроила Юго-Камский завод. В 1757 году появился проект нового чугуноделательного завода в устье речки Гремячей, что в 30 верстах ниже реки Чизмы и Чизменских железных рудников. Однако взамен этого завода Мария Артемьевна построила вторую домну в Кусье -Александровском заводе, затратив на строительство 89800 рублей 9). Первоначально, когда на Кусье-Александровском заводе была одна доменная печь, в соответствии с указом Пермского горного начальства от 6 февраля 1769 года на ней попеременно работали то мастеровые Анны Александровны, то мастеровые Варвары Александровны, которые точно так же попеременно добывали руду для выплавки чугуна. В суммарном выражении мастеровые В.А. Шаховской работали на домне от 176 до 196 суток в течение заводского года 10). До 1864 года Кусье-Александровский завод был центром одноименного горного округа. Чугун отсюда отправляли водным путем сначала в Юго-Камский, а позднее и в Нытвенский заводы. М.А.Строганова планировала также строительство заводов на реках Нытва, Сылва, Лысьва. Однако в целом дела шли плохо, и к 1775 году все ее имение, в том числе и Хохловский завод, попало в заклад. Ее долги перевалили за 230000 рублей. Анна Александровна и Варвара Александровна пытались гасить долги Марии Артемьевны, но к 1784 году их финансовые ресурсы иссякли, и 9 августа этого года Мария Артемьевна продала завод и все, что ей досталось по наследству, дворянину армянского происхождения Ивану Лазаревичу Лазареву. Сумма продажи равнялась 160 000 рублей 11). Кусье-Александровский завод, находившийся в общей собственности, был поделен между сестрами специальным договором, утвержденным указом 1785 года. Кусье-Александровский краевед В.Я.Солохин отмечал, что граница раздела внутри завода проходила от устья реки Кусьи по её середине до плотины и пересекала пруд до устья

реки Утянка. Верхняя часть пруда и район поселка Запруд принадлежали Голицыным, а Гребешок и Зарека – Шаховским 12).

Основу наследства Анны Александровны составил Нытвенский завод, достроенный в свое время для выравнивания размеров наследственных долей. В качестве населенного пункта Нытва была упомянута в писцовой книге М.Кайсарова за 1623 год. Здесь на речке Нытва в 1747 году А.Г.Строганов и начал строить медеплавильный завод, который достраивала его жена Мария Артемьевна. Официальной датой пуска завода считается 1756 год. Судьба завода была достаточно непростой: в 1759 году весеннее половодье размывло плотину, в 1762 году плотину размывло повторно. Несмотря на то, что вблизи Нытвенского завода не было значительных железорудных месторождений, в 1768 году здесь была задута доменная печь. Как отмечал В.Шишонко, строительству нытвенской домны предшествовали поиски места для возведения нового чугуноделательного завода или новой домны, как это было в Кусье - Александровском заводе. В качестве вариантов рассматривалась площадка на реке Тырым, но Берг-коллегия своим указом от 1 декабря 1763 года отклонила этот проект, сославшись на то, что всего в 10 верстах уже работал Кусье-Александровский завод.

Через два года, в 1765 году, была составлена смета на строительство завода по выплавке меди и чугуна на реке Яйве, однако окончательное решение было принято в пользу строительства домны в Нытвенском заводе. В результате вместо меди завод стал выплавлять чугун. К Нытвенскому заводу были приписаны 13 рудников, расположенных по рекам Чусовая, Койва и Вижай. Всю добытую на этих рудниках руду подвозили зимой на берег Чусовой, проделав расстояние от 1 до 35 верст. Весной руду загружали в специально построенные суда и сплавляли по Чусовой и Каме до устья реки Нытва, преодолев свыше 380 верст водного пути. После разгрузки на пристани летом и зимой руду подвозили гужом непосредственно к заводу. В 1773 – 1775 годах завод не работал из-за крестьянской войны, возглавляемой Емельяном Пугачевым. В последующие годы всё очевидней становилось понимание невыгодности столь дальнего подвоза руды, тем более, что среди привезенного сырья почти половину груза составляла пустая порода. Кроме того, за 20 лет эксплуатации запасы руды в приписанных рудниках значительно сократились. Ко всему прочему за 30 лет металлургического производства лесосырьевая база на территории нытвенской дачи полностью истощилась. И, самое главное, прибыль, полученная от нытвенского завода, не покрывала затраты на его содержание. По этим причинам в 1788 году домна была ликвидирована, и завод стал железоделательным и прокатным 13).

В дополнение к Нытвенскому заводу Анна Александровна получила лесную дачу в районе речки Пашия. Эта часть наследства была более перспективной с точки зрения хозяйственного освоения. Край оказался чрезвычайно богатым железорудным сырьем. Здесь, на речке Таранчихе, в 1765 году началась разработка богатого железорудного месторождения. Со временем в округе было открыто 68 рудников, среди которых наиболее известными были Никольский, Журавлинские, Быковский, Петуховский, Зыковский и другие. Еще в 1750 году барон А.Г.Строганов рассматривал возможность строительства завода на речке Пашия при ее впадении в реку Вижай, но тогда предпочтение было отдано Кусье - Александровскому заводу. К вопросу о строительстве Пашийского завода вернулся муж Анны Александровны - князь М.М.Голицын - в 1772 году, поскольку 9 лет эксплуатации нытвенской домны уже показали её низкую рентабельность. Однако решение князя М.М.Голицина натолкнулось на противодействие со стороны князя Б.Г.Шаховского, который считал, что завод строится без его согласия и на землях совместного владения, а кроме того, новый завод, по его мнению, мог подорвать лесосырьевую базу Кусье -Александровского завода. Князя Шаховского поддержал граф А.С.Строганов. Он тоже опасался, что «новый завод нанесет ущерб его Чусовским соляным промыслам» 14).

Вместе с тем, место для строительства завода было чрезвычайно удобным, поэтому в 1782 году Анна Александровна вновь подала прошение в Канцелярию главного заводов управления о разрешении строительства железоделательного завода на речке Пашия. Наконец, несмотря на протесты А.С.Строганова, Б.Г.Шаховского и сенатора В.А.Всеволожского, 5 мая 1785 года казенная палата Пермского наместничества выдала разрешение на строительство завода с двумя домнами, двумя молотами и пильной мельницей. В 1786 году завод был введен в действие, имея на балансе три доменные печи с воздуходувными машинами, плотиной и все «заводские устройства» стоимостью 200 тыс. рублей серебром¹⁵⁾. Новое предприятие назвали Архангело - Пашийским в честь небесного покровителя Архангела Михаила, мужа Анны Александровны - князя Михаила Михайловича Голицина и речки Пашия. Завод находился на расстоянии всего в одну версту от Таранчихинского рудника¹⁶⁾.

Варвара Александровна получила в наследство Юго-Камский завод. Это был последний медеплавильный завод, основанный ее отцом в 1746 году с участием дядей Николая Григорьевича и Сергея Григорьевича Строгановых. Площадка для завода была выбрана при впадении речек Полуденная и Северная в реку Юг. Место было удачным, поэтому кроме Юго-Камского завода ниже по течению реки Юг оказалось возможным в 1833 году построить вспомогательный завод, который назвали Варваринским*) в честь первой хозяйки Юго-Камского завода и ее внучки Варвары Петровны Шуваловой.

Барон А.Г. Строганов и его братья строили Юго-Камский завод из расчета выплавлять примерно 6 тыс. пудов меди в год. Сырье подвозилось по рекам Чусовая и Кама из рудников Билимбаевского завода, что находились на расстоянии 543 верст от Юго-Камского завода, и из рудников Таманского завода по рекам Яйва и Кама на расстоянии 350 верст¹⁷⁾. В. Шишонко отмечал, что в то время для проплавки медной руды на завод завозили хромистый железняк, среди которого встречался редчайший минерал уваровит¹⁸⁾. Не исключено, что строительство медеплавильного Юго-Камского завода Строгановы увязывали с последующим приобретением в собственность казенных Егошихинского, Юговского и Мотовилихинского заводов, построенных на вотчинных землях, по которым были разбросаны 48 рудников, находящихся в общем пользовании с другими владельцами. Однако замысел не сбился. Просьба о переуступке казенных заводов была отклонена.

Вместе с тем, медной руды Юго-Камскому заводу хронически не хватало, хотя завод силами собственных рудознатцев разыскал 78 новых рудников. Медь плавил только в 3 печах из 6 имеющихся и то с перебоями. Нередко руды не хватало даже для работы одной печи. Став хозяйкой завода, В.А.Шаховская предполагала исключить выплавку меди из производства в 1770-е и 1780-е годы. Н.И. Павленко указывал, что в 1793 году производство меди было прекращено¹⁹⁾, хотя «Генеральное описание...» за 1797 год отмечало наличие медеплавильной фабрики в Юго-Камском заводе²⁰⁾.

Вероятно, Юго-Камский медеплавильный завод со временем так бы и угас, если бы в 1750 году крестьянин из деревни Чизма Никита Лобанов не нашел в 2-х верстах от деревни вверх по течению реки Чусовой месторождение железной руды. Оно оказалось столь «благонадежным», что добыча сырья из рудников, раскиданных по обоим берегам реки, позволила построить в устье реки Кусь, впадающей в реку Койва, новый чугуноплавильный завод. Его назвали Кусье-Александровским. Отсюда по рекам Койва, Чусовая и Кама весной и по гужевым дорогам зимой в Юго-Камский завод стал поступать чугун для переделки в железо. На основе чугуна развернулось кричное и колотушечное производство, в результате чего завод стал переделным.

«Медная история» Юго-Камского завода нашла неожиданное продолжение. В 1820 году, за три года до смерти В.А.Шаховской, крестьянин Иван Оботуров нашел медную руду на правом притоке реки Большая Ласьва, а в 1821 году крестьяне села Нижнемуллинского - Елохов и Вотев - нашли медную руду на реке Малая Ласьва. После этих открытий была сделана целая серия богатых находок, в результате которых вотчинное правление приняло

*) На дверях заводских фабрик были повешены иконы Святой Варвары Великомученицы, на которую рабочие молились перед началом и после окончания смены.

решение возобновить медеплавильное производство на Юго-Камском заводе. Начатое 18 февраля 1822 года, оно с разными результатами продолжалось до 1845 года, после чего было окончательно прекращено²¹).

18 июня 1784 года между наследницами А.Г.Строганова состоялся последний крупный раздел земель по реке Чусовой. До этого времени земли находились в общем пользовании. В соответствии с договоренностями Мария Артемьевна получила земли от устья реки Усьва «по обе стороны», Анна Александровна по рекам Вижай, Вильва и верховьям реки Усьва с левой стороны, Варвара Александровна – по рекам Койва, Лысьва, верховьям реки Усьва по течению с правой стороны²²).

Примерно в одно и то же время, когда делилось имение Александра Григорьевича, происходило деление земель Николая Григорьевича Строганова. Его наследники: Сергей Николаевич - в 1773 году продал землю сенатору Всеволоду Алексеевичу Всеволожскому, а Григорий Николаевич - в 1778 году продал свою землю придворному ювелиру Ивану Лазаревичу Лазареву. В относительной целостности сохранили свои земли наследники Сергея Григорьевича Строганова.

Раздел некогда единых Строгановских владений завершился в последней четверти ХУШ века. На их месте появилось шесть новых вотчин. Наиболее крупные из них принадлежали Шаховским (Шуваловым), Голицыным, Всеволожским, Лазаревым, А.С. и Г.А. Строгановым. Так к концу ХШУ века на Среднем Урале сложились новые крупные вотчинные горнозаводские комплексы. Однако деление вотчин продолжалось и в последующие десятилетия, но, как правило, оно осуществлялись в пределах одной семьи, поколения которых, сменяя друг друга, управляли этими владениями.

Распад огромного Строгановского имения не означал полного разрыва традиционно сложившейся структуры управления, производственно – экономической деятельности, социальной жизни, культурного развития региона и т.п.²³)

Внутрисемейные дела по разделу отцовского наследства между сестрами сопровождались важными общегосударственными событиями. В частности, состоялся административно – территориальный раздел Пермского наместничества на две части: Пермскую и Екатеринбургскую губернии с восемью уездами в каждой. В состав Пермской губернии вошли уезды: Пермский, Кунгурский, Соликамский, Чердынский, Обвинский, Оханский, Осинский и Красноуфимский²⁴) 18 октября 1781 года состоялось торжественное открытие губернского города Перми. Владения Анны и Варвары вошли в состав Пермской губернии Пермского уезда.

Административные действия властей активизировали хозяйственную деятельность горнопромышленников, от которых не отставали и супруги Шаховские. С 1785 года один за другим в строй вступили чугуноделательные заводы: Архангело-Пашийский, Лысьвенский, Бисерский, Шурманикольский, Молебский, Кизеловский, Кузьинский, Созвинский, Петрокаменский. Всего за 5 лет было пущено 9 новых заводов. Два из них, Лысьвенский и Бисерский, принадлежали В.П.Шаховской²⁵).

Несмотря на расширение хозяйственной сферы деятельности, управление вотчинными территориями Шаховские осуществляли по принципу многоступенчатости, сложившемуся еще до раздела единого строгановского владения. Главное правление Шаховских, или домовая контора, находилось в Петербурге, Голицыных - в Москве. Немногочисленные служащие конторы передавали распоряжения хозяев на заводы и солеварни, контролировали их деятельность, взаимодействовали с государственными и частными учреждениями и т.п. Особая контора для приема и сбыта готовой продукции имела в Нижнем Новгороде. Непосредственное управление заводами Анны Александровны и Варвары Александровны осуществлялось главными правлениями, расположенными в селе Верхние Муллы. После смерти сестер наследники Анны Александровны перевели свое главное правление в Нытвенский завод. За ходом

внутризаводской жизни следила вотчинная полиция, за жизнью сел – земские избы, во главе которых стояли приказчики 26). Все профессиональные и бытовые действия как мастеровых, так и приписных крестьян регламентировались на основании всевозможных «положений» и «штатов».

Для управления многотысячной крестьянской массой, обслуживающей заводы, в каждом селе имела земская изба с небольшим штатом служителей, назначенных верхнемуллинским главным правлением. Во главе избы стоял приказчик с небольшим штатом, состоявшим из помощника и нескольких писарей. Из числа наиболее авторитетных крестьян избирались мировой староста, добросовестные старшины, сотники и десятники. Также из крестьян ежегодно избирались окладчики, которые хорошо знали состояние крестьянских хозяйств и распределяли между ними «безобидно и уравнительно» повинности, спускаемые главным заводом управлением 27).

До 1861 года владельцы оплачивали за крестьян государственные подати и казенные повинности, обеспечивали в необходимом количестве пашенной землей и покосами, выделяли лес на строительство и отопление жилищ, разрешали заниматься подсобными промыслами, ловить рыбу и охотиться.

Итак, к концу ХУШ века Анна Александровна имела 2 завода и половину Кусье - Александровского, Варвара Александровна - 3 завода и вторую половину Кусье - Александровского завода 28).

5. Первые хозяева Лысьвенского горного округа

В 1763 году, в возрасте 15 лет, Варвара Александровна Строганова вышла замуж за князя Бориса Григорьевича Шаховского (1737 – 1813)*) - потомка древнего русского рода. Он много лет служил в армии, принимал участие во многих крупных сражениях под началом А.В.Суворова, был бригадиром, затем генерал-лейтенантом, увлекался театром, для чего в Москве имел свой крепостной театр. Много времени князь Борис Григорьевич занимался хозяйственными делами своей жены, поскольку хозяйственными вопросами молодая дама не интересовалась, да и проживала она в основном в Париже. За благотворительскую деятельность Варвара Александровна имела статус кавалерственной дамы ордена Св. Екатерины (малого креста).

За 12 лет до закладки лысьвенского завода, 29 февраля 1773 года, у супругов Шаховских родилась дочь Елизавета (29.2.1773 – 2.10.1796). Взросление и воспитание девушки в Европе, бурлящей революционными страстями, не прошло бесследно для Елизаветы. Двадцатилетняя княжна увлеклась бельгийским принцем, активным участником Нидерландской и Французской революций - Луи-Мари Д'Аренбергом (немецкий герцог Август фон Аренберг, граф де Ламарк -20.2.1757 – 2.4.1795) и вышла за него замуж. В декабре 1792 года у них родилась дочь Екатерина (ум.1794). Русская императрица Екатерина II отнеслась к браку своей подданной и бельгийского принца резко отрицательно. В соответствии с высочайшим указом от 24 марта 1792 года она повелела Сенату запретить въезд в Российскую империю княгине В.П.Шаховской, ее дочери и зятю, «участнику двух бунтов». Как грозное предостережение матери высокородной послушницы ее движимое и недвижимое имущество было отдано под опеку.

В соответствии с этим решением императрицы княгине Шаховской запрещалось продавать свое имущество, отдавать в залог, ее доходы ставились под контроль опекунов. 3 апреля 1792 года появился указ об опеке и после определения имени опекуна им был

*)Род Шаховских находился среди самых древних русских родов. Князь Борис Глебович по прозвищу Шах являлся 17-м коленом от Рюрика. Его род был занесен в 5-ю часть дворянских родовых книг Курской, Московской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Санкт-Петербургской, Тверской и Харьковской губерний. Родовой герб был внесен во II часть Общего гербовника. Князь Борис Григорьевич Шаховской принадлежал к первой ветви рода. Его будущий зять - князь Петр Федорович Шаховской принадлежал ко второй ветви рода, внесенной во 2-ю часть родословной книги.

назначен родственник княгини по матери генерал-майор Б.А.Загряжский. Он и стал руководить собственностью В.А.Шаховской в Вологодском, Екатеринославском, Нижегородском, Пермском и Тверском наместничествах. Святейшему Синоду было указано расторгнуть брак Елизаветы Борисовны и Аренберга под угрозой конфискации всего имущества княгини. При таких условиях развод был неизбежен, и в 1794 году он состоялся.

Наконец мать и дочь вернулись в Россию. Однако, уже в 1795 году, Елизавета Борисовна увлеклась дальним родственником, приходящимся ей племянником (по некоторым источникам четвероюродным братом) ²⁹⁾, князем Петром Федоровичем Шаховским (17.3.1773 – 21.12.1841). Вопреки воле матери, Елизавета бежала со своим возлюбленным в его вяземскую деревню, обвенчалась там и впоследствии родила дочь Варвару, названную так в честь бабушки Варвары Александровны ³⁰⁾

В 1796 году неожиданно для всех Елизавета Борисовна Шаховская умерла. Причина смерти молодой княгини осталась неизвестной. По некоторым данным она отравилась.

Никто не знал, как долго продлится опала В.А.Шаховской. Поэтому в 1797 году княгиня Анна Александровна Голицина, учитывая, что и московский дом сестры на Тверской улице тоже был под опекой, соорудила для Варвары Александровны в деревне Анино, что располагалась в северной части подмосковного имения Голицыных Кузьминки, «усадыбу в усадьбе». Случай беспрецедентный, когда собственная усадьба устраивалась на чужой территории, но он указывал, насколько близкими были родственные отношения между сестрами, хотя хозяйственные споры имели место как между их мужьями, так и их потомками.

Смерть Елизаветы Борисовны, замужество которой стало причиной раздора между императрицей и княгиней, позволила новому императору Павлу Первому 25 апреля 1797 года снять опеку. Варвара Александровна вновь вступила в полноправное владение своими имениями, получив от Б.А.Загряжского полный отчет о доходах и хозяйственно-экономическом состоянии владений.

Переехав на жительство в первопрестольную столицу, Варвара Александровна занялась хозяйственными делами и благотворительностью. Понять реальное положение дел княгини на уральских заводах в 1791 году отчасти помогает «Генеральное описание о монетных дворах, литейных и всех горных заводах, в ведении государственной Берг - коллегии состоящих, как казенных, так и партикулярных, с показанием: когда и где они построены? на каких землях? при каких реках? в каком расстоянии от городов и заводов близ находящихся, какими довольствуются лесами? какое по настоящему их действую имеют внутреннее устройство? и т.д» ³¹⁾.

В развернутом виде горнозаводское хозяйство В.А.Шаховской представил Н.С.Попов ³²⁾.

	Юго-Камский завод	Кусье-Александровский	Лысьвенский	Бисерский
Плотина: Длина- Ширина- Высота-	Р.Юг 270 сажен, 25 саж. с отсыпкой, 7 саж.	Р.Куся 40 сажен, 10 саж. с отсыпкой 20 саж. 4 саж.2 аршина	Р.Лысьва 195 1/2 саж., 18 саж. с отсыпкой 40 с.	Р.Бисер 130 саж. 10 саж. без отсыпки, 6 саж.
Пруд: Длина – Ширина-	3 версты, 450 саж.	2 1/2 версты, от 40 до 50 саж.	7 верст, 200-300 саж.	2 версты, 100-150 саж.
Кол-во доменных печей	Нет	Одна (совместно с сестрой)	Одна	Одна

Выпуск чугуна в сутки	Нет	150-200 до 250 пудов 40 коп.	180-200 до 250 пудов 60 коп.	250-300 пудов 50 коп.
Себестоимость 1 пуда чугуна	Нет			
Выпуск чугуна в 1797 году – 1798 году- Чугун подвозился	Нет За 356 верст из Кусьи и 386 верст из Бисера	35 838 пудов 35 349 пудов В Лысьву и Юго-Камск	53 787 пудов 68824 пуда	75549 пудов 81985 пудов В Лысьву и Юго-Камск
Кол-во кричных фабрик	Одна, 8 молотов	Одна, 2 молота	Четыре, 24 молота	Одна, 2 молота
Себестоимость 1 пуда железа	От 70 до 80 к.	90 коп.	1 рубль	80 коп.
Выпуск железа в 1797 году – 1798 году-	26732 пуда 34489 пудов	9010 пудов 10152 пуда	75516 пудов 71482 пуда	От 6000 до 8000 пудов в год
Руда подвозится на расстояние		Чусовское урочище: 7, 9, 12 верст	Чусовское урочище	Койвенсоке урочище: поблизости от завода

За десятилетие с 1797 по 1806 год её чугуноделательные заводы практически не знали сбоя в работе, если не считать некоторый спад на Лысьвенском заводе, имевший место в 1797 и 1798 годах. За это время Кусье-Александровский завод произвел 791335, Лысьвенский - 657379, Бисерский - 982532 пудов чугуна. Штыковой чугун и железо продавали в верхние и нижние города Поволжья. Кроме того, на Кусье-Александровском заводе из железа делали небольшое количество 15-17 пудовых молотов, а также обслуживали потребности соленых промыслов, на Бисерском заводе из чугуна отливали посуду, на Лысьвенском заводе делали якоря для весенних караванов, кричные молоты от 16 до 18 пудов весом, разнопрутковое железо, толстую проволоку под названием «межеумочная», на Юго-Камском заводе изготавливали якоря для соляных судов и коломенок, кричные молоты по 20-40 штук в год, слесарные и кричные инструменты, разносортные гвозди и скобы для Новоусольских соляных промыслов и т.п. как на продажу, так и для собственных нужд.

От выпуска традиционных видов продукции заводы В.А.Шаховской отсупили накануне и в годы Отечественной войны 1812 года, когда по представлению Пермского горных заводов правления совместно с другими частными заводами занимались выпуском артиллерийских боеприпасов для русской армии. Горнозаводский краевед В.В.Киреев, специально изучавший этот вопрос, писал в газете «Ленинец» за 24 марта 1979 года: «На 1812 год ... указывалось изготовить ... Кусье-Александровскому (заводу) -247 пудов ядер, 1300 бомб, 90 –картечи, Бисерскому и Лысьвенскому заводам -1398 пудов 27 фунтов ядер, 2605 – бомб, 1050 –гранат, 5510 пудов 6 фунтов картечи». В общей сложности заводы княгини (без учета Юго-Камского) поставили в армию в 1812 году более 12 200 пудов боеприпасов, а в 1813 – 11813 пудов. В основном это были ядра от 3 до 24 фунтов, двадцатифунтовые гранаты, 2-х пудовые бомбы, картечь различных номеров.

При каждом заводе имелись свои кузницы, лесопильные мельницы, кирпичные заводы, конюшенные дворы, амбары и магазины для хранения съестных припасов, готовой продукции, угля, инструмента и т.п. В двойном количестве эти и другие постройки

имелись в Кусье-Александровском заводе в силу того, что у него были две хозяйки. Помимо двух заводских контор в Кусье имелись 5 господских домов, принадлежавших В.А.Шаховской и 4 – А.А.Голицыной, 80 обывательских домов В.А.Шаховской и 32 – А.А.Голицыной. В Кусье проживали 240 мастеровых и 48 крестьян А.А.Голицыной и 145 крестьян и 147 мастеровых В.А.Шаховской. Часть мастеровых В.А.Шаховской проживали в 12 верстах от Кусьи в деревне Усть - Койва 33). В Бисере было 9 господских и 130 обывательских домов, деревянная церковь, заводская контора, 185 крепостных мастеровых 34), в Юго-Камске: деревянная церковь, заводская контора, 3 господских и 180 обывательских домов, 432 крепостных крестьянина 35).

Продовольствие для жителей заводских поселков, в основном мука и крупы, поступало из сел, расположенных в южных волостях владелицы. Мясо и рыбу администрация закупала у вольных торговцев. В Лысьве и Усть-Койве бывшие мастеровые, отошедшие от заводского действия по немощности, выращивали в небольшом количестве рожь, овес и ячмень.

Население округа жило достаточно спокойно. Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников не показал каких-либо значительных социальных потрясений в имениях В.А.Шаховской в указанный период ни среди мастеровых, ни среди при заводских крестьян 36).

Это, конечно, не означало, что недовольных среди заводских работников и крестьян не было. За отказ от порученной работы, порчу хозяйского имущества, некачественно или в неполном объеме выполненную работу налагался денежный штраф или телесное наказание розгами. Особенно тяжким проступком считалось неповиновение власти. Здесь наказание было очень суровым: виновные штрафовались битьем розгами в присутствии работников завода, отправлялись на работу в рудники «до исправления», отдавались в рекруты или высылались в Сибирь. Провинившихся крестьян наказывали не менее сурово: отправляли на дополнительные посылочные работы в самые отдаленные вотчинные места, накладывали денежные штрафы, подвергали публичным поркам, помещали под арест в «холодную». Наказание мог наложить любой староста, надзиратель, приказчик или начальник.

При условии невероятно тяжелой работы, сопутствующей заводскому производству, заработная плата мастеровых обеспечивала им и членам их семей сносное существование. По подсчетам С.Г.Струмилина: «...средняя годовая плата уральских рабочих за весь ХУШ в. составляла около 30 р.40 к., дневная – свыше 12 коп.сер. при средней цене ржаной муки в 13 ,5 коп, и говядины – около 45 коп. за пуд. Значит, за эту дневную плату на Урале можно было купить 14, 5 кг муки или 4,5 кг говядины...» 37)

Интересное исследование о последних 26 годах жизни В.А.Шаховской провел Е.Г.Неклюдов. Он, в частности, писал: «С этого времени (с 1897 г. – Н.П.) и до своей кончины княгиня В.А.Шаховская более не испытывала судьбу и сохраняла свои владельческие права на родовое имение. Она поселилась в Москве в собственном доме на Малой Никитской, откуда руководила своими обширными владениями. Княгиня основательно занялась заводами, издав в 1805 г. подробные «правила по управлению», состоявшие из более сотни параграфов. По сведениям за 1821 г., к этому времени значительно выросли доходы имения, достигшие 1464 тыс. руб. асс. (в том числе от продажи 900 тыс. пудов соли поступило 594 тыс., от проданных купцу Шемякину по 150 тыс. пуд. железа за 1819 – 1821 гг. – 620 тыс., «вотчинные доходы» - оброк с крестьян – составил 250 тыс. руб.). За вычетом расходов на действие заводов и промыслов (664 тыс. руб.) княгиня предполагала получить до 800 тыс. руб. прибыли. Правда, за это же время значительно выросли и долги владелицы. Новые залоги в Опекунском совете увеличили «старый» долг до 474321 руб. Были также взяты два кредита в Заемном банке на 152615 руб. До 1898270 руб. возросли частные долги (35 русским и иностранным кредиторам), наиболее крупным из которых (1,5 млн. руб.) являлся частный залог трети крепостных у родственников Голицыных. Кроме того, до 400 тыс. руб. «висело» на Пермском

вотчинном правлении. Общая сумма всех долговых обязательств достигала 2,9 млн руб. Одни выплаты по процентам составляли в год около 220 тыс. руб., однако при предполагаемой прибыли в 800 тыс. руб. они не казались княгине столь уж обременительными.» 38)

5 июня 1821 года 72-летняя княгиня составила духовное завещание, в котором говорилось: «...я почла необходимо нужным сделать сие духовное завещание, исполнение которого поручаю я внучке и наследнице моей графине Варваре Петровне Шуваловой, урожденной княжне Шаховской, и супругу ее графу Павлу Андреевичу Шувалову... Вручая вам, милая Варвара Петровна и граф Павел Андреевич, сие завещание мое и все приложенные при нем бумаги, я прошу вас вменить себе в священную обязанность точное и неременное исполнение изложенной в них воли моей. Я уверена, что определенные мною награды и пансионы не могут быть для вас обременительны потому, что в назначении оных соображалась я с мерою возможности вашей: ибо достояние мое оставляю вам не обремененным излишними долгами и не расстроенное, но приведенное в возможное благоустройство. Доказательством тому может служить прежний и нынешний доходы мои: прежний, до 1817 года бывший, состоял из суммы от 400 тыс. до 500 тыс. рублей, а нынешний простирается до 800 тыс. рублей и при том крестьяне противу прежнего облегчены» 39).

Кавалерственная дама княгиня Варвара Александровна Шаховская умерла 29 октября 1823 года, оставив свои Пермские владения, заводы и соляные промыслы, единственной внучке графине Варваре Петровне Шуваловой.

6. Начало Лысьвенского горного округа

В начале ХУШ промышленные районы Российской империи были объединены в так называемые заводские округа. Наибольшее количество округов располагалось на Урале. Как правило, округа создавались для обслуживания потребностей заводов в руде, лесе, рабочей силе. Центром округа был завод – казенный или частный. Округ, в котором располагался казенный завод, назывался, например, Гороблагодатским горнозаводским, а округ, в котором работал частный завод, назывался, например, Лысьвенским горным округом. В соответствии с решением правительства казенные заводы должны были продавать железо за границу, а частные – на внутрироссийском рынке. В границах одного округа мог быть один передельный и несколько чугуноделательных заводов, как это было в Лысьвенском горном округе. Независимо от вида собственности, казенной или партикулярной, заводы и прирезанная к ним земля являлись единым недвижимым имуществом. На основании статей 402 и 407 Горного Устава землю нельзя было продать отдельно от завода, так же, как завод нельзя было продать отдельно от земли. В 1739 году был решен важный для жизнедеятельности заводов вопрос, в соответствии с которым к обязательным 250 квадратным сажням заводской земли предусматривалась возможность прирезки дополнительных земельных площадей. Спустя 5 лет было принято решение об отведении казенных лесов частным заводам сроком на 60 лет. Указ 1782 года об отмене «горной свободы» объявил все богатства недр, находящихся в землях владельцев, их собственностью. Для Шаховских это было крайне важно, поскольку недра их совместной с князьями Голицыными Кусье – Александровской дачи были весьма богаты, как оказалось, не только железной рудой. Стать единоличными распорядителями этих богатств было весьма заманчиво.

Идея о независимости владельцев заводов и огромных земель от правительства пробивалась, как и отмена «горных свобод», много лет. Наконец, в 1794 году был принят указ о разграничении частных заводов на два разряда: владельческие и посессионные. К разряду посессионных относились заводы, которые пользовались какими – либо казенными льготами в виде денежных ссуд, аренды рудников, рабочей силы, лесных угодий и т.п. При этом хозяева посессионных заводов, они могли быть и лицами недворянского происхождения, были ограничены в предпринимательской деятельности:

например, не могли самовольно свернуть или расширить производство, перевести на другой завод мастеровых и т.п. Они платили полуторный налог в казну по сравнению с хозяевами владельческих заводов 40). Впрочем, заводчики всегда достаточно успешно обходили всевозможные указы и законы, если речь шла об их прибылях.

Среди новых заводчиков последней четверти ХУШ века на Урале обозначились фамилии Твердышевых, Мясниковых, Походяшиных, Осокиных, Яковлевых и других, в основном из числа лиц «неблагородного» происхождения. Свой интерес не упускали и люди «благородного» происхождения, среди которых были князь и княгиня Шаховские.

Как было сказано, в наследство от отца Варвара Александровна получила Юго-Камский и на паях с сестрой Анной Александровной Кусье - Александровский заводы. Основной доход от заводов приносила продажа железа, которое до пуска Лысьвенского производилось на Юго-Камском заводе. Сюда чугун доставляли из Кусье-Александровского завода на шитиках по Койве, Чусовой и Каме. По всей вероятности, чугуна было в избытке, поэтому, используя энергетические ресурсы юго-камского пруда, на заводе были дополнительно установлены еще 2 молота. В общей сложности их стало 5.

Свою долю Кусье – Александровского чугуна стремилась пристроить для переработки и А.А.Голицина.

Князь Б.Г.Шаховской полагал, что переброска большого количества чугуна сырьем в Юго-Камский завод все же требует слишком значительных затрат из – за большого расстояния, да и производимого чугуна и железа можно было иметь много больше. Встал вопрос о строительстве еще одного – двух доменных заводов и расширении передельного производства. Таким образом, планы по строительству Лысьвенского и Бисерского*) заводов, рожденные во времена хозяйственной деятельности Марии Артемьевны Строгановой, стали претворяться в жизнь.

Княгиня Варвара Александровна, по обыкновению «за отбытием чужие края», обратилась к московскому родственнику генерал – майору Б.А.Загряжскому с просьбой дать задание своему поверенному Захару Буйневскому приступить от ее имени к сбору документов, разрешающих строительство доменного завода на реке Лысьва. 30 апреля 1785 года доверенность, заверенная подписями Б.А. Загряжского, генерал-майора П.А.Шепелева и лейб – гвардии Преображенского полка поручика графа Н.И.Толстого, была передана Буйневскому.

В челобитной на имя императрицы Екатерины Алексеевны говорилось: «Бьет челом его сиятельства господина бригадира князя Бориса Григорьевича Шаховского супруга его княгиня Варвара Александровна Пермских вотчин, соляных промыслов, заводов поверенный Захар Андреев сын Буйневский и о чем мое прошение тому следует...на собственной ее даче по реке Чусовой на впадающей в оную по течению с левой стороны речке Лысьве построить новый завод для проплавки чугуна две домны и для расковки железа потребное число молотов с фабриками...»

Уже 23 мая Буйневский, ссылаясь на высочайший указ, обратился в Пермскую казенную палату с просьбой о разрешении строительства чугуноделательного завода с потребным числом молотов на реке Лысьва. При этом он приводил аргументы в пользу государственной пользы, выгоды владелицы, наличия на собственных дачах владелицы железных рудников, а также на «умножение доменного действия, коего с прочими заводосодержателями при Кусье – Александровском заводе имеется у нее из оной домны только некоторая часть, поелику ощущаю ныне в чугуне недостаток...».

Говоря о достаточном количестве железных рудников, Буйневский несколько не кривил душой, поскольку в 1784 году в собственности княгини В.А.Шаховской имелось 77 рудников, у ее сестры А.А.Голицыной – 58, общих 3 и спорных 8 рудников 41).

О намерении Шаховских приступить к строительству завода узнал сенатор Всеволод Алексеевич Всеволожский, владевший к этому времени Пожевским заводом, который, по

*)5 ноября 1761 г. Г.А.Демидов пустил в строй Бисертский молотовый завод на реке Бисерть. Продолжением демидовского завода стал завод «Уралсельмаш», расположенный в поселке Бисерть Свердловской области. Применительно к Бисерскому заводу Шаховских-

Шуваловых на реке Бисер в документах и письменных источниках ХУШ – ХІХ веков встречается написание через букву «т» - Бесер(т)ский.

свидетельствам исследователей, он приобрел «странным образом». Похоже, сенатор тоже примерялся к месту на речке Лысьва, поскольку подходящих площадок для строительства заводов на Среднем Урале осталось не так уж и много. С разницей в несколько дней за челобитной Варвары Шаховской на высочайшее имя ушла челобитная Всеволода Всеволожского. Удивляет то, что в своем документе сенатор почти из слова в слово повторял текст челобитной княгини. Через своего поверенного - Ермилу Анисимова сына Попова - он пытался оспорить единоличное право владелицы на лысьвенские земли и утверждал, что они являются общей собственностью Строгановых. Трудно сказать, чем руководствовался сенатор в своей челобитной.

8 июля 1785 года Пермская казенная палата рассмотрела челобитные Буйневского и Попова. В своей челобитной Попов в более развернутом виде, нежели его хозяин, приводил доводы в пользу незаконности строительства завода на реке Лысьва. В доказательство он делал ссылки на раздел имущества, состоявшийся в 1747 и 1749 годах, на манифест 1782 года и даже на Берг-привилегии, обозначенные законом 1719 года. Попов настаивал на том, что строительство нового завода должно быть согласовано с владельцами чусовских соляных промыслов, на чьих якобы землях строится завод, что он приведет к истощению лесов, необходимых для слюдеварения, и просил Пермскую казенную палату: «... к таковому построению условий и позволения не давать».

В считанные недели Пермский губернский суд и казенная палата подтвердили право Варвары Александровны Шаховской на лысьвенские земли и разрешили: «...по силе сего высочайшего соизволения упомянутой княгине Шаховской построение в своих дачах объявленного для плавки чугуна иковки железа завода с потребным к тому строением и предоставить на ее волю...». Блюдя интересы казны, пермские чиновники обязали Захара Буйневского немедленно поставить казенную палату в известность о пуске завода в действие, что и было своевременно исполнено.

В августе 1785 года в среднем течении реки Лысьва началось строительство Лысьвенского чугуноплавильного и железоделательного завода, ставшего впоследствии центром огромного горнозаводского округа. Почти одновременно, с небольшим разрывом во времени, началось строительство Бисерского завода на реке Бисер, правом притоке реки Койва. Собранные из разных мест крестьяне рубили из бревен стены фабрик, здесь же пилили лес и из досок собирали крыши. Для придания стенам огнестойкости, их обмазывали глиной, в которую подмешивали овечью шерсть. Окон в фабриках не было, по этой причине помещения освещались за счет открытых дверей или горнов, факелов и лучин. К фабрикам пристраивали небольшие помещения, куда складировали белую глину для ремонта горнов и смазки фурм, кирпич, отдельно размещали деготь, предназначенный для смазки трущихся частей механизмов, топленое говяжье сало для смазки меховых крюков. Вдоль внутренних стен размещали рабочие инструменты: ломы для чистки фурм, для очистки шлака у горнового порога, лопатки, крюки, кочерги, грабли, сечки, молотки. Вдоль наружных стен складывали различной величины корзины для подноски руды, флюсов, угля и т.п. Уже 28 января 1788 года верхнемуллинская контора княгини В.А.Шаховской докладывала в Пермскую казенную палату о пуске 27 декабря 1787 года Лысьвенского доменного и молотового завода с одной домной и потребным числом молотов, а 5 апреля 1789 года о пуске 22 января 1788 года Бисерского доменного завода с одной домной. Качество полученного чугуна определяли при разломе «на глазок» и делили на два сорта. Высший сорт шел на выделку железа, низший – на литье грубых изделий 42).

Самым крупным заводом Лысьвенского округа был одноименный завод. Первые и наиболее полные заметки об этом предприятии оставил пермский берг – инспектор П.Е.Томилов в «Описании заводов хребта Уральского», составленном в 1807 – 1809 гг. 43)

В разделе «Лысьвенской чугуноплавильной и железоделаемой госпожи княгини Шаховской завод» автор писал: «...Ныне руды проплавляются с рудников: Никольского, Коевокуртымского, Куртымского и Тильчинского, рас(с)тоянием от завода: 1-й в 50, 2-й в 60, 3-й в 40, а последний в 55 верстах. Добыча и перевозка руды производится собственными ее княгини люд(ь)ми, которым плата производится по 40 коп. с 1000 пуд. Рудники положение имеют в ровных местах, а красной глине, пластами и гнездами. В 100 пудах содержится чугуна по 35 и 36 пудов. Руды в сутки проходит от 700 до 800 пудов, колошами от 27 до 28. Во флюс употребляется песок, добываемый в 7-верстном рас(с)тоянии. Оной с доставкой на завод каждые 1000 пуд по 10 копеек. Угля в сутки употребляется по 27 и 30 коробов. Выпуски бывают в сутки по 2 раза, в каждой чугуна получается от 124-х до 142-х пуд. В две смены людей обращается: за присмотром мастер 1, при работе подмастерьев 2, работников 6, рудобоев 8, засыпок 2, углевозов 4, соковоз 1, рудовозов 2, плотник 1 с жалованьем мастеру 50 руб. в год, подмастерью 20, работникам, засыпкам, рудобоям, соковозу, рудовозу и плотнику по 16 коп. в день». К 1809 году в Лысьвенском заводе было «Обывательских домов 414. В них мужска пола 949, женска 948 душ,.. а «Собственных, принадлежащих к сему заводу людей, состоит по последней ревизии 5379 душ».

Практически в одно время с Лысьвенским строился Бисерский чугуноплавильный и железоделательный завод. Начало строительству было положено в 1786 году, в 1787 году - построена плотина, а в 1788 году – доменная печь. Собственных мастеровых числилось мужского пола 169 и женского 157 душ. Кроме того на заводских работах было занято 790 крестьян. Помимо них привлекались 150 крестьян, живущих в ближних к заводу деревнях, и 1704 из дальних деревень. При домне был установлен один кричный горн и один молот. На заводских работах обращалось 110 мастеровых. «Под домной у горна задалживалось 15 рабочих, у возки сока 3, на домне засыпщиков 3, у носки угля 6, у возки руды и флюса 3, у разбивки руды и флюса 10, у возки угля 3. Эти 43 чел. сменялись посуточно»..⁴⁴⁾

Несколько десятилетий подряд Бисерский завод выпускал чугун в пределах 100 тыс. пудов в год. Это было сравнительно немного. По данным на 1827 год за 308 дней действия из 205 тыс. пудов руды и кричных соков (кричное производство началось в 1820 г –Н.П.) было выплавлено всего 68 тыс. пудов чугуна. Выход составлял всего 34%, тогда как подавляющее большинство уральских доменных заводов давали выход более 60%. На 1 куб. аршин угля выплавлялось 1 пуд 9 фунт. чугуна. На прочих уральских заводах выплавлялось на пуд угля от 2 до 3 пудов чугуна. Что касалось выковки железа, то на 1 куб. аршин угля на заводе выковывалось 40 фунт. железа. В этом отношении Бисерский завод занимал срединное положение в списке железоделательных предприятий Урала. Содержать такой завод без существенных изменений хозяевам было выгодно только по двум причинам: из-за дармового труда подневольных работников и богатых запасов руды, леса и других расходных материалов.

В начале пореформенной эпохи, т.е. к 1863 году, на заводе имелась одна доменная печь, вагранка, 3 пудлиноговые печи, 2 большекричных крытых горна, 2 малокричных крытых горнах, 4 кузнечных горна, 3 расковочных молота, 3 вододействующих молота мощностью 90 л.с. ⁴⁵⁾.

Все заводы, входившие в состав Пермских владений В.А.Шаховской, занимались выплавкой чугуна и выделкой железа ⁴⁶⁾.

Название завода	Год	Кол-во домен	Кол-во молотов	Чугун (в тыс.пудов)	Железо (в тыс.пудов)
Кусье-Александровский	1760	1	2	68,2	4,8
	1770	1	2	51,7	Совместно с Ю.-К.-34,5
	1780	1	2	52,4	0,7

	1790	1	2	78,6	56,6
	1800	1	2	76,5	21,0
Юго-Камский	1760	-	3	-	11,0
	1770	-	3	-	Совместно с К. -А-34,5
	1780	-	5	-	27,7
	1790	-	5	-	68,0
	1800	-	6	-	107,9
Лысьвенский	1790	1	1	70,4	Совместно с Бисерским з.- 50,7
	1800	1	12	69,9	104,5
Бисерский	1790	1	-	94,4	Совместно с Лысьвенским з.- 50,7
	1800	1	1	97,7	10,6

Итак, в последней четверти ХУШ века среди крупных заводладельцев Среднего Урала появилась фамилия Шаховских, владевших «старыми» - Юго-Камским и половиной Кусье-Александровского и «новыми» - Лысьвенским и Бисерским - заводами. В недрах землевладений имелось большое количество железной руды и хромистого железняка, золота, платины, алмазов, доломитов, кварца, имелись также колоссальные запасы леса.

Так было положено начало Лысьвенскому горному округу. Округ имел выход на Гороблагодатский тракт, а по нему на Сибирский и Бирский тракты. Была у Строгановых «тайная» дорога, оставшаяся позднее их наследникам. Проложили ее вопреки царскому указу, разрешавшему существование только одной дороги через Урал - Бабиновской. «Тайная» или «новая» дорога Строгановых проходила из Чусовских Городков через село Калинское-Лысьвенский завод-Усть-Койву-Кусье-Александровский завод-Бисерский завод и шла на Верхотурье. Строгановы, а потом Шаховские и Голицыны не разрешали посторонние гужевые перевозки по этой дороге. Во второй половине XIX века по северной и северо-восточной границе округа прошла Уральская (Пермская) горнозаводская железная дорога.

На территории округа было все для успешного ведения чугуноплавильного и железоделательного производства.

7.Заводское хозяйство округа

Реки и пруды

Местоположение Лысьвенского горного округа было удачным.. Он располагался практически в центре горнозаводского Урала, в восточной части Пермского горного округа, где граничил с Верхотурским и Западно-Екатеринбургским горными округами. Округ почти пересекал с юго-запада на северо-восток Уральские горы, находясь большей своей частью на западном склоне, меньшей-на восточном. Рельеф местности имел тенденцию постепенного повышения с запада на восток и сильно изрезан долинами рек и водоразделами. В округе много пригодных для хозяйственной деятельности рек. Наиболее крупные из них - Чусовая, Койва. Усьва, Лысьва. Чусовая протекала по территории округа примерно на протяжении 70 км. До пуска в действие Уральской (Пермской) железной дороги она была основной транспортной артерией по перевозке заводской продукции, угля, руды.

Название реки	Протяженность	Площадь водосбора	Основные притоки
---------------	---------------	-------------------	------------------

Усьва -образ. от коми- перм.: «усьны» -«падать»; «ва»- вода ⁴⁷⁾	266 км (по некоторым данным -243 км)	6170 кв.км	М.Хариусная, Б. Хариусная, Порожная, Вильва (левые), Сурья, Березовка, Перша (правые).
Койва – образ. от коми- перм.: «кой» - «брызги»; «ва» - «вода» ⁴⁸⁾	180 км (по некоторым данным – 140 км)	2250 кв.км	Тискос, Ольховка, Кырма, Тырым (левые), Бисер, Кусья (правые)
Лысьва - образ. от коми- перм.: «лыс» - хвоя, «ва» -«вода» ⁴⁹⁾	112 км (по некоторым данным -114 км)	1010 кв. км	Б.Запорная, Березовка (левые), Бурсяк, Татарка, Сосновка (правые)

Наличие реки около завода было наиважнейшим требованием, поскольку энергия падающей воды использовалась для приведения в действие воздуходувных машин, молотов, прокатных станков и т.п. Для эффективного использования гидросооружения в производственном процессе необходимо было поднять уровень воды на соответствующую высоту, что можно было сделать только с помощью плотины. Для организации искусственного водоема требовался определенный рельеф местности: по возможности крутые берега и относительно неширокая, но длинная речная долина, в которой можно было скопить потребное количество воды для бесперебойной работы заводских механизмов в течение всего года. В Кусье-Александровском заводе для организации пруда была перегорожена плотиной река Кусья, в Бисерском – река Бисер и ее приток -река Мерзлая.

Первые прикидки строительства плотины на реке Лысьва были сделаны у деревни Большая Лысьва несколько ниже впадения в нее правого притока реки Мельничная, получившей свое название по расположенной на ней небольшой лесопильной мельнице. Однако в указанном месте долина реки Лысьва была слишком широкой. Чтобы перегородить ее, требовалось гидросооружение длиной почти в версту, да и глубина искусственного водоема обещала быть незначительной, что обещало глубокое промерзание в зимний период времени. Кроме того, чтобы построить основание плотины в данном месте, нужно было снять толстый слой торфа, что значительно удорожало строительство, а впоследствии усложняло эксплуатацию гидросооружения. По этой причине было решено перегородить реку Лысьва на пять верст выше по течению, немного ниже устья небольшой речушки Травянка, что позволяло дополнительно расширить зеркало будущего пруда за счет большого залива и придать всему гидросооружению достаточную глубину. Уже в советское время инженеры отмечали идеальный вариант выбора площадки для строительства плотины, исходящий из геофизических и гидрологических условий данной местности.

Плотины для заводских прудов возводили практически по одной схеме. Ниже дна реки по всей длине будущего гидросооружения срезали слой наносной земли, песка, гравия и торфа до твердой породы. Вдоль края рва, обращенного к будущему пруду, вбивали 2-3

ряда свай, на которые устанавливали деревянный реж – бревенчатую решетку. Реж делали и со стороны завода. Место соприкосновения режа со сваями забивали мхом, а между бревнами – глиной. В реже делали прорезы и устанавливались деревянные лари для пропуска воды. В плотине лысьвенского пруда было пять прорезов, в том числе: 2 - для работы прокатных станков, молотов и других механизмов, 2- для пропуска излишков воды в половодье и ливневых дождей, 1- для пропуска бревен, поскольку на территории завода долгое время работала лесопильная фабрика. Лари представляли собой желоба, сколоченные из досок дюймовой толщины. В середине XIX века желоба заменили деревянными трубами. По внешнему и внутреннему диаметру каждую трубу укрепляли десятью парами железных обручей. В местах соединения трубы вкладывали одну в другую, забивали деревянные клинья с паклей, затем конопатили паклей с клеем и, наконец, смолили изнутри и снаружи. Такая труба могла прослужить до 10 и более лет. Всего на Лысьвенском заводе действовало 37 водоводных труб, суммарное сечение которых составляло 38,7 квадратных футов. Внутреннюю часть плотины забивали смоченной глиной, которую тщательно трамбовали. Со стороны пруда делали отлогую отсыпку из глины шириной не менее половины основания плотины. Так в общих чертах выглядела лысьвенская плотина 50).

За состоянием плотин и уровнем воды в прудах следили специальные плотинные мастера. Для максимально рационального использования водных ресурсов они вели журналы, в которых фиксировали подъем или спад воды в прудах. Это было крайне важно, поскольку даже при условии постоянного гидрологического контроля на Бисерском заводе, например, из – за недостатка воды в пруду не могло развиваться железоделательное производство.

Сохранились журнальные записи плотинного мастера Лысьвенского завода. Вот как выглядели результаты среднего уровня воды за пять лет наблюдений с 1846 по 1850 год 51).

Название месяца	Высота воды (в аршинах)
Январь	2,4
Февраль	1,9
Март	1,6
Апрель	3,8
Май	6,4
июнь	5,9
июль	5,3
Август	5,9
Сентябрь	5,7
Октябрь	5,4
Ноябрь	4,5
декабрь	2,4

Таким образом, наиболее благоприятным для заводских работ было время с мая по ноябрь, неблагоприятным – период с декабря по март месяц. В полную силу завод работал с 25 марта – 15 апреля до 1-5 августа. Почти весь август завод не работал, потому как мастера занимались сенокосами и сельхозработами на своих подворьях. Примерно по такой же схеме работали остальные лысьвенские заводы.

Другим немаловажным обстоятельством, связанным с водой, было сравнительно близкое расположение реки Чусовая. От Лысьвенского завода до реки Чусовая было всего 18 верст, от Бисерского завода – 85 верст, от Кусье-Александровского – 35 верст по реке Койва. Почти 200 лет река Чусовая использовалась в качестве единственной транспортной артерии, объединяющей горнозаводский Урал с торговыми центрами России. В половодье по реке Лысьва сплавливали небольшие баржи - шитики с готовой

продукцией до пристани Усть-Лысьва. Однако место этой пристани оказалось не очень удобным и его перенесли на 8 верст ниже по течению Чусовой в урочище Долгое Устье, где основали новую Усть-Долгинскую пристань. К ней из Лысьвенского завода проложили грунтовую дорогу, называемую в просторечьи «чугункой», поскольку зимой по ней возили чугун и железо. По реке Койва груз сплавляли до пристани Усть-Койва. На пристанях обычно строили большие склады, в которые подвозили готовую продукцию и зимой. Здесь же осуществлялась перевалка товаров в более вместительные суда, продолжавшие плавание по Каме и Волге. День начала сплава шитиков по рекам Лысьва и Койва приравнялся к общезаводским праздникам. Рано утром почти все население поселков в праздничных одеждах выходило на берег реки и радостными криками приветствовало отходящие в путь шитики. По команде плотинного мастера рабочие открывали дополнительные прорезы в плотинах, и во много раз увеличенный водяной вал подхватывал шитики и уносил их вниз к Чусовой. Ниже заводов речные русла выпрямляли, срезая лопатами самые извилистые повороты и изгибы реки, кое – где взрывали камни, мешающие прохождению барж.

Пожалуй, не было в округе рек, на которых не была бы проведена инструментальная съемка и не осмыслено их хозяйственное использование. По мере расширения производства и связанной с этим увеличением потребности в дровах и деловой древесине, реки широко использовались в качестве транспортных артерий, по которым с весны до осени сплавлялся лес. Протяженность рек измеряли с точностью до сажени. Через каждую версту устанавливались верстовые столбы. Важным фактором было расположение рек по отношению к заводу: выше или ниже завода. Вот, например, как классифицировались реки Бисерской дачи. Выше Бисерского завода: р.Койва – протяженностью 42 вер., р.Тискос – 12 вер.25 саж., р.Подпора – 8 вер.300 саж., р.Прогарочная – 2 вер. 400 саж., р.Кырма – 20 вер., р.Ольховка – 6 вер.100 саж, р. Рассоха р.Ольховки – 3 вер., р.Большая Воронка – 13 вер., 220 саж., р.Воронка – 3 вер., 340 саж., р.Малая Воронка – 9 вер., 200 саж., р.Рассоха М.-Воронки – 3 вер., 100 саж., р.Бисер – 12 вер., 400 саж., р.Рассоха р.Бисер – 2 вер., р.Мерзлая – 9 верст. Ниже завода: Река Койва – 20 вер., 250 саж., р.Большая Урайка – 7 вер. 25 саж., р.Саранка – 12 вер., р.Рассоха Б.-Саранки - 2 вер., р.Малая Саранка – 5 вер., р.Урайка – 5 вер. Всего в Бисерской даче было 199 вер. 360 саж. сплавных речных путей 52). Аналогичным образом описывались реки и других дач.

В Кусье-Александровский завод сплавляли лес по рекам Койва - 59 вер., Курейная – 6 вер., Кринка – 4 вер. , Черный Тырым - 22 вер., Белый Тырым -9 вер., Большой Тырым -11 вер., Кусья – 31 вер., Белая – 7 вер., Большая Подрассошная – 2 вер., Суходол – 3 версты 53).

В Лысьвенский завод древесину сплавляли по притокам Малая Запорная, Сосновка, Татарка, Бурсяк в реку Лысьва, а по ней в заводской пруд. Другие реки, такие как Шаква, Вашкор, Березовка использовались для сплава товарного леса. Реку Большая Запорная стали использовать для сплава в основном в советское время.

По мере расширения хозяйственной деятельности и увеличения потребностей в использовании рек в их обустройство вкладывались весьма значительные средства. Например, для организации сплава леса по реке Усьва в начале XX века было затрачено 11080 руб.21 коп. «Было вынесено решение: произвести в возможно короткий промежуток времени земляные работы по *спрямлению* русла и *уширению* его путем «прокопов» и срезывания мысов, а в верхних и нижних порогах *убрать*, хотя бы по фарватеру шириной 15 аршин, особенно торчащие *камни* путем взрывания их *динамитом*; далее, в многочисленных рукавах – «старицах» и проч. Устроить шпунтовые забойки, постоянные плавучие заплавни и отводные и направляющие ряжи и все это в конечном результате должно было создать русло реки надлежащей ширины и, главное, с прямолинейным направлением» 54). За два года было сделано 45 прокопов с выемкой земли 1807 куб. саж общей протяженностью 886 погонных саженой, срезано мысов 839 3/8 куб.саж, устроено

забоек и заправней 535 погонных сажений, возведено ряжей 200 погонных сажений...в порогах пробурено 10000 вершков скважин...и израсходовано динамита 11 пудов 55).

Реки находидись под постоянным контролем управителей заводов и всего округа.

Железные рудники

Важным условием организации металлургического производства было наличие железной руды, месторождения которой в достаточном количестве находились в районах, прилегающих к Кусье-Александровскому и Бисерскому заводам. Пока не удалось установить факт нахождения существенных железорудных месторождений в непосредственной близости от Лысьвенского завода. Имеются неподтвержденные сведения о локальных месторождениях железной руды в окрестностях бывшей деревни Паньша и, по словам лысьвенского краеведа И.И.Спехова, в среднем течении речки Белый Ключ, правого притока речки Татарка. Вместе с тем, по представлениям заводоладельцев ХУШ века, наличие рудных месторождений в непосредственной близости от предприятия было совсем не обязательным.

По данным горнозаводского краеведа В.В.Киреева самые старые рудники располагались на притоках р.Чусовая - реках Кумыш и Чизма. Примерно в одно время с ними начали работать рудники Ситниковский (Серячок – по серому цвету руды), Четырехбратский и Молоковский 56)

По данным, собранным В.Шишонко, рудная провинция, которую использовали Анна и Варвара Александровны в начальный период своей хозяйственной деятельности, была выявлена еще в бытность Александра Григорьевича Строганова. В 1750-1780-е годы рудная база выглядела примерно следующим образом 57); 58):

Дата открытия	Место открытия рудника	Название рудника	Кто открыл месторождение	Для какого завода
1746	В 543 верстах вверх от устья р.Чусовая			Билимбаевский
1746	р. Яйва в 350 верстах от Юго-Камского з-да			Таманский
1750	Примерно в 250 верстах от устья р.Чусовая и в 2-х верстах вверх по течению от д.Чизма		Крестьянин Никита Лобанов	Кусье-Александровский
1751	р.Вижай	Тимчинский	Крестьянин Агафон Первушин	Кусье-Александровский
1755	Окрестности Кусье-Александровского завода	Любовский, Висловский, Осинковский, Рудовский	Крестьяне Агафон Первушин и Ананий Винокуров Крестьянин Александр Багадин	Кусье-Александровский
1758	р Тёсовая-приток р.Вижай	Ти(ё)совский (Котелинский)	Предположительно крестьянин Блинов по прозвищу Котелин	Нытвенский, Кусье-Александровский
1765-1768	р.Вижай	Таранчихинский, Скалонный, Никольский,		Нытвенский, Кусье-Александровский

		Росолинский		
1767	Вверх по р.Койве в 50 верстах от Кусье-Александровского з-да	Сюрезовский		Кусье-Александровский
1767-1768	Левый приток р. Вильва р.Большая Гремяча	Травянский		
1760-1770	Рудники расположены в верховьях небольших притоков в 12-15 верстах от их впадения в р.Чусовая	Шайтанский, Покровский, Любовский, Росолинский, Исаковский		Нытвенский
1760-1770	От устья р.Чизма до р.Вороновка. Рудники расположены в 1-3 верстах от р.Чусовая	Чизменский, Бетькинский, Горчаковский, Кумышанский, Четырехбратный, Вороновский		Нытвенский

Добыча руды была делом тяжелым и трудоемким. На работы направлялись собственные владельцы крестьяне и заводские мастеровые, в том числе: 58% мастеровых и 42% крестьян. В первые десятилетия руду предпочитали брать из залежей, расположенных на поверхности. Бурые железняки содержали от 30 до 40% железа. В качестве инструмента использовали лопаты, кирки, ломы, носилки, волокуши, корзины.

Н.Б.Бакланов в своей работе «Техника металлургического производства XVIII века на Урале» приводит цитату из старинного документа о местоположении рудных залежей: «...руды открываются под самым дерном, гнездами, пластами и жилами, толщиной от 3 до 8 вершков (13-35 см), гнезда бывают от 3-4 арш. (2-3 м), а в глубину от 3 до 10 саж. (6,5 – 21 м); рудная добыча производится с самого верху разносом безо всякого укрепления, весьма лежкою рукою, а которые руды идут в глубину, тамо достаютца они посредством укрепляемых лесом шахт и штолен, а паче в зимнее время, Инде же в глубоких работах употребляютца и водоотливные насосы» 59).

Поиски и добыча руды на рудниках Лысьвенского горного округа оставались практически неизменными за весь период с XIX до XX века: тяжелый ручной труд, примитивная техника и практически полное отсутствие каких – либо механизмов.

Поиски руды осуществляли так называемые рудоискатели, в основном из числа частных лиц. Поначалу характер поисков заключался в поверхностном обследовании естественных обнажений на склонах оврагов и берегах рек, изучении донных осадков окислов железа, камней и песка в ручьях и родниках, сборе образцов полезных ископаемых, внимательном рассмотрении почвы и т.д. Для поверхностных поисков не требовались специальные разрешения. Обычно этой работой занимались один – два человека, как правило, родственники: отец и сын или братья. Поисковые секреты собирались несколькими поколениями и являлись семейной тайной.

Более сложными и трудоемкими были разведки, связанные с производством земляных работ. По признакам, известным одним только рудоискателям, копали шурфы (имели квадратное или прямоугольное сечение от 2 до 4 кв. м и глубину до 30 м), дудки (имели круглую конусообразную форму диаметром до 1 м. и глубиной до 10 м), канавы (шириной от полуметра до 1,5 м и глубиной до 3 – 4 м), пробивали шахты круглого и

квадратного сечения и глубиной до 30 м, проводили буровые работы на глубину до 30 м. Для работы требовался определенный набор инструментов: лопаты, кирки, ломы, гребки, клинья (поддиры), щупы, буры. Перед началом земляных работ рудоискатели получали специальное дозволение горного управления. На месте, где было найдено железорудное месторождение, рудоискатели ставили заявочные столбы.

«Старатели, прежде чем добывать руду, должны были найти рудное месторождение и пробить шурф. Старательское дело требовало большого опыта и знания разведочного дела. Нужно было знать контактовые породы железных руд, так как руду разыскивали «щупами». Щуп – это железный стержень от одной до двух сажен длины и три четверти дюйма толщины. Он имел наваренный стальной заостренный наконечник четырехгранной формы с прорезанными желобками по граням. Эти желобки назывались «голосками» Они давали знак о присутствии в земле руды посредством коричневого осадка в них при проходке рудного тела. Каждая артель, состоявшая из четырех человек, всегда имела один – два щупа. Пока земля еще не застывала (зимой – Н.П.), старатели, окончив работу, бродят по окрестностям своего рудника и «щупаются», т.е. забивают щуп в поисках руды... Самобытные геологи – разведчики изучали на слух, какие звуки раздаются при прохождении той или иной горной породы, и запоминали их. Звуки при прохождении железной руды называли «голком», это значило – руда голос подает»⁶⁰).

В.Я.Кривоногов писал об инструментах рудодобытчиков: «По отрывочным данным видно, что как на казенных, так и на рудниках частных рудопромышленников основными орудиями труда были: лом, топор, лопата, кирка, бадья, конный и ручной ворот. В некоторых случаях применялась и более сложная техника... В 1754 году они (рудопромышленники – Н.П.) заявляли, что производят добычу руды в твердом грунте, «где надобно содержать к выливанию воды водяные и конные машины и проходные каналы и где требуют работу производить всегда через бурование». ⁶¹ Для освещения подземных выработок использовали березовые лучины и, в редких случаях, сальные свечи. Исследователь отмечал, что «...в ХУШ веке на добычу 100 пуд. железной руды затрачивалось 10, 3 человекодня...» ⁶². Далее он указывал, что, например, на Лялинском медеплавильном заводе подрядчики, вольнонаемные работники, приписные крестьяне получали «по 1 руб. 50 коп. с каждой тысячи пудов поставленной руды» ⁶³.

По мере того, как рудные месторождения, расположенные на поверхности, истощались, приходилось углубляться в глубь земли и строить шахты, глубина которых достигала 12-15 саженей и зависела от глубины залегания рудного тела в виде «гнезд» и «жил». Толщина жильных залежей колебалась от нескольких вершков до нескольких саженей. Горные работы проводились в основном зимой.

Ствол шахты обрамляли бревенчатым срубом. В сторону от шахты пробивались штольни, ширина, высота и направление которых повторяли расположение рудного тела. Для предотвращения обвалов, стены и потолок штольни укрепляли бревенчатой «крепью», состоящей из двух стоек, установленных вертикально вдоль стен, и «переклада», положенного горизонтально под потолок на стойки. Крепь устанавливалась сплошную: от шахтного ствола до забоя. Пол штольни выравнивали с тем, чтобы по нему можно было перевозить в тачках руду. В некоторых случаях на полу штольни укладывали чугунные рельсы, по которым руду к шахте подвозили в вагонетках. Наверх руду и пустую породу поднимали в деревянных бадьях ручными или конными воротами.

Иногда месторождение напоминало слоеный пирог, в котором руда чередовалась с пустой породой, тогда штольни пробивались в несколько этажей. В этом случае каждую штольню укрепляли дополнительной крепью. Вдоль стен укладывались бревенчатые лежки, на них перпендикулярно ставились по три стойки на каждую сажень. На стойки, под переклады, подводились бревна, называемые «огнива». Штольни, в которых выработки закончились, заполнялись отсортированной от руды пустой породой. Забои традиционно освещались березовыми лучинами или сальными свечами.

Бедствием для шахт были грунтовые воды. Их отводили в нижнюю штольню, откуда производилась откачка с помощью ручных насосов или водоотливных машин, работающих на конной тяге. В XIX веке там, где это было возможно, пробивали так называемые вассер-штольни. По ним грунтовые воды самотеком сливались в ближайшие лога и речки 64).

Для добычи руды по-прежнему широко использовались кирки (кайла), ломы, лопаты. Однако со временем стали применять так называемый «порохострельный» способ. Суть его заключалась в том, что в горной породе специальным одноручным буром высверливали цилиндрическую полость глубиной от 6 до 12 вершков. В получившееся отверстие, которое называлось шпуром, забивали от 20 до 40 золотников пороха и затем подрывали. Со второй половины XIX века вместо пороха стали применять динамит, поскольку он обладал большей разрушительной силой и лучше дробил руду. После взрыва динамитного заряда легче было рассортировывать куски руды и пустой породы 65).

Все виды работ, связанные с добычей руды, были строго нормированы по трудозатратам, качеству и объемам заготовленной руды. За качественную работу и превышение заданных «уроков» полагались надбавки к жалованью, которые назывались наградные. В 1851 году нормы выработки на кайловщиков, катальщиков и воротовых выглядели следующим образом 66):

Кайловщики	Мягкая порода	216 куб. четвертей
	Средняя порода	173 куб. четвертей
	Твердая порода	144 куб. четвертей
Катальщики	На тачке расстояние до 20 сажень	10 тачек по 3 пуда каждая
	На тележке по рельсам	300 тачек, или 900 пудов
Воротовые	Подъем руды или породы высотой до 5 сажень	70 бадей, или 280 пудов на 4-х человек

После 1850 года на казенных, а позднее на частных заводах добытую руду стали измерять не пудами, а кубическими саженьями. П.П.Ермаков вспоминал: «Обмер и приемка руды до середины 1890-х годов проводилась своеобразным способом – на «ящички». «Ящик» условно заключал в себя 100 пудов. Он устраивался из четырех досок. Сколоченных квадратом, сажень на сажень, 6 вершков высоты. Для удобства «ящик» делался в половинном размере, чтобы легче было вытряхивать из него руду. Этот способ обмера остался от крепостнической эпохи, когда составлялся дневной урок для крепостных рабочих, обязанных за день добыть до 25 пудов на человека, т.е. вчетвером один ящик. Фактически «ящик» вмещал в себя больше, чем 100 пудов. В кубической сажени было 6 ящичков. По расчетам шуваловской администрации, кубическая сажень железной руды весила 600 пудов. На самом деле она весила от 800 до 1000 пудов и даже иногда больше». 67)

Добытую руду свозили на лошадях в кучи весом до 2 тыс. пудов и устраивали «пожоги». При этом кучи обкладывали бревнами и производили обжиг в течение трех суток, после чего сырье теряло около 10% своего веса. Обожженную руду отправляли на заводы: летом по воде в специальных барках, зимой - на лошадях. О промывке руды на рудниках Лысьвенского окурга ничего не известно.

По свидетельству исследователя истории происхождения уральских городов Л.Е.Иофа, расстояние в 150 – 200 верст от места добычи руды до завода не смущало тогдашних владельцев. Он утверждал, что подвоз сырья на такое расстояние был экономически рентабелен в силу чрезвычайной дешевизны труда крепостных работников 68).

На заводских дворах руда складировалась по «сортам» в зависимости от рудника, из которого она была привезена. Перед засыпкой руды в домну ее дробили. Готовили известняк, хранимый в специальном сарае. В колошник руду засыпал специальный «засыпщик». Всякая механизация отсутствовала 69). Руду для Кусье – Александровского и Лысьвенского заводов добывали в основном в рудниках Кусьинской и Архангело –

Пашийской дач, для Бисерского – на Бисерской даче. На даче Кусье-Александровского завода наиболее известными были рудники Куртымский, Шкатулинский, Мокро-Куртымский, Богородский, Баженовский и др.⁷⁰⁾

В конце ХУШ – начале Х1Х века организация и добыча металлургического сырья осуществлялась за счет частных лиц из числа приписных крестьян, освобожденных от окладных работ и барских оброков. Со временем они превратились в самостоятельных подрядчиков и поставщиков металлургического сырья в Кусью, Лысьву, Бисер, Теплую Гору. На основе договоров с хозяевами заводов эти люди нанимали по вольному найму разведчиков рудного сырья, рудокопов, обжигателей и возчиков руды и т. п. Однако так продолжалось не всегда.

В 1859 году Бисерский завод имел крупных 5 рудников, к 1890-м годам их стало 8: Кырменский, Березовский, Ивановский, Вороновский, Висимско-Прокопьевский, Андреевско – Покровский, Тарситский, Михайловско – Мурашевский. В общей сложности рудников, больших и маленьких, было открыто более семидесяти с бурным, магнитным, красным и титано – магниевым железняком. Как было сказано выше, в каждом заводе имелись специальные рудные сараи, в которых хранилась руда с определенным химическим составом: в одних были примеси марганца, в других - цинка, в третьих - медного колчедана, в четвертых - золота и т.п.. Это рудное разнообразие доставляло много хлопот доменщикам, которые засыпали руду в домну «на глазок», без химического анализа, надеясь только на свой практический опыт. Это, однако, не мешало бисерским доменщикам выплавлять самый дешевый чугун от 17 с четвертью до 22 коп. с четвертью за пуд среди 8 произвольно взятых доменных уральских заводов^{71.)}

По мере увеличения выпуска чугуна руды для Бисерских и Теплогорских доменщиков не хватало. В 1897 году проводились широкие изыскательские работы на уже действующих Койвенских, Графских, Гаревознесенских рудниках, на горе Качканар, но положительных результатов поиски не приносили. А.А.Кузин объяснял это следующим: «Однако новых железорудных месторождений открыто не было. Отрицательный результат разведок железных руд объясняется тем, что посланные от заводов разведчики недр в действительности искали не железо, а платину. Они производили неглубокие бурения в местах, где было трудно ожидать железные руды»^{72).}

С 1900 по 1913 годы выпуск чугуна в округе увеличился с 1,9 до 3,2 миллионов пудов. Естественно, увеличился расход металлургического сырья. Собственные руды были бедны, поэтому приходилось нести большие затраты на их обогащение. По этой причине в 1913 году управление Лысьвенского округа вело переговоры с руководством Гороблагодатского округа о покупке 2 –х с половиной миллионов пудов мытой руды с Благодатского рудника. Одновременно рассматривался вопрос о подвозе руды с горы Магнитной^{73).}

Лес и древесный уголь

Важным условием для эффективного функционирования заводов было наличие достаточных запасов леса. История первых уральских чугуно – и железоделательных заводов, построенных без учета этого фактора, закончилась их закрытием, поскольку близлежащие леса были быстро вырублены, а доставка огромного количества древесины на расстоянии более 15 – 20 верст, согласно Л.Е.Иофа, была экономически не целесообразна. В то же время древесный уголь можно было подвозить на расстояние 40 – 60 верст от завода^{74).} Древесина требовалась постоянно на топливо в виде кругляка, на уголь, на крепеж в рудники, на строительство.

Даже после столетней эксплуатации лысьвенских лесов, лесосырьевая база в окрестностях завода оставалась удовлетворительной. На это, в частности, указывал в своих трудах известный лысьвенский лесовод А.В.Зануцци в начале ХХ –го века. Справедливости ради следует отметить, что в непосредственной близости от завода леса было мало. На этот факт указывал еще в начале Х1Х века пермский Берг-инспектор П.Е.Томилов. Спустя полвека, специалисты, анализируя состояние лесного хозяйства,

отмечали: «...эксплуатация дачи велась хищнически: рубка производилась кругом завода без всяких отводов и преимущественно там, где пожелают сами рабочие; вершинник, сухостой и бурелом оставались без употребления; пни от срубленных деревьев оставлялись вышиною до одной сажени, срубались же лишь те деревья, что отличались легкою расколимостью, а остальные лишь надрубались на высоте груди для определения прямослойности и, или оставлялись сохнуть на корню, или же валились на землю, сраженные ветром» 75).

При заготовке древесины и выжиге угля главноуправляющие заводами руководствовались одним принципом: сделать то и другое как можно дешевле. В свою очередь крестьяне стремились рубить лес ближе к заводам или, в крайнем случае, к дорогам, ведущим к заводам. При этом уборка порубочных остатков почти не производилась, не убирался сухостойный лес. Вносили свою лепту в оскудение лесосырьевой базы и жители Кусьи, Лысьвы, Бисера, Крестовоздвиженска, при заводских деревень. Они бесконтрольно вырубали леса вокруг заводских поселков для отопления и строительных нужд, выжигали делянки или самовольно расчищали лес для устройства покосов и пашен. Для дров выбирали только комлевую часть дерева, а для строительства и всевозможных поделок - только прямослойную древесину. Частыми были опустошительные лесные пожары.

Понимание того, что принципы ведения лесного хозяйства необходимо менять, что заводы могут остаться без отлаженного снабжения углем, окончательно сформировалось в 1862-1863 годах, когда в соответствии с положением об отмене крепостного права владельцы лишились дармовой рабочей силы и были вынуждены наделить крестьян и мастеровых земельными наделами, в том числе и лесом. В 1877 году хозяева округа решили передать лесные дачи в ведение лесных специалистов. В 1880 году была учреждена должность главного лесничего округа. В каждую лесную дачу был назначен лесной смотритель, увеличен штат лесной стражи, отрегулирован отпуск леса населению. При этом рубка куренных дров и выжиг угля оставались в ведении заводоуправлений, что противоречило правилам научного ведения лесного хозяйства, на которых настаивали специалисты. Наконец, 1 октября 1885 года ведение всех куренных работ было передано под контроль лесной администрации.

На бескрайние лесные просторы Лысьвенского горного округа пришла система упорядоченных рубок. «...в хвойных, так и в лиственных насаждениях ширина лесосек установлена в 80 саж. при длине до 2 ¹/₂ верст, промежутки же между лесосеками оставлялись в 1 версту; примыкание в хвойных лесах допускалось не ранее 8-10 лет; стремились распределить такие лесосеки равномерно по всей даче, не сосредотачивая вырубку в одном месте. Направление лесосек, главным образом, ставили в зависимость от рельефа местности, преследуя удобство вывозки к рекам и в завод разных лесных материалов, обыкновенно лесосеки тянулись от линии водораздела или хребта к реке или дороге по долине реки». 76) Для борьбы с пожарами во всех лесных дачах устанавливались вышки высотой 15-17 сажень, с которых можно было обозревать окрестности на расстоянии 10-15 верст и более. На каждой вышке находился постоянный сторож, в распоряжении которого был телефон, металлический лимб для определения сторон света, бинокль. Для удобства каждая вышка носила свое название: Липовская, Татарская, Еберзиковская и т.п.

О нелегком труде лесозаготовителей вспоминал бисерский рабочий П.П.Ермаков: «О работе лесорубов можно сказать так: надо бы хуже, да некуда. Особенно донимала нас измерительная система при рубке дров, так называемая «куренная сажень». Кто и когда изобрел ее – неизвестно, но знаю, что она сохранилась еще от времен крепостного права. Она равнялась 20 кубометрам или 1,8 сажени. ...За рубку дров «куренной сажени» платили 3 рубля, на более худом лесу 3 руб. 20 коп. Чтобы заработать 60-70 копеек в день, нужно было проработать не менее 16 часов в сутки... дроворубы, свалив уйму деревьев, должны были очистить их от сучьев, распилить, расколоть, сложить в поленицы, и после

этого сжечь на кострах все сучья, которые, кстати, служили освещением в ночное время работы... после 16 часов адской работы дроворубы принимались варить себе ужин, точить пилы, топоры, чтобы рано утром выйти с острым инструментом». 77)

Большая часть заготовленной древесины шла на выжиг древесного угля. Отвечали за эту важную работу так называемые «куренные мастера». Они же контролировали доставку угля на заводы. Непосредственно уголь выжигали «куренщики» или «жигари», которые проживали на лесных кордонах. Их вокруг заводов было много. Например, в лысьвенской даче действовали Вашкорский, Чунжинский, Ляминский, Серебряный, Новиковский, Выломовский, Затальнинский, Липовский, Соинский, Верх-Лысьвенский, Бурсяцкий, Кормовищенский, Усть – Долговский и другие. 78)

Потребность в древесине была огромной, поскольку без древесного угля не мог обойтись ни один завод. Например, на Лысьвенском заводе в 1828 году только елового угля заготавливали 28432 короба (1 короб= 8,24 куб. аршина или 10 мерам, а 1 мера = 0,824 куб. аршина) 79), а Бисерскому заводу до 1889 года нужно было 15000 коробов угля или 7200 куб. саж. дров. После 1890 года, когда в заводе была задута вторая домна, потребовалось уже свыше 40000 коробов. 80) Для Кусье-Александровского завода, рудников и кузниц предполагалось заготавливать в год древесного угля 45863 короба, для чего требовалось дров 21019 куб. саж. На прочие потребности – лесничества 1696 куб.саж., для населения – 66 куб. саж.81).

Выжиг угля был делом долгим и хлопотным. Весной рубили куренные дрова. Мерой заготовленных дров в Лысьвенском округе была курена сажень: длиной 14 аршин, шириной 2 аршина, высотой 1 3/4 аршина, что равнялось 1, 81 куб. саж. Испокон века лес на Урале рубили топором. Со временем совершенствовались формы топоров, приемы рубки. Иного инструмента для работы лесорубы себе не представляли. Учитывая большой отход древесины в виде щепок и высоких пней, в 1838 году администрация Богославских заводов попыталась внедрить среди своих лесорубов пилу. Однако это нововведение встретило ожесточенное сопротивление лесозаготовителей. В ответ администрация пришлось уничтожать и закрывать лесные кузницы по отладке топоров. Повседневное распространение лучковая пила получила только во второй половине 1840-х годов.

На Бисерском заводе срубленный лес разделявали на чурки длиной 3,5 - 4 аршина. Чурки не кололи и не складывали в поленицы, а укладывали одним концом на пень, оставив другой конец на земле. Так чурки хранились до осени, зарастая травой и не просыхая. Со временем методика заготовки дров изменилась. Чурки заготавливали не свыше 2 аршин 2 вершков длины, кололи и складывали в поленицы с тем, чтобы они лучше просыхали.

Существовали несколько способов выжига угля для заводского действия. Самыми древними и примитивными считались способы выжига в ямах и в кострах. Эти способы использовались в основном до конца ХУШ века. В XIX веке на смену им пришел выжиг угля в «кабанах» и в «кучах». Осенью чурки одну на другую горизонтально складывали в кучу, обкладывали дерном, обваливали землей и поджигали. Такая куча называлась «кабаном», поскольку несколько походила на лежащую свинью. Выжиг угля продолжался в течение 10 - 14 и более суток. При выжиге угля «кабаном» получали из одной куренной сажени (она равнялась 1,588 куб.сажени) не более 2 коробов березовых дров и 2,5 коробов из еловых дров. Такой способ выжига угля был достаточно дешев, но требовал прямого высокосортного леса, да и угля получалось мало.

Улучшенным способом считался выжиг в «куче». Поленья (чурки) в ней ставились вертикально, поэтому своей конической формой она была похожа на большой муравейник. Складывались дрова в следующем порядке: посередине куреня выбиралась ровная площадка. На середине выкладывалась клетка из дров, к которой со всех сторон равномерно, ряд за рядом, ставились дрова. Закончив один ярус, выкладывали второй, и так до тех пор, пока куча не получала куполообразную форму. «После того как крупные щели между дровами заделывались тонкими палками, начиналось задернение – обкладка

всей кучи дерном (травой вниз, землей вверх). Затем кучу обсыпали землей сантиметров 15 толщины. Куча готова. Кучеклад – жигарь в пустоте клетки, в центре кучи, начинал разводить огонь. Дав возможность огню войти в силу, жигарь забивал отверстие дровами.

После этого начиналась самая ответственная работа жигаря – регулирование огня в куче. Если огонь внутри кучи сразу бросался на поверхность и оставлял неперегашенной внутренность, то о жигаре говорили, что он «свинью опалил». Для правильного регулирования огня у основания кучи в радиальном направлении устраивались «окна», точнее канавы, посредством которых жигарь перегонял огонь куда хотел. Открывая «окна» на одной стороне, он забивал их на другой. В силу тяги воздуха огонь кочевал по куче по воле жигаря... Опытный жигарь пройдет вокруг кучи и заключит про себя: «Как будто, тово, куча сухо дышит, пора ее забивать.»

Процесс тушения кучи был несложен: бралась трамбовка (чурка, отрезанная от дерева с оставленными двумя сучками вместо ручек) и постепенно круг за кругом, куча утрамбовывалась и затухала. Дней через десять – двенадцать приступали к ее разбору. Медленно, слой за слоем, снимались переугленные дрова, причем старались не обнажать ее от земли, чтобы куча не могла вспыхнуть от притаившегося внутри огня...

Работа на кучах была не только тяжелой и грязной, но и опасной. На ней не только можно было смертельно угореть, но и совсем сгореть, провалившись в скрытую огненную пустоту, или быть засыпанным горячими углями при взрыве газа. «Старики рассказывали немало случаев сгорания людей в кучах», - вспоминал П. Ермаков 82).

Способ выжигания угля в кучах считался улучшенным, но был более дорогостоящим. При подготовке работ требовалось больше времени на распиловку, колку, укладку дров в поленицы и их охрану. При таком способе выжигания из одной куренной сажени получали 2,7 – 3,3 короба угля.

В конце XIX века заводы округа приступили к выжигу угля в углежогных печах. На печной выжиг полностью перешел Кусье – Александровский завод, тогда как в Лысьвенском, Теплогорском и Бисерском заводах вместе с печным сохранялся выжиг в кучах и «кабанах». Такая технология называлась смешанной. По официальным данным за 1874 - 1897 годы в Теплогорском, Бисерском и Кусье - Александровском заводах в печах выжгли 81900 пудов елового и 5100 березового, тогда как в кучах выжгли – 5700 пудов елового и 600 пудов березового угля. На Лысьвенском заводе печного угля из еловых дров выжигали 2200 пудов, кучного из осины – 700 пудов.

Казалось, что преимущества печного выжигания угля были очевидны. 1. В результате выжигания в печи угля получалось на четверть больше, чем в куче; 2. Процесс выжигания угля в печи легче и безопасней, чем в куче; 3. В печь закладывалось две целых одна восьмая куренной сажени дров – в кучу - до 15 куренных сажений; 4. При сильном ветре в куче сгорало много дров и возникала угроза неконтролируемого их воспламенения; 5. Углежогную печь можно было поставить в любом месте, предварительно подготовив каменное или глиняное основание. Качество угля зависело от его плотности, а также от использования сырых или сухих дров, сплавного леса и т.п. И все же качество угля при печном выжиге было хуже. При сжигании 1 короба такого угля металла получалось меньше и, помимо этого, увеличивались трудозатраты. По этой причине на заводах округа еще долго сохранялся выжиг в «кабанах» и «кучах» или использовалась смешанная технология.

Углежогные заведения с 5-7 печами системы Шварца имели свои наименования, например, при Лысьвенском заводе это были Березовское, Новиковское, Мысовское, Невидимковское; на Кусье-Александровском - Кедровское, Белокаменское, Ломовское, 2-е и 3-е Тырымское, Суходольское, Баевское, Бетькинское, Петровское. Вместимость каждой печи составляла 1 78 саж. куренных дров, которые стали давать из каждой сажени куренных еловых и пихтовых дров по 4 кор. 3 меры или 73% по объему, вместо кучного – 2 кор. 8 мер или 47% при одинаковом весе короба. 83) При каждом заведении обязательно строилась изба для жигарного мастера, баня, угольные сараи.

Уголь привозили в заводы зимой в специальных коробах, сплетенных из черемуховых веток, за 12 – 18 верст от мест заготовок. Потери при транспортировке составляли около 10%.

Потребность в лесе была колоссальной. Комиссия в составе проф. И.Х.Озерова и горного инженера А.Н.Митинского, направленная группой депутатов государственной Думы для изучения уральской промышленности, отмечала, что для изготовления «1 000000 пудов готового кровельного железа ... надо располагать 120000 десятин сплошной лесной площади». 84)

Несмотря на большие заготовки леса для собственных нужд, владельцы позволяли себе пускать в лесные дачи жигарей, занимавшихся кустарным производством угля. Так, в Насадской даче наследники графа П.П.Шувалова давали лес примерно 30 крестьянам, которые имели обжигальные печи емкостью от 2 до 4 кубических сажени. В течение зимы каждый крестьянин делал в своей печи 10 садов, т.е. выжигал уголь примерно 10 раз. Готовый уголь эти углежогии продавали в пермские заводы по цене 45 – 50 копеек за кубический аршин и имели заработок от 5 до 7 рублей с одной кубической сажени. В Чусовском имении наследников П.П.Шувалова 10 крестьян – кузнецов выжигали уголь в ямах для своих нужд, а также для продажи в Перми и Оханске по 50 – 70 копеек за кубический аршин и юго – камским кузнецам и гвоздарям по 30 – 40 копеек 85).

По мере увеличения хозяйственной и товарной значимости леса хозяева заводов и округа все основательней изучали товарный спрос на него, организовывали охрану, активной проводили лесовосстановительные мероприятия.

8. Границы и территориальная структура Лысьвенского горного округа

Организация чугунного и железоделательного производства Шаховскими осуществлялась на общей для Урала основе организации металлургического производства - горного округа. Это была замкнутая хозяйственно – экономическая система, которая производила для своих нужд все: от хомутов и тележных колес до товарного чугуна и железа. М.П.Вяткин по этому поводу писал: «Заводско-окружная система возникла вместе с промышленным освоением Урала в начале ХУШ века. Сущность ее заключалась в том, что заводы обеспечивались всем необходимым для производства не через рынок, а путем приписки к ним рудных месторождений, лесов и рабочей силы. Такая система могла сложиться лишь в условиях господства в стране натурального хозяйства. По замечанию В. Д. Белова, которое нам представляется справедливым: «Вполне понятно, что в то старое время, когда горное дело на Урале, в этом, тогда диком крае только что начиналось и когда заимствоваться было негде и нечем, - ничего другого не оставалось, как только иметь все свое: не только руды, сгораемое, но и все остальное, необходимое для ведения горнозаводского дела... И вот к возникшему вновь заводу, как к центру, нарезывались по 30 верст (земли – Н.П.) во все стороны». 86) Эти слова целиком и полностью относятся к истории возникновения и развития Лысьвенского горного округа.

Лысьвенский горный округ сложился в результате неоднократного дробления некогда монолитной вотчины Строгановых между детьми последнего «именитого человека», а затем их наследников. Территория округа складывалась постепенно, и ее конфигурация часто менялась. Прежде чем она стала единой, ей пришлось пережить время раздробленности, когда между заводами находились земли, принадлежавшие другим владельцам. В процессе становления и развития его территория то расширялась за счет приписки бывших казенных земель и покупки частновладельческих дач, то уменьшалась за счет продажи или уступки своих земель. Уже в конце 1910-х годов горный инженер А.Н.Митинский писал: «...сильна череспосолица Голицыных, Шуваловых, Абамелек-Лазаревых; владения их проходят рядом полос». 87)

Несомненно, исходные территориальные границы Лысьвенского горного округа были очерчены землями, отнесенными непосредственно к Лысьвенскому заводу. Отдельно существовали Юго-Камский округ с центром в Юго-Камском заводе, Кусье-

Александровский округ с центром в Кусье-Александровском заводе, остававшемся в совместном пользовании сестер Варвары и Анны. В 1820 году прошло генеральное межевание, в соответствии с которым земли всех заводов были оконтурены одной межей. Оконтуренная площадь составляла 494220 десят.4 1/2 кв. сажени. Это были Пермские владения В.А.Шаховской с центром в селе Верхние Муллы.

На протяжении всего XIX века размеры площади округа постоянно менялись: (в десятинах) 1841 г. – 379185, 88), 1843 г. – 395 856, 1859 г. – 304 665, 1863 г. – 505 097, 1871 г. – 369 062, 1900 г. – 499300.89). Немало земель находилось в общем пользовании с владельцами соседних округов, были спорные земли, а также земли, принадлежавшие церкви и крестьянам. После перехода всего Кусье-Александровского в руки Шуваловых и на основании отдельных актов 1886 и 1889 года округ был разделен на 4 части.

О чересполосице, которую прошел процесс формирования единого территориального пространства округа, можно судить по «Карте на земли и леса, отведенные в 1852 году из приграничных к Серебрянскому казенному заводу, в наделение Лысьвенского её сиятельства княгини Варвары Петровны Бутеро – Родали завода, в количестве 66804 десятин, части бесспорного циркуля дачи Калининского и Камасинского их сиятельств княгини Варвары Петровны Бутеро – Родали и князей Голицыных». Заметим, что вся Калино-Камасинская дача вошла в состав Лысьвенской дачи только после принятия Пермской палатой уголовного и гражданского суда отдельных актов 1886 и 1889 годов между Петром Павловичем, Андреем Павловичем и князем С.М.Голицыным.

На основании этой карты 90) можно представить себе часть территории округа и его структуры, относящихся к Лысьвенскому заводу. Эта часть располагалась на так называемой Чусовской пустоши, раскинувшейся на левобережье реки Чусовая от устья реки Кутамыш до устья реки Бабенка и небольшой части на правобережье Чусовой в долине реки Свадебная. Итак, во-первых, до наделения земель в 1852 году Лысьвенский завод находился на даче В.П.Бутеро – Родали в следующих границах: от верховьев до среднего течения реки Кутамыш, затем шел поворот на восток до деревни Зарихино, от неё по реке Задняя до среднего течения реки Травянка, далее на юго – восток до верховьев левого Бурсяка, от реки Бурсяк на запад до верховьев реки Кутамыш. Площадь дачи составляла более 30 тыс. десятин. Во-вторых, отведенные земли граничили: на юго -западе с дачей села Троицкого, принадлежащего князьям Голицыным; на западе с дачей Чусовских Городков, принадлежавшей Строгановым; на северо – западе – с дачей сел Калининского и Камасинского, принадлежавших князьям Голицыным; на северо – востоке – с дачей Кусье – Александровского завода, принадлежавшей княгине В.А.Бутеро – Родали и князьям Голицыным; южнее Кусье – Александровской границы – дача Бисерского завода В.П.Бутеро – Родали; на востоке - спорные земли Серебрянского завода, на юго – востоке – земли Серебрянского казенного завода и Кыновского завода, принадлежавшие графу Г.А.Строганову. В - третьих, в надел входили земли Кыновского завода (21300 дес.), князей Голицыных (5245 дес.), а также бесспорные земли сел Калининского и Камасинского. Кроме этого, сюда же вошли один общий для Бутеро – Родали и Голицыных железорудный рудник и 10 рудников, принадлежавших Голицыным.

Как было сказано, Варвара Александровна Шаховская получила в наследство Юго-Камский завод, находящийся в 54 верстах к юго – западу от Перми и в 10 верстах от реки Камы и часть Кусье – Александровского завода, а потом, после раздела 1784 года, земли по рекам Койва, Лысьва и верховьям реки Усьвы. От нового Лысьвенского завода, а тем более Бисерского, Юго-Камск отделяли сотни верст. После раздела владений Варвары Петровны Бутеро-Родали между Андреем Павловичем и Петром Павловичем в 1864 году Юго – Камский завод остался отдельным горным округом, расположенным на площади в 40358 десятин 91). В состав Юго-Камского округа вошли собственно Юго-Камский, Варваринский и Михайловский (Метлинский – закрыт в 1882 году) заводы. С этого момента Юго - Камский и Лысьвенский заводы уже мало что связывало между собой. На законных основаниях в права наследия братья вступили по решению Пермской палаты

уголовного и гражданского суда 12 января 1872 года. Однако окончательный раздел наследства княгини В.П.Бутеро-Родали состоялся позднее, в два этапа. 12 июля 1886 года между П.П.Шуваловым и А.П.Шуваловым с одной стороны и князем С.М.Голицыным с другой, и 18 апреля 1889 года между Петром Павловичем и Андреем Павловичем Шуваловыми.⁹²⁾ Таким образом, хозяином Лысьвенского горного округа стал Петр Павлович Шувалов. При этом Лысьвенский округ оставался крупнейшим среди округов Пермской губернии, уступая по занимаемой площади к началу XX века только Верх - Исетскому, Нижне - Тагильскому, Кыштымскому, Строгановскому и Чермоозскому округам.

Основной массив владений Шаховских – Бутеро - Родали – Шуваловых располагался на востоке Пермской губернии Пермского уезда и тянулся более, чем на 200 верст в направлении с юго–запада на северо-восток. Восточная граница владений упиралась в казенные земли дачи Нижне – Туринского казенного завода Гороблагодатского округа. До сих пор среди краеведов города Качканара она известна как Шуваловская грань, идущая в п.Граневой, затем к Нижней Туре, потом к Маломальску и обратно к Граневому. Её главной достопримечательностью является гора Качканар, некогда разделенная надвое казенными (меньшая часть, расположенная в Верхотурском уезде Пермской губернии) и частными (большая часть графа П.П.Шувалова в Пермском уезде Пермской губернии) землями. Территориальная принадлежность горы и прилегающих к ней земель была предметом многолетнего спора.

Интересна история горы Качканар. Этимология топонима затемнена. Наиболее популярно толкование как «лысый верблюд». Это уникальное природное образование, изучению которого посвятили немало времени ученые с мировыми именами. Среди них Петр Симон Паллас, Бенедикт Франц Иоганн фон Герман, Родерик Импи Мурчисон, Эрнст Рейнгольд Гофман. Много потрудились над изучением особенностей горы русские и советские инженеры и ученые: Ободовский, Е.Н.Барбот де Марни, А.П.Карпинский, Н.К.Высоцкий и другие.

Первым научное описание горы сделал П.С.Паллас, который побывал в этих местах в 1770 году. Академик с интересом посетил рудники, в которых добывалась 59-процентная магнитная руда сначала для Кушвинских, а затем Николо-Павдинских заводов. Вероятно, с легкой руки Палласа о Качканаре сложилась легенда как о горе неисчерпаемых железорудных богатств, подобной Благодати, Высокой и Магнитной. Территориально Качканар находился на даче Бисерского завода, хотя на протяжении длительного времени это оспаривалось казной. Судебные разбирательства длились с 1818 до 1839 года, после чего тремя решениями Сената было подтверждено, что Качканар – часть Бисерской дачи княгини В.П.Бутеро-Родали. Однако в 1869 году снова началась судебная тяжба, поскольку три рудника Бисерской дачи - Магнитный, Качканарский и Медный - были отведены Николо –Павдинскому заводу. Это вызвало резкий протест П.П.Шувалова. В результате многочисленных судебных разбирательств в 1873 году Пермский уездный суд решил дело в пользу Шувалова.

Выиграв спор за Качканар, П.П.Шувалов начал детальное изучение территории. В 1875 году горный инженер Ободовский, бывший управляющим Пермским имением П.П.Шувалова, начал проведение разведочных работ на южном склоне горы. Положительного результата проведенные работы не дали. Очередную геологоразведку провел в 1888 году смотритель платиновых приисков П.П.Шувалова К.Оборин, но и его поиски закончились безрезультатно.⁹³⁾

Качканарский краевед М.И. Титовец писал: «...в 1889 -1890 годах...самую основательную и разноплановую разведку качканарских руд» провел горный инженер Е.Н.Барбот де Марни⁹⁴⁾, находящийся на службе у П.П.Шувалова. О проделанной работе и своих впечатлениях инженер писал в «Горном журнале»⁹⁵⁾: «Качканаром называют местные жители целую группу вершин сопок и небольших хребтов, связанных между собой постепенными переходами и имеющими непосредственную связь друг с другом или

стоящими изолированно: собственно Качканар, Воротный камень, Магнитная Яма, Качканарчик, Еловая Грива, Гусевы Горы. С трех сторон Качканар окружен небольшими горными речками – с запада р.Исом, пользующимся широкой известностью благодаря своим платиновым россыпям, с южной стороны р. Косьей - правым притоком Иса, с восточной же и юго – восточной - рекой Выей, золотоносной по всей ее длине в даче графа Шувалова. Как Ис, так и Выя составляют притоки р.Туры, принадлежащей бассейну Ледовитого океана. С северо – восточного склона Качканара берут начало речки Шумиха, Большая и Малая Гусевки, протекающие по даче Гороблагодатского казенного горного округа и впадающие: первая - в р.Ис, вторая же – в р.Выю. Вся окружающая Качканар местность сильно болотистая и покрыта густыми лесами, впрочем, сильно редееющими, благодаря дружным усилиям старателей платиновых приисков и лесным пожарам, происходящим большей частью от их же неосторожности. Только к восточному и юго – восточному склонам Качканара прилегает настоящее море леса, тянущееся на десятки верст и поражающее своей таежной дикостью и неприветливостью редкого посетителя. Несмотря на множество отдельных вершин и круто падающих каскадов горных рек, сколько-нибудь красивых видов в этих местах очень мало, и однообразие в очертаниях и формах только утомляет глаза, а мертвый выгоревший лес в районе приисков наводит уныние. Только грандиозный Качканар и оживляет картину, подымая к небу свои, 7 месяцев в году покрытые снегом, вершины, видимые даже из Кушвинского завода, отстающего более чем на 60 верст по прямому направлению».

Образцы горных пород, собранные де Марни, были исследованы в химической лаборатории Лысьвенского завода, на основании чего инженер сделал вывод: «... месторождения магнитного железняка не имеют почти никакого практического значения за исключением незначительных запасов валунчатой руды, да гнезд оливиновой породы, могущих подвергаться плавке только после магнитного обогащения. Применить этот способ на Качканаре, основав завод у самого его подножья, вполне было бы возможно, так как добыча руды, выходящей на поверхность, не должна стоить дорого; доставка ее к заводу совершалась бы собственным весом, горючим же материалом завод обеспечивался бы вполне, так как северо – восточная часть дачи графа Шувалова, поросшая прекрасным сосновым лесом и прилегающая непосредственно к Качканару, не эксплуатируется в лесном отношении, да, кроме того, было бы, вероятно, возможно получать уголь и из смежной казенной дачи Нижнее – Туринского завода, тоже не эксплуатируемой, благодаря значительному расстоянию до Нижней Туры. Теперь можно с уверенностью сказать, что гора Качканар, служившая предметом исследования целых 130 лет, если и может назваться горой «магнитной», то никак не в экономическом отношении, подобно Благодати, Высокой и Магнитной, а в отношении чисто минералогическом, давая образцы прекрасных естественных магнитов».⁹⁶⁾

От себя добавим, что после Великой Отечественной войны качканарское железорудное месторождение стало активно осваиваться в силу относительной дешевизны открытого способа добычи руды и наличия в ней ванадия. В настоящее время в Качканаре действует горно – обогатительный комбинат ОАО «Ванадий».

Юго-западная и западная границы Лысьвенского округа совпадали с юго-западной и западной границей Лысьвенской дачи, генеральное межевание которой произведено в 1821 году, и Калино-Камасинской дачей. Генеральное межевание Калино - Камасинской дачи производилось несколько раз и окончательно было завершено к 1862 году с последующим присоединением к Лысьвенской даче. Собственно округ и состоял из нескольких дач. К концу XIX века в него входило 7 дач общей площадью 479452, 16 десятин, в том числе: Лысьвенская дача площадью 83264, 7 дес., Чусовская – 51005, 7 дес., Кусье-Александровская – 72167,4 дес., Бисерская – 73879,6 дес., Теплогорская – 67012,66 дес., Исовская – 52129,5 дес., Усьвинская – 79992,6 дес..

Дачи отделялись одна от другой так называемой «окружной межой». Внутри округа межа представляла собой лесную просеку шириной в одну сажень. На покосах между

пропахивали плугом в два ряда. На поворотах межи ставили простые деревянные столбы. На расстоянии одной сажени перед столбами копали межевые ямы размером два на два аршина. Если расстояние между столбами превышало 500 саженей, межевые ямы выкапывали через каждые 250 саженей. Для удобства лесопользования дачи делили на кварталы просеками шириной в одну сажень. В зависимости от интенсивности лесопользования сторона квартала была, например, в Лысьвенской даче – 2 версты, в Усьвенской даче - от 4 до 6 верст. Форма квартала могла быть квадратной, трапецевидной, в форме прямоугольника, ромба и т.п. Граница с соседними владельцами земель, например, князя С.М.Голицина, обозначалась межей шириной в две сажени. На поворотах также устанавливались столбы и выкапывались межевые ямы, только в этих случаях на столбах помещали государственный герб и табличку с указанием названия дачи и имени ее владельца. Таким же образом межевались земли, принадлежавшие крестьянам и заводским мастерам: прорубалась просека, выкапывались межевые ямы и устанавливались столбы с указанием фамилий владельцев.

Дачи образовывались на землях владельцев по мере строительства заводов и надобности в руде и древесине. Точное время образования Кусье-Александровской дачи так же, как и Лысьвенской дачи, установить не удалось. Во всяком случае, в документах на момент строительства заводов они уже фигурируют как Кусье-Александровская и Лысьвенская дачи. В 1788 году северо-восточнее Кусье-Александровской дачи была образована Бисерская дача, центром которой стал новый чугуноделательный завод. После открытия месторождений золота и платины в 1825 году из Бисерской дачи была выделена Крестовоздвиженская дача. В 1878 году от этой дачи была отрезана часть территории и образована Теплогорская дача для обслуживания нужд нового Теплогорского чугуноплавильного завода. Наконец, в северо-западной части Крестовоздвиженской дачи, территории совершенно безлюдной, в 1890 году была создана Усьвенская дача, а в 1903 году - Исовская приисковая дача.⁹⁷⁾

Это лишь примерная схема границ территориальной принадлежности Лысьвенского горного округа. Тема нуждается в дальнейшей проработке.

9. Варвара Петровна Шувалова – де Полье – ди Бутера ди Ридали

После неожиданной смерти княгини Елизаветы Борисовны Шаховской воспитанием ее дочери Вареньки занялась бабушка - княгиня Варвара Александровна. Она дала внучке неплохое образование и соответствующее людям ее круга воспитание. Не без бабушкиного участия Варваре Петровне был присмотрен жених - граф генерал – лейтенант и генерал – адъютант Павел Андреевич Шувалов, за которого в 1816 году молодая княгиня и вышла замуж. В 1823 году Варвара Александровна, к этому времени мать двоих сыновей, пережила двойную утрату: скончались муж Павел Андреевич и бабушка Варвара Александровна. Официальными опекунами малолетних сыновей Андрея и Петра помимо самой Варвары Петровны, служащих покойного графа - полковника Кулеваева и коллежского асессора Василевского - император Александр 1 назначил видных государственных деятелей М.М.Сперанского и А.З.Хитрово. Их задача заключалась в поддержании в порядке поместий и винокуренных заводов покойного графа Шувалова, дававших сотни тысяч рублей чистого дохода в год, в наследство которыми его сыновья должны вступить по достижению совершеннолетия.

С фамилией первого мужа Варвары Петровны, Павла Андреевича Шувалова, связано появление фирменного клейма, которым помечалась товарная продукция горных заводов и деловые бумаги. В соответствии с указом Петра 1 клейма ставили на свою продукцию все уральские заводчики. У одних это был соболь, у других - Венера, у Шуваловых – конь –единорог и т.д.

Около 20 лет тому назад лысьвенский краевед А.А.Карякин получил письмо из журнала «Уральский следопыт», пришедшее в редакцию из Ставропольского края от бывшего уральца Б.Н.Шершнева. В письме говорилось: «Стал я перестраивать свою

старую хату и вот, разбирая крышу, покрытую большими листами железа, на внутренней стороне кровли увидел хорошо сохранившиеся печатные знаки, сделанные черной краской. Нетрудно прочесть: «Лысьвенский горный округ графа П.П.Шувалова» на одном знаке, а на другом: «Высшая награда. Большая золотая медаль на парижской выставке 1900 года». 98)

Особенно широко символ конька-единорога использовали акционеры Лысьвенского округа после того, как наследники последнего хозяина лысьвенских заводов потеряли на них все права. Сохранились образцы двух оттисков клейма в виде круга. Большой оттиск имел диаметр 58 мм и малый - 25 мм. В центре большого оттиска помещен круг диаметром 32 мм, на котором изображена голова коня с надписью сверху: «Конекъ», снизу – «единорогъ». Круг обрамляло кольцо с надписью: «Фабрика металлических изделий и Агентство: Екатеринбургъ. Покровский пр. д.Сяно». По окружности оттиска шло еще одно кольцо с надписью: «Акц. Общ. «Лысьвенский горный округъ» сверху и «Насл. Графа П.П.Шувалова» снизу. Меньший оттиск более прост. В центральном круге диаметром 19 мм помещена голова коня в обрамлении кольца с надписью: «Конекъ единорогъ. Лысьва Пермской губ.» 99)

26 ноября 1823 года Варвара Петровна вступила в управление наследством, оставленным бабушкой. «Кроме четырех лысьвенских заводов, соляных промыслов и 15 сел «со многими слободами, деревнями и починками» в Пермском, Кунгурском, Оханском и Соликамском уездах Пермской губернии в состав наследства входили вотчины в Нижегородской губернии (с. Гордеевка и деревни Ратманиха и Митина), деревянный дом в Нижнем Новгороде и каменный в Петербурге». 100)

Е.Г.Неклюдов указывал на то, что, вступив в права наследия, Варвара Александровна вела тщательный учет доходов и расходов. Однако едва ли это занятие носило систематический характер. Практически ничего не указывало на то, что она лично занималась управлением своего огромного хозяйства, если не считать, что владелица постоянно искала новые денежные займы под залог своих имений. Напротив, все говорило за то, что в заводах и поместьях делами занимались крепостные или наемные управители, подчас использовавшие свои должности в собственных интересах. Иначе как объяснить серьезные волнения крестьян и рабочих в 1839, 1840, 1844, 1845, 1861 годах, имевшие место в Лысьвенском горном округе. Причиной волнений являлись экономические требования работников.

В 1826 году Варвара Петровна повторно вышла замуж, как говорили, «по страстной любви». На этот раз ее избранником стал граф Петр-Амадей-Карл – Вильгельм - Адольф де Полье, по-русски Адольф Антонович де Полье (род. 1795 г.). Прежде чем выйти замуж за иностранца, Варвара Петровна, памятуя печальный опыт своей матушки Елизаветы Борисовны, предварительно испросила на брак разрешение у Николая 1. Разрешение было дано и, кроме того, новый муж Варвары Петровны, приняв российское подданство, получил титул камергера и должность церемониймейстера Высочайшего Двора.

Исследователи отмечают, что граф де Полье проявлял заинтересованность в хозяйственных делах своей жены. В частности, с его именем якобы связана находка первых российских алмазов. Горнозаводский краевед В.В.Киреев объясняет это случайным стечением обстоятельств, и не согласиться с ним невозможно. По праздному любопытству граф отдал распоряжение присылать в свою минералогическую коллекцию все привлекательные цветные камни, найденные во время промывки породы при золотодобыче. Она началась в Бисерской даче графини после того, как в 1825 году крестьянин Просвирнин нашел на берегу речки Полуденки золотиносные россыпи. Здесь 22 июня (по другим данным 4 или 5 июля – Н.П.) 1829 года подручные промывальщика золотиносного песка - 14-летний Павел Попов, а через три дня Иван Соколов- нашли, по определению смотрителя П.М.Горбунова, «тяжеловесные топазы». Первый алмаз был весом в половину карата (по другим данным три четверти карата – Н.П.). За год в этом месторождении было найдено 7 алмазов, а всего 48 камней, в том числе 3 камня имели

вес более одного карата 101). Через несколько дней после находки первых камней на прииске появился граф Адольф де Полье в сопровождении немца - минеролога Ф.Ф.Шмидта, который с первого же взгляда определил в камнях, найденных мальчиками, алмазы. Этот случай и положил начало долгой истории российских алмазов*). Место находки назвали Адольфовским логом.

В 1830 году де Полье умер. Варвара Петровна была безутешна. Имя ее второго мужа сохранилось в истории в связи с его работами по благоустройству Парголово-Шуваловых, особенно парка, а также по причине того, что он был неплохим рисовальщиком, который после поездки на Урал оставил немало интересных зарисовок.

В 1836 году Варвара Петровна вышла замуж в третий раз. Новым избранником графини стал Джорджио Вильдинг князь ди Бутера и ди Ридали (в русской транскрипции на французский манер Бутеро – Родали, ум.1841 г.) Свой громкий титул князь унаследовал от умершей сицилийской жены. В России князь ди Бутера оказался, исполняя обязанности чрезвычайного посланника Королевства обеих Сицилий. Новый муж Варвары Петровны не вмешивался в хозяйственные дела своей жены. В 1841 графиню Бутера-Ридали снова постигло двойное несчастье. Сначала умер ее отец князь П.Ф.Шаховской, а затем и муж князь Д.В.Бутера-Ридали. В очередной раз Варвара Петровна получила огромное наследство. Как отмечал Е.Г.Неклюдов, ей «достались имения отца в Смоленской, Нижегородской, Саратовской и Московской губерниях (всего 4573 рев.д.) и, видимо, перешедшие ему в свое время имения жены и тещи в Смоленской, Минской, Нижегородской и Таврической губерниях (всего 1194 рев.д.), а также каменный дом в Петербурге и дача на Аптекарском острове. Но все это богатство не слишком могло утешить вдову, поскольку находилось оно под залогом в Опекунском совете. Мало того, доходы от имений (107 тыс.руб.) не покрывали даже ежегодных выплат процентов по залогам и частным долгам отца (172 тыс.), так что 65 тыс.руб.наследница должна была выплачивать из собственных доходов по заводам и промыслам» 102).

И все же Варвара Петровна была очень богатой. Помимо денежных сборов с поместий, хороший доход приносили Лысьвенские заводы, считавшиеся в числе лучших на Урале. После смерти третьего мужа она полностью отошла от дел, поручив их особо доверенным людям, таким как Ф.А.Дружини, В.М.Харьковцев, А.Ф.Веймарн, и повзрослевшим сыновьям Андрею Павловичу и Петру Павловичу. Уделом княгини стали путешествия по Германии, Швейцарии, Франции, Италии, где она приятно проводила время среди соотечественников и занималась благотворительностью.

К старости Варвара Петровна стала слепнуть и в 1854 году почти потеряла зрение. Это несчастье побудило ее активней привлекать к делам сыновей. Так старший сын - флигель – адъютант Андрей Павлович - по поручению матери занялся делами, связанными с подготовкой крестьянской реформы в России, а младший – камер-юнкер Петр Павлович – непосредственным управлением российских вотчин.

В 1864 году Варвара Петровна составила домашний акт, а в 1865 году завещание, в соответствии с которыми все ее имущество, в том числе Пермские вотчины, были поровну разделены между Андреем и Петром Павловичами. Андрей получил Юго-Камский завод, соляные промыслы и 440400 десятин земли, которые позднее перешли его дочери -графине Воронцовой – Дашковой. Петр унаследовал Лысьвенский горный округ и Крестовоздвиженские золотые прииски и 496156 десятин земли.

Варвара Петровна умерла 24 декабря 1870 года. Она похоронена в Висбадене на русском кладбище.

10.Вечноотданные к заводам

Задолго до создания Лысьвенского горного округа в уральских заводских вотчинах сложилась структура населения, состоящая из заводских работников, «приписных» и «вечноотданных» крестьян, а также «вольных» работников. «Приписка» крестьян к

*)Бытует мнение, что алмазы открыл Александр Гумбольд во время своего путешествия по Среднему Уралу. Однако это не так. Великий немецкий ученый, как, впрочем, и ряд его российских коллег, только высказал предположение о том, что на Урале могут быть месторождения алмазов.

заводам формально не являлось их закрепощением, - писал С.П.Сигов. - Это была передача крестьян заводовладельцу для выполнения определенных работ, вместо уплаты ими подушевого оклада, выплата которого возлагалась на заводовладельца, причем крестьяне за выполняемые ими работы должны были получать известное вознаграждение». 103) («Приписных» крестьян имели казенные заводы, частные заводы обходились силами крестьян, принадлежавших заводчикам - землевладельцам.)

Получая право, на строительство завода, владельцы приобретали в «дополнение» к нему и крестьян, которые становились заводской собственностью. По закону этих «вечноотданных» работников можно было продать, заложить или обменять только вместе с заводом. Нередко заводовладельцы покупали крестьян для заводских нужд и на собственные средства.

В соответствии с правительственным указом 1734 года к частным заводам приписывались по 200 мужчин от 50 сельских дворов в возрасте до 40 лет. При этом имелось в виду, что в каждом дворе имелось по 4 души мужского пола. Фактически же к работам привлекались мужчины в возрасте от 18 до 55 лет и женщины в возрасте от 16 до 45 лет осенью, зимой и весной, а также дети в возрасте от 12 лет в качестве рудобоев, уборщиков окалины и угольного мусора, коновозчиков и т.п. В соответствии с указом, подписанным Екатериной II 21 мая 1779 года, приписные крестьяне помимо рубки куренных дров, разламывания углежогных куч, обжига флюсов, подвозки на заводы руды и флюсов, должны были возводить и ремонтировать прудовые плотины, прокладывать новые дороги, обустраивать и следить за содержанием старых дорог, тушить частые лесные пожары и т.д. При этом говорилось, что после исполнения всех заводских повинностей приписным крестьянам не запрещается добровольно наниматься на какие – либо заводские работы.

Поскольку в первой половине XVIII века нередко заводы строили богатые купцы, которые не имели крепостных, но нуждались в рабочих, Указ от 18 января 1721 г. предоставил право покупки крестьян недворянам, «дабы те деревни всегда были при заводах неотлучно». Однако в 1762 году это право было отменено. В 1798 году закон 1721 года был восстановлен, но в 1816 году окончательно отменен. Отныне крестьян для обслуживания заводов могли покупать только дворяне, хотя «недворяне» успешно обходили этот запрет.

В первой половине XVIII века к числу «вольных» относились беглые крестьяне, солдаты, каторжане, трудом которых не брезговали заводские управители, потому как рабочих рук на заводах всегда не хватало. Однако «наём» таких работников продолжался до момента введения «печатых» паспортов, благодаря которым беглых практически прекратили принимать на заводские работы под страхом больших штрафов для тех, кто нанимал «беспаспортных» на работу.

Богатые помещики, имевшие тысячи крепостных крестьян, переселяли их поближе к уральским заводам из центральных районов России.

При дележе отцовского наследства Варвара Александровна получила около 20000 крепостных. Их меньшая часть постоянно трудилась на заводах и промыслах, большая - обслуживала нужды заводов на вспомогательных работах, а «в свободное время» занималась сельскохозяйственным трудом, который, однако, не являлся единственным источником существования крестьянских семей.

В период до 1861 года подзаводские крестьяне Варвары Александровны, а позднее Варвары Петровны, не испытывали недостатка в пахотных и сенокосных землях. Всякий нуждающийся в земле крестьянин мог раскорчевать вырубку, расположенные на месте заброшенных куреней. Практически все крестьяне занимались скотоводством. В хозяйствах содержали крупный рогатый скот, свиней, овец. Лошадей имели столько,

сколько было необходимо для удовлетворения потребностей своего хозяйства и даже более того, поскольку на этих же лошадях исполняли господские работы. Д.Кашинцев отмечал, что «Лошадь при заводе всегда ценилась во столько же, во сколько человек; работник без лошади стоил полцены»¹⁰⁴). Пчел разводили для внутривозвращенного потребления. Также для внутренних нужд выращивали кур, гусей и уток. Огородничеством в основном занимались женщины и дети. На приусадебных огородах выращивали картофель, капусту, репу, редьку, лук, горох, свеклу, огурцы. В.Шишонко отмечал, что репу специально сеяли на возвышенных местах, около речек, а также на местах выжига древесного угля. Овощей выращивали столько, что некоторую их часть продавали на базарах в Перми и Кунгуре. Охотой занималось очень небольшое количество крестьян. Добыча лосей, медведей и оленей носила эпизодический характер. Исключение составляли северо-восточные территории Исовской дачи, где в основном обитали старатели. Здесь охота велась главным образом на лосей, причем круглогодично. Зимой и весной на лыжах зверя гнали до изнеможения по глубокому снегу и насту, а потом закалывали ножом; летом устраивали многоверстовые загородки, в промежутках которых копали глубокие ямы с кольями или устраивали насторожки из бревна и приделанного к нему ножа. Таким варварским способом только за одну зиму добывали по 500 – 600 лосей¹⁰⁵). Добыча пушнины ограничивалась промыслом белки. Глухари, тетерева, дикие гуси и утки в основном шли на продажу.

Особое место в жизни крестьян занимали подсобные промыслы. Пригодна была всякая работа, лишь бы давала хотя бы небольшой доход. И все же определенные навыки требовались, чтобы быть плотниками, пильщиками, тележниками, корытниками и кадочниками, столярами и стекольщиками, бондарями, каменщиками, токарями, портными, шерстобитами, шорниками, коновалами. Эти работы выполнялись непосредственно в своей деревне или «на стороне». Крестьяне, жившие неподалеку от заводов, выполняли гончарные и кузнечные работы, изготавливали кирпич, гнали деготь и т.п. Зажиточные крестьяне занимались торговлей съестных припасов, мясом, сеном, мелким промтоваром, исполняли подрядные работы, содержали постоянные дворы. Среди крестьян широко был распространен извоз. Особенно популярным этот вид деятельности стал в пореформенную эпоху во время жесточайшего экономического кризиса. Беднейшие крестьяне нанимались на работу батраками к своим более успешным соседям¹⁰⁶). Заботиться о хлебе насущном крестьяне были вынуждены до глубокой старости. Даже самые немощные из них трудились, поскольку на пенсии по старости или увечью могли рассчитывать только служащие и ремесленники В.П.Бутеро-Родали при условии безупречной работы на заводах хозяйки.

«Свободное время», а также время и виды отработок при заводах - все это регламентировалось специальными инструкциями. Вот, например, что говорилось о заготовке известкового камня, использующегося в качестве флюса при выплавке чугуна: «...Камень на зжение извести...добывать определенными к тому по раскладам крестьяны в вешнее и в начале летнего времени в свободные числа от земских работ и как оного камня наломано будет столько, чтоб на известь на весь год было (довольно), тогда велеть к обжегу его в вышеозначенное же время и тем же крестьянам заготовить дров сколько потребно ж и по изготовлении того всего, во окончании летнего времени из камня класть в ямах, на то изготовленных печи...»¹⁰⁷).

Ежегодные трехразовые барские отработки коверкали сельскохозяйственный календарь. И если зажиточные крестьяне могли откупиться от них, то основная крестьянская масса должна была в положенный регламентами и инструкциями срок бросать свои дела и заниматься рубкой дров, выжигом угля, ремонтом дорог, подвозом руды, чугуна и т.д. Это в равной степени относилось к крестьянам частных и казенных заводов.

Обширна география мест, где выполнялись заводские работы. Крестьяне трудились при Лысьвенском, Бисерском, Кусье – Александровском, Югокамском заводах, а также на

Крестовоздвиженских золотых приисках и Усольских соляных промыслах, в многочисленных рудниках.

Как правило, крестьянские отработки начинались в марте – начале апреля с заготовки леса для последующего углежжения, хозяйственных нужд и отопления. «Когда который крестьянин по окладу своему дрова вырубит и о том объявит...к тем его вырубленным дровам итти выборному и угольному мастеру и освидетельствовать, что по мере ль в длину поленья рублены и по надлежащему ль расколоты... и буде по свидетельству явитца исправно, те принимать верною, запечатанною Обер-берг-амата саженью... и которая будет принята, на оную при том же приеме, не отходя класть клейма»¹⁰⁸). В середине сентября крестьяне возвращались к заготовленным дровам, чтобы «приняв оные класть в кучу равно по 20 сажен, различая березовые от сосновых особо...на старых токах (т.е. на старом слое мелкого угля) ибо оное есть прибыточно...а тое кладку, дернение и осыпку отправлять в определенное время, а именно с сентября с половины...дабы те работы могли окончены быть в половине октября, пока еще теплое время стоит...¹⁰⁹).

Почти без перерыва шла заготовка железной руды. Крестьяне ломали руду ломами и кирками, раскладывали костры для образования трещин в рудном теле с тем, чтобы его было легче дробить, трудились молотобойцами, «откатывали» руду из штолен и ортов, обжигали добытую руду в кострах, сортировали добытую руду (особенно из рудников Бисерской дачи), выполняли плотницкие и кузнечные работы, занимались перевозкой рудного сырья от рудников до заводов. Нередко на рудниках использовался труд женщин и подростков.

Широко использовался крестьянский труд на заготовке глины и изготовлении кирпича. Небольшие заведения по изготовлению этого строительного материала были при каждом металлургическом заводе, поскольку при расширении производства и строительстве новых фабрик кирпич требовался во все возрастающем количестве. Здесь широко использовался труд подростков и женщин, который приносил некоторый финансовый прибыток в семьи мастеровых. На кирпичях ставили клейма «ГШ», что значило «Граф Шувалов».

Зимой крестьяне подвозили к домам горновой камень и белый песок.

За ходом всех работ, выполняемых крестьянами, следили надсмотрщики и мастера, назначенные заводскими администрациями.

Заводы, принадлежавшие В.А.Шаховской, а потом ее внучке В.П.Шуваловой, находились далеко от сел и деревень, в которых проживали крестьяне. Нередко место работы находилось на расстоянии 150 – 200 верст от крестьянских усадеб, что делало заводские повинности исключительно изнурительным делом. На дорогу крестьянам выдавалась «прохожая плата» по 3 копейки за каждые пройденные 25 километров от места жительства до места работы. Сумма была ничтожной и никак не решала путевые проблемы с питанием и отдыхом. В дороге крестьяне голодали.

Труд приписных был малопроизводителен и сопровождался большими непроизводственными расходами. По этой причине в 1800 и 1807 годах были приняты царские указы о замене системы приписки крестьян сначала так называемыми непрямыми мастеровыми, а затем непрямыми работниками. В соответствии с указами из каждой тысячи приписных нужно было направить на заводы 58 так называемых «непрямых работников». При этом президент Берг-коллегии М.Ф.Соймонов и его сторонники считали, «что эти 58 человек вместо тысячи приписных вполне достаточно для заводов, при условии использования наемного труда, так как освобожденные от приписки к заводам крестьяне сами пойдут работать «за повольную плату»¹¹⁰). (К числу непряменных работников относились мужчины в возрасте до 40 лет вместе с семьями. Для этой категории работников бывшие приписные должны были за свой счет построить жилье в заводских поселках, выделить 2-3 лошадей со сбруей и т.п.; заводы, в свою очередь, выделяли для непряменных работников, приравненных по статусу к заводским ремесленникам, по два пуда хлеба в месяц, полтора пуда – на жену и по

одному пуду на детей в возрасте 12 лет мальчикам и 15 лет – девочкам, а также землю под пашни и покосы. В результате неперенные работники 10 месяцев в году должны были выполнять вспомогательные заводские работы и, в случае необходимости, трудиться в заводских фабриках, а два месяца заниматься собственными сельскохозяйственными работами.

Вместе с тем неперенные работники могли откупиться от заводских работ деньгами за счет собственного сельского хозяйства, тем более, что с них, как с заводских людей, не взималось никаких повинностей: ни натуральных, ни денежных. Неперенные работники могли более выгодно заработать по вольному найму, нежели отбывать за гроши заводскую повинность. По такой схеме строили свои взаимоотношения с крестьянами как на частных, так и на казенных заводах.

В случае смерти, болезни или увечья неперенного работника управители В.А.Шаховской, а потом В.П.Шуваловой могли отобрать из числа подзаводских крестьян новых работников в количестве 15 человек на 100 неперенных работников. Как правило, неперенных работников не хватало, и хозяева привлекали к заводским работам своих крестьян, ранее не относившихся к числу приписных.

Институт приписных крестьян был ликвидирован царским Указом от 15 марта 1807 года. В результате на уральских заводах сложилось постоянно проживающее население, состоявшее не только из мастеровых - ремесленников и членов их семей, но и неперенных работников с семьями. С увеличением населения стали расширяться границы населенных пунктов Лысьвенского, Бисерского и Кусье – Александровского заводов. К концу крепостного периода мастеровые составляли 23 % от всего населения округа ¹¹¹).

При всех изменениях в структуре заводского населения бывшие приписные крестьяне не освобождались от сезонных работ на заводах и приисках. Их по-прежнему посылали рубить крепежный лес и куренные дрова, выжигать уголь, добывать руду и все это перевозить к месту назначения на своих лошадях, сплавлять по Чусовой, Койве и Лысьве готовую продукцию. Ф.С.Горовой писал, что крестьяне сел Насадское, Сергинское, Кишертское, Калинское «В среднем за 5 лет ... перевезли на Крестовоздвиженские золотые прииски 27334 дерева в год на сумму 765 руб.82 коп.» ¹¹²).

На посылочных работах приходилось трудиться в три срока по 50 – 60 дней пешком и 25 – 30 конным в каждый срок, исключая караванные посылки, продолжавшиеся 70 дней. По подсчетам Ф.С.Горового, в общей сложности в имении В.П. Бутеро – Родали каждое тягло должно было находиться на посылочных работах в среднем 192, 3 дня. «Каждое тягло должно было не только отработать определенное количество дней в году, но и выполнить различные работы на сумму 21 руб.47 коп, до 26 руб.62 коп. по оценке заводоуправлений. Работы оценивались так: поденщина пешего работника – 18, 25 коп., пароконного – 16,5 коп., одноконного 27,5 коп., подростка – 12, 5 коп. Если же крестьянине не в состоянии были отработать за время посылок сумму, установленную тягло, то разницу они должны были уплатить деньгами». ¹¹³)

С.П.Сигов приводит слова академика В.П.Безобразова, высказанные им еще в XIX веке: « При крепостном труде главнейшая стоимость уральских металлов заключалась в даровом прокормлении всего рабочего народонаселения, производившимся раздачею хлеба в натуре от заводов по числу душ. Добавочные рабочие платы деньгами были ничтожны в сравнении с этим способом вознаграждения за всякого рода труд на заводах, даже за всякий побочный и вспомогательный труд по заводскому хозяйству» ¹¹⁴).

Крестьяне, оторванные от своих хозяйств, исполняли посылочные работы плохо, под различными предлогами не являлись на них или покидали раньше положенного срока. В результате скопились недоработки на большие суммы. Перед реформой 1861 года они составляли в 1856 году - 6548 руб., в 1857 году – 12703 руб, в 1858 году – 29744 руб. ¹¹⁵).

Оброк в сумме с посылочными работами не соответствовал доходам крестьянских хозяйств, поскольку они еще платили натуральный оброк рожью, пшеницей и т.п., а также

денежный оброк. С каждой десятины земли, которой они владели, нужно было платить в Пермском, Кунгурском, Оханском уездах по 1 руб. 44 коп., в Соликамском – 96 коп., в Чердынском – по 48 коп. «В результате 13592 души крепостных подзаводских крестьян имения Бутеро – Родали, владевших 76113 десятинами земли, должны были платить ежегодно 107477 руб.76 коп.поземельного оброка, или по 7 руб. 91 коп. с души, а с тягла – по 15 руб.17 коп. Кроме того, управление имением взыскивало с крестьян на государственные подати и повинности – 21 730 руб. 60 коп.; на отправление земской повинности – 1095 руб.93 коп.; на содержание церквей и духовенства - 5086 руб.43 коп., на содержание больниц – 1560 руб.06 коп.; на «общие крестьянские дела» - 5292 ру.63 коп. Следовательно, в общей сложности крестьяне имения В.П. Бутеро – Родали уплачивали 142243 руб.41 коп. оброка, или с души -10 руб. 47 коп., а с тягла -20 руб.08 коп. в год».¹¹⁶⁾

Царские реформы первого десятилетия XIX века не изменили к лучшему жизнь горнозаводского населения. Напротив, в соответствии с «Проектом горного положения» 1806 года для мастеровых были учреждены военные горные суды, в уездные города и крупные населенные пункты введены воинские команды, была учреждена горная полиция.

Полная личная и экономическая зависимость работников от заводовладельцев, надрывный труд – все это рождало резкие протестные настроения среди населения ЛГО, которые выливались в бунты, неповиновение, недобросовестное исполнение порученных работ и т.п.

11.Округ накануне новой социально-экономической эпохи

Ко времени отмены крепостного права хозяйственный комплекс В.П.Бутеро – Родали на Урале представлял собой сложный механизм, в котором постоянно трудились тысячи солеваров, золото- и платинодобытчиков, рудокопов, металлургов, крестьян. На основании данных, собранных В.Шишонко, можно представить, как выглядел этот механизм на начало 1859 года ¹¹⁷⁾.

Производство	Состоит из	Постоянное население	Производит и продает
Крестовоздвиженские промысла	Золотопромывальная фабрика – 8, ваггерт – 28, паровая машина – 1, столярная -1, кузница – 1, слесарная – 1, изготовление кирпича – 1.	Муж.684 чел., жен. 790 чел. Всего 1474 чел.	В 1858 году добыто золота 5 пудов, платины – 14 пудов 28 фунтов, 8 алмазов весом от 1\,8 до 5\8 карата. Золото и платина сдавались на Екатеринбургский монетный двор, алмазы оставались у владелицы.
Производство Соли	Варниц – 14, чренов – 14, рассолоподъемных труб – 14, паровая машина – 1, лесопилка – 2, кузница – 1, слесарная – 1, изготовление кирпича-1	Муж.-751 чел; жен. – 907 чел. Всего-1658 чел.	Соль продавалась до 1854 г. в казну в объеме 778494 пудов, после 1854 года на Нижегородской ярмарке по 51 -52 коп. за пуд; в Перми 42-44

			коп., на месте 41 1\2 -42 коп.
Юго-Камский завод. Основан в 1746 году	Медеплавильная печь – 2 (с 1846 г. не действуют), пудлинговая печь – 3, газопудлинговая – 4, сварочная – 2, газосварочная – 2, сталетомильная – 1, вагранка- 1, Станов: плющильных – 4, резных – 2, гармахерский горн – 1, молотов: кричный – 12, обжимальных -6, воздуходувных машин – 4, слесарная -1, токарная – 1, столярная- 1, лесопилка – 1,, дроворезная – 1, изготовление кирпича - 1	Муж. -1077 чел., жен.-1290 чел. Всего 2367 чел..	Железо полосовое, резное, шинное, обручное в среднем в год производится от 35 до 102 тыс. пудов. В 1858 г. продано на Ниж-Гор. ярмарке на 143980 руб. серебром
Кустье-Александровский завод. Основан в 1751 году	Домна – 1, фурмовая – 1, кричная при 3-х огнях и 2-х молотах – 1, воздуходувная машина – 3, кузница – 1, слесарная – 1, столярная -1, изготовление кирпича – 1.	Муж.-490 чел., жен.- 598 чел. Всего-1088 чел	Чугуна выплавляется в среднем за год от 46 до 116 тыс. пудов. Малая часть выделяется на заводе, остальная отправляется в Лысьву и Юго-Камск. В 1854 г. продано железа на Ниж.-Гор. ярмарке на 11782 руб. серебром.
Лысьвенский завод. Основан в 1785 году	Домна - 1, газопудлинговая печь – 12, газосварочная – 4, катальная – 4, паротомительных -2, кричный горн крытый – 9, молотов: кричный – 20, обжимной – 3, гладильный – 2, разгонный – 2, стан плющильный – 5, резной – 2, машина воздуходувная – 7, вентилятор – 1, кузница – 1, слесарная – 1, токарная – 1, лесопилка – 1, дроворезная – 1, столярная – 1, изготовление кирпича – 1.	Муж. – 1409 чел., жен. – 1653 чел. Всего 3044 чел.	Чугуна выплавляется в среднем за год от 73 до 200 тыс. пудов. Железо полосовое, резное, шинное, обручное, листовое, поделочное в 1858 году продано на Ниж-Гор. ярмарке на 250953 руб. серебром.
Бисерский завод. Основан в 1786 году	Золотопромывальная фабрика – 1, домна – 1, вагранка – 1, воздуходувная машина – 2, кричная с 6 молотами – 1, кузница – 1, гвоздарная – 1,	Муж. 621 чел., жен. 598 чел. Всего 1088 чел.	Чугуна выплавляется в среднем за год от 60 до 160 тыс. пудов. Малая

	лексопилка – 1, столярная – 1, газопудлинговая печь – 2, изготовление кирпича – 1. Ежегодно строилось от 14 до 17 коломенок длиной около 26 сажень и грузоподъемностью 13-15 тыс. пудов.	часть остается для переделки в Бисере, остальная отправляется в Лысьву и Юго- Камск. Собственного железа продано в 1858 году на Ниж.-Гор. ярмарке на 20555 руб. серебром.
--	--	--

Помимо постоянных работников весь огромный заводской механизм обслуживали вспомогательные работники – крестьяне. Владелица уральских вотчин и ее сыновья изначально понимали, что посыльные работы приносят только одни убытки. В поисках выхода администрация горного округа В.П. Бутеро-Родали в 1859 году первой на Урале заменила барщинную повинность вольным наймом и ввела денежный оброк для подзаводских крестьян. Справедливости ради следует отметить, что еще за 100 лет до этого труд вольнонаемных работников достаточно широко использовался на казенных, в частности, Гороблагодатских заводах. «Главным источником наемного труда во второй половине ХУШ века были уже государственные и крепостные оброчные крестьяне, которые уходили на заработки с паспортами», - отмечал В.Я.Кривоногов ¹¹⁸). Однако собственно «вольных» рабочих рук на Урале было не так уж и много, и администрации заводов и приисков приходилось снова нанимать на работу подзаводских крестьян, которые, с точки зрения управителей, привыкших к использованию дармовой рабочей силы, запрашивали за свой труд слишком высокую цену. Таким образом, свободный наём подзаводских крестьян на заводские работы был не выгоден, и заводские администрации приняли решение вернуться к старой форме отбывания барщины на заводских работах. Вместе с тем от мысли о наемном труде и денежном оброке Шуваловы не отказались.

В период подготовки правительственных документов об отмене крепостного права идею об использовании труда наемных работников по поручению княгини В.П.Бутеро – Родали активно продвигали ее сыновья А.П.Шувалов и П.П.Шувалов. Андрей Павлович даже разработал «Особый проект положения об устройстве быта помещичьих крестьян Пермской губернии». Коротко основные положения проекта заключались в следующем: а) заводовладелец передает работникам в бессрочное и наследственное пользование усадебные земли; б) за отработку на заводе домовладельцам передается та пахотная и сенокосная земля, которыми они пользовались ранее; в) землевладелец передает безвозмездно те пастбища и леса для заготовки дров, которыми крестьяне пользовались ранее; г) за каждую десятину надельной земли крестьянин должен отработать на заводе 5 конных и 5 пеших дней в году; д) крестьяне могут заменить барщинную повинность денежным оброком, исходя из цены рабочего дня; е) управление над жизнью крестьянского общества заводовладелец оставляет за собой.

Поиски путей по замене подневольных работников вольнонаемными тружениками были вынужденной мерой, поскольку истощались источники рабочей силы, из года в год росли производственные расходы, сопровождающиеся сокращением выпуска товарной продукции и колебаниями спроса на железо и изделий из него на рынках. Но самое главное, снижались доходы, получаемые от заводов и промыслов. В 1848 году они составляли 246, в 1849 году – 238, в 1851 г.- 161, в 1855 г.– 141, в 1856 г. – 137 тысяч рублей ¹¹⁹).

В результате длительной работы, проходившей в правящих кругах столицы и губернии, были сформулированы правила, определяющие прохождение реформы на вотчинных и

посессионных заводах. Они назывались «Дополнительные правила о приписных к частным горным заводам людях ведомства министерства финансов» от 19 февраля 1861 года. На основании «Правил...» устанавливался порядок найма и увольнения рабочих, место, время и характер работы; размер заработной платы, ответственность работника за результаты работы; взаимные обязательства работодателя и работника и т.п., обговаривалось также создание рабочих касс взаимопомощи, школ, больниц и т.д.

В соответствии с классификацией Министерства финансов окончательно утвердилась структура населения заводов, по которой все заводские люди, принадлежавшие вотчинникам, состояли из двух разрядов. К первому относились постоянно работающие на заводе бывшие крепостные мастеровые и вспомогательные работники, ко второму – подзаводские крестьяне. Крепостные мастеровые, непосредственно связанные с производством, существовали за счет заработной платы и безденежного обеспечения провиантом заводовладельцами. Вспомогательных работников, менее связанных с прямым производством, хозяева наделяли земельными наделами, на которых возделывались пашни, огороды и разводился скот. Подзаводские крестьяне жили в основном за счет натурального хозяйства, хотя им, как и вспомогательным рабочим, за отработку заводской барщины выдавалась небольшая заработная плата.

После отмены крепостного права мастеровые заводов В.П. Бутеро – Родали выплачивали значительный оброк за предоставленные в надел земли. В пореформенные годы в заводах В.П.Бутеро – Родали было отрезано 65,3% (Ф.С.Горовой приводит 79% - Н.П.) земель, ранее принадлежавших рабочим. Душевой надел составлял 1, 5 десятины земли. Со своих заводов княгиня собирала годовой оброк в сумме 14 685 руб. 90 коп. или по 2 руб.03 коп. с десятины надела и 3 руб.25 коп. с души. Больше собирали только в вотчине Лазарева. По существующим правилам на Лысьвенском и Койвинских заводах мастеровые должны были в течение первых двух лет вносить оброк ежемесячно, за месяц вперед, потом за полугодие, но на полгода вперед. При исполнении всевозможных повинностей заводским населением применялся принцип круговой поруки, когда за любую неуплату отвечало все «общество». Это было зафиксировано в договорах между работниками и работодателями в так называемых уставных грамотах.

Действия братьев Шуваловых по управлению округом в до- и в послереформенную эпоху мало чем отличались от других заводовладельцев. Они принимали самое активное участие в разработке основополагающих документов реформы 1861 года, а в дальнейшей в их «доработке», «переработке» и «исправлении», при этом используя все свои возможности: финансовые, родственные, приближенности ко двору, служебные - для защиты своих интересов. Их цель была достаточно ясна: меньше дать, а по возможности вообще ничего не давать освобожденным от крепостного рабства людям, а если что – то и дать, то получить за это как можно больше прибыли. Они по – прежнему стремились оставить за собой право бесконтрольно эксплуатировать дармовой труд мастеровых, не стремились вносить изменения в технологические процессы и организацию труда на принадлежащих им заводах и приисках.

12. Волнения подзаводских крестьян до 1861 года

По данным 8, 9 и 10-й ревизий у княгини В.П.Бутеро –Родали имелось следующее количество ревизских душ: по 8-й ревизии 1834 г. – 6817, по 9-й 1850 г. – 8182, по 10-й – 1858 г. – 4281 ¹²⁰). Жизнь «ревизских душ» так или иначе связывалась с горнозаводским производством: были они заводскими рабочими или крестьянами.

С экономической точки зрения труд подзаводских крестьян был непроизводителен и малоэффективен. Кроме того, почти каждая их отправка на работу в далекие места сопровождалась волнениями. По словам А.С.Черкасовой, исследователь Н.И.Павленко выделил три протестные формы заводских рабочих и подзаводских крестьян: подача челобитных, бегство с заводов, открытый отказ от выполнения работ ¹²¹). В.В.Мухин насчитал примерно 7 крупных народных волнений в имениях Бутеро – Родали за 60 лет до

отмены крепостного права 122). Самой распространенной протестной формой был отказ от работы и письменные жалобы, направляемые губернатору и управляющему имениями княгини В.П.Бутеро – Родали.

Часто местом волнений подзаводских крестьян становились Крестовоздвиженские золотые прииски. Они располагались на северо - востоке Бисерской дачи по левобережью реки Койвы и ее притоков, а также по рекам Ис, Выя, Большая и Малая Именная, Пясьма. Об уральском золоте и невыносимых условиях труда по его добыче, которые по сути дела не менялись на протяжении столетий, писали путешественники, современники, ученые. «...большое количество золота на Урале добывается разработкой его из россыпей. Для этого не нужно ни больших затрат, дорогостоящих машин, ни особого знания дела, которое ведется сравнительно просто и даже без особого риска потери небольшого затраченного капитала. Вдобавок к услугам владельца приисков всегда массы бедного люда, «старателей», которых гонит на работу часто безысходная нужда. Правда, при «старательской» разработке россыпи из нее нельзя получить того количества золота как при пользовании машинами. И это вполне понятно, так как изнуряемый тяжелым трудом, полунищий «старатель», которому платят лишь за добытое им золото, промывает только богатые золотом пески, оставляя без внимания пески, более бедные металлом».123)

Историческая литература сохранила подробное описание волнений вотчинных крестьян в связи с непосильными работами, недостаточной выдачей продовольствия и платы за работу на Крестовоздвиженских золотых промыслах. Все началось с того, что в первой половине декабря 1839 года заводской исправник княгини В.П.Бутеро – Родали встретил по дороге из Кусье – Александровского в Бисерский завод толпу крестьян, состоявшую примерно из 600 человек. Как объяснили крестьяне, они шли в Пермь к губернатору и в Верхние Муллы к управляющему вотчинными имениями, чтобы подать жалобу на неоправданно большие уроки и низкую плату за выполненные работы. Все попытки исправника, а за ним и пермского гражданского губернатора, остановить толпу и не допустить ее в Пермь, не имели успеха. Около 300 крестьян дошли до Мотовилихинского завода. Здесь состоялась встреча с гражданским губернатором, пообещавшим, что меры для облегчения уроков и повышения платы будут приняты. На этом и порешили. Плохо одетых крестьян снабдили теплой одеждой, продовольствием и, в сопровождении станового пристава и 9 жандармов с одним унтер – офицером, отправили по домам. Однако уже 15 января 1840 года более 700 крестьян самовольно оставили работу и снова решили идти в Пермь, поскольку обещания, данные гражданским губернатором, не были выполнены. 19 января группа крестьян из 175 человек была остановлена посланцами губернатора в селе Камасино. На сей раз на крестьян не действовали никакие уговоры вернуться к местам работы. Они кричали, что не верят посланцам губернатора, мало того, в Верхних Муллах толпа разгромила вотчинную полицию и освободила людей, находящихся под стражей. Как водится, губернское и вотчинное начальство стремилось показать свое усердие в подавлении волнений и найти виновников произошедшего. Подполковник корпуса жандармов Коссинский докладывал шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу: «...По производству следствия открывается, что главнейшие зачинщики и возмутители крестьян, находящиеся под судом в городе Перми, служители княгини Бутеро - Кашин и Каменский, быв освобождены из тюремного замка по распоряжению Уральского горного правления, проживали свободно в городе Перми и действовали скрытно, имея сношения с единомышленниками; а когда были отправлены в Бисерский завод для очных ставок по их делам, там, пользуясь свободой, успели поселить между крестьянами дух непокорности, каковой ныне показали крестьяне на золотых промыслах и на заводе Лысьвенском, но в оном благоразумием управляющего рабочие были остановлены и приведены к должному повиновению собственным его усердием»124).

О причинах и ходе волнений писал А.В.Шилов в статье «Волнения на Крестовоздвиженских золотых промыслах в 1839 - 1845 годах». Он, в частности, отмечал:

«В конце 1839 – начале 1840 года, по официальным данным, при разработке россыпей ортовым способом артель рабочих из 8 человек должна была в течение смены добыть 900 пудов золотоносных песков и вынести их из забоя на расстояние 50 – 75 саженей (100 – 155 м). Эти сведения, видимо, следует считать заниженными. По сообщениям самих крестьян, работавших на приисках, такое количество песка было разложено не на 8, а на 6 рабочих, доставлять же породу приходилось от 80 до 150 саженей. С таким уроком они не справлялись и за 12 часов, поэтому вынуждены были оставаться «в работах в вечернее и ночное время». Берг - инспектор горного правления полковник И.И.Порозов, разбираясь в причинах волнений отмечал, что «Плата, производимая работнику взрослому 15 и мальчику 10 коп. в день рабочий, весьма недостаточна: первый, проработав 6 дней, получает 90 коп., из которых он должен издержать 27 коп. на три пары лаптей и 80 коп. на прокорм себя в течение недели, следовательно, бывает в необходимости собственных прибавить 17 коп., но если ему случилось в который день не работать, то он уже лишился определенных 15 коп., а потому оставался в тот день без приварка, а по прежде бывшему порядку и без хлеба, ибо 3 $\frac{1}{2}$ фунта хлеба выдавалась только в дни рабочие... Мальчик же получает за 6 рабочих дней 60 коп., употребив на лапти 27 коп., ему остается 33 коп. на все содержание в течение 7 дней, а потому он большую часть рабочего времени питается хлебом и водою». Здесь же полковник Порозов приводит цены на самые необходимые товары: говядина – 7 коп. за фунт, соль – 4 $\frac{1}{2}$ коп., крупа – 4 коп., пара лаптей – 9 коп.125)

26 января 1840 года золотопромысловские ходоки были отправлены в сопровождении 30 человек гарнизонного батальона и 8 жандармов с одним обер-офицером в Крестовоздвиженск, а «прочих, разошедшихся по домам, предписано земской полиции немедленно выслать...к месту работы». Управляющий приисками Граубе был отстранен от должности, главноуправляющий вотчинными именными Мейер немного уменьшил урок для работников и немного увеличил заработную плату, но вскоре все стало по-старому: вернулись непосильные уроки, низкая плата, мздоимство приказчиков и нарядчиков. От себя добавим, что средняя добыча золота в имении В.П.Бутеро – Родали составляла около 20 пудов в год. Всего же с 1825 по 1896 год было добыто 360 пудов золота и 580 пудов платины.

Так закончилось первое самое крупное волнение вотчинных крестьян В.П.Бутеро-Родали.

Вторая волна протестных выступлений прокатилась по приискам в январе 1844 и ноябре 1845 годов. Крестьяне дважды отправляли жалобы Пермскому губернатору и главноуправляющему имением в Верхние Муллы, сотни из них покидали прииски и сами шли в Верхние Муллы или Пермь, чтобы объяснить с представителями власти, но всякий раз под воздействием уговоров или силы вынуждены были возвратиться на свои рабочие места, не добившись ни сколько – нибудь заметного повышения заработной платы, ни сокращения объемов уроков, ни улучшения в отношениях со стороны приисковой администрации.

Обычно к месту отработки барщины подзаводским крестьянам приходилось преодолевать большие расстояния. В пути они общались с такими же крестьянами и рабочими заводов, поэтому о новостях узнавали, что говорится, из первых рук. Нет ничего удивительного, что волнения на соседних заводах в Кушве, Тагиле, Пашии, Кыну и других, становились скоро известными в Лысьве, Кусье, Бисере, Крестовоздвиженске. Так весной 1858 года большая группа подзаводских крестьян, принадлежавших имению Голицина, не явилась в Архангело - Пашийский, Кусье – Александровский и Нытвенский заводы, а те, что пришли, от работы отказались или разошлись по домам раньше срока. Архангело – Пашийские мастеровые отправили в Пермь ходоков с жалобой на низкую плату и притеснения приказчиков, но на полдороге рабочих посланцев встретили казаки и завернули обратно в завод. Волнения прокатились по Лысьвенскому заводу. События были настолько заметными, что летом 1858 года Пермский губернатор вынужден был

докладывать в Петербург об участвовавших случаях отказа крестьян от выполнения господских повинностей.

Лето 1858 года было неурожайным, поэтому зима проходила в условиях жесточайшей нехватки продуктов питания как в заводских поселках, так и в деревнях. Пуд ржаной муки стоил 74 копейки. Из-за полуголодного существования всякая несправедливость со стороны администрации заводов встречала волну возмущения работников. В марте заволновались крестьяне села Насадского, а за ним Калининского, Верхне- и Нижне-Муллинского, Сергинского, Паинцевского и Табарцовского. В мае 1859 года взбунтовались подзаводские крестьяне в соседнем Кыновском заводе, прибывшие сюда из деревень Соликамского и Оханского уездов для рубки дров, выжигания угля и выполнения транспортных работ. Ежегодно они трижды приходили в Кын, проделав в общей сложности путь в 1800 верст и не получая на дорогу от строгановских приказчиков ни копейки. Случалось, что по дороге им приходилось просить милостыню, чтобы не умереть от голода. Волнения в Кыну начались после того, как 8 мая управитель завода Агеев велел лесничему Замараеву доставить в контору трех крестьян из села Богоявленского для наказания. Однако большая группа крестьян не позволила начальству учинить расправу над своими товарищами. Богоявленцев поддержали подзаводские крестьяне из села Григорьевского. Не остались в стороне и мастеровые Кыновского завода. Сообща было принято и одобрено решение идти в Пермь к губернатору с жалобой на невыносимые условия труда и прошением об отмене посылочной барщины. В результате толпа мастеровых и крестьян количеством около 500 человек через Кунгур, Верхние Муллы и Верхние Чусовские городки направилась в губернский город. Кыновскому исправнику удалось вернуть на завод более 50 ходоков, но все же 406 человек дошли до Перми. Исход в губернию закончился тем, что 30 крестьян были наказаны, остальные под конвоем военной команды возвращены в Кын, уволен лесник Замараев, особо жестоко издевавшийся над работниками, и немного повышена заработная плата. В сентябре заволновались крестьяне села Насадское из-за задержки дорожных денег для следования на работы в Койвинские рудники, провианта и инструмента. Кроме того, крестьяне были возмущены большим штрафом в размере 1 руб.50 коп. на каждого работника за недовыжиг угля.

Осенью 1859 года массовые волнения подзаводских крестьян княгини В.П. Бутеро – Родали перекинулись на вотчину князя Голицина. Хозяева решили проблему привычными методами: использовали военные команды для усмирения особо непокорных, сокращали объемы работ и повышали денежные выплаты наиболее сговорчивым.

Волновались рабочие и крестьяне Лысьвенского округа и в 1860 году. Пермский историк Ф.С.Горовой в ряде своих работ выводит в роли «руководителя антикрепостнической борьбы» крестьянина из села Насадское Александра Кокшарова, который «поднимал крестьян на борьбу». Вопрос спорный в том, насколько это утверждение соответствует истине, потому что ученый не приводит ни одного доказательства в пользу руководства Кокшарова крестьянскими волнениями. Александр Кокшаров - действительно исторический персонаж. Он, вероятно, слепо верил в то, что царь не знал о тяжелом положении уральских крестьян и рабочих, о чем и вел разговоры с жителями заводов и деревень. Беседы о тяжелой доле рабочих людей находили живой отклик у слушателей, и они с готовностью писали прошения и жалобы на приказчиков, управителей, лесников, несправедливости при оплате выполненных работ, низкую заработную плату, просили отменить барщину и т.д. Кокшаров соглашался доставить бумаги в Петербург и брал деньги, которые рабочие вскладчину собирали ему на дорогу. Осенью 1859 года Кокшаров был в Лысьвенском заводе и встречался с лысьвенскими рабочими. Ходили слухи, что в Петербурге Кокшаров не был, а деньги рабочих попросту растратил. Неизвестна судьба прошений и жалоб, написанных рабочими и крестьянами, как неизвестна и дальнейшая судьба самого Александра Кокшарова (126).

Естественно, власти знали о существовании этого человека и преследовали его, поскольку он, крепостной крестьянин, с 1858 года числился в бегах. 25 сентября 1860 года Кокшарова задержал приказчик Шайдуров в деревне Хмелевка. Однако, как это было в Кыновском заводе, крестьяне освободили своего заступника и дали ему возможность скрыться, а Шайдурова и служителей княгини Бутеро-Родали и князя Голицина поймали и жестоко избили. Естественно, что вскоре активные зачинщики беспорядков были сурово наказаны: 16 заключены в Пермскую тюрьму, а 25 определены под надзор вотчинному управлению

Выступления подзаводских крестьян за улучшение условий труда и повышение оплаты труда на протяжении всего времени существования Лысьвенского горного округа носило спонтанный кратковременный характер. Угрозами, наказаниями, посулами, незначительными уступками графским управленцам удавалось сбивать бунтарские настроения крестьян, не выполняя до конца ни одного их требования.

13. Положение рабочих после отмены крепостного права

Все заводские работники делились на мастеровых\)- ремесленников, исполнявших технические работы, требующие определенных профессиональных знаний и навыков, и рабочих, выполняющих вспомогательные работы. Обе эти категории горнозаводского населения пользовались некоторыми льготами. Они, например, некоторое время не платили земские денежные сборы.

После отмены крепостного права изменились условия найма и увольнения рабочей силы на заводы. С этой целью были разработаны Правила работы мастеровых на заводах В.П.Бутеро-Родали. Они состояли из пяти разделов. В первом, «О найме рабочих», речь шла о «добровольном договоре с заводоуправлением» на обговоренный срок, об использовании труда «малолетов» (детей с 12-летнего возраста –Н.П.) подростков и женщин, трудовой дисциплине, условиях расторжения «добровольного договора», которые составлялись на кабальных условиях для работников.

По официальным данным труд несовершеннолетних работников в первые десятилетия после отмены крепостного права использовался не очень широко. Например, в 1884 -1885 годах на Лысьвенском заводе трудились 20 подростков в возрасте от 13 до 18 лет, на Кусье-Александровском – 12 в возрасте от 15 до 18 лет, на Бисерском заводе – 10 в возрасте от 14 до 15 лет, на рудниках 4 подростка в возрасте от 13 до 15 лет. Как заверяла администрация округа, подростки трудились на свершено безопасных работах в кузнечном, столярном и механическом производствах, а также на различных поденных работах.127).

Во втором разделе Правил конкретно указывались род и место работы, результаты, ожидаемые от проделанной работы, а также сроки заключения договоров – «стараться заключать таковые перед наступлением нового заводского года, каковой в заводоуправлении княгини считается с 1 сентября и кончается 15 июля». В примечании второго раздела имелся немаловажный для рабочих пункт о рекрутской обязанности. Он гласил, что рабочий, проработавший на заводе не менее 3 лет или заключивший договор на 3 года, при наступлении рекрутской очереди мог внести за себя 300 руб. и освободился от повинности. Рабочий, проработавший 3 года и заключивший договор на очередные 3 года, освобождался от рекрутской повинности как натурой, так и деньгами. В этом разделе обговаривалось также количество рабочих часов в одну смену: «Для безурочных или поденных работ число рабочих часов в сутки помимо отдыха, полагается следующее: в мае, июне и июле по 13 часов, в апреле и августе по 12 часов, в марте и сентябре по 10 1/2 часов, в феврале и октябре по 9 1/2 часов, и, наконец, в ноябре, декабре и январе по 8 часов. Для отработки этого числа часов мастеровые по заведенному порядку должны являться на переключку по понедельникам, для общего недельного распределения рабочих по работам за 1 1/2 часа ранее начала работ, и в прочие дни – за 1 час ранее». 128 При выполнении подрядных работ продолжительность рабочего дня не

учитывалась. В договоры записывались конечные сроки, объемы и качество выполненных работ. Характер погоды: дождь, ненастье, жара, холод - в расчет не брались. Если расстояние от места жительства до работы составляло менее 4 км, время, потраченное на дорогу, в рабочие часы не засчитывалось; если расстояние состояло не менее 25 верст, затраченное время считалось как рабочее, но при условии, что рабочий проходит за 1 час 4 версты. В соответствии с договором администрация могла привлечь работников к работам в воскресные и праздничные дни (с оплатой) и на тушение пожаров (бесплатно). Интересно, что в 1854 году за все работы, связанные с производством чугуна, в воскресные и праздничные дни рабочие получали двойной оклад в течение всего года, а в 1863 году двойной оклад доменщики получали только в страдный месяц. В остальных работах в праздничные дни дополнительно выдавалось 48 копеек на всю артель, независимо от количества человек. В зимнее время уменьшалась плата младшим слесарям, токарям и полуработникам от 5 до 8, а ученикам слесарей и подросткам от 2 до 3 копеек с поденщины.

Существовала развернутая система штрафов за неисправную работу, нарушение порядка, прогулы, появление в нетрезвом виде, сон во время работы, нарушение заводских правил, порчу или потерю заводского имущества, неисполнение приказов начальства, самовольный уход с работы, грубость, исполнение во время работы частных заказов, кражу, несоблюдение чистоты, шалости в цехе, нарушение техники безопасности. Наиболее часто налагались штрафы за неисправную работу (37%), нарушение порядка (25%) и нарушение заводских правил (5%). В денежном выражении штрафы выглядели следующим образом: на Лысьвенском заводе за увеличение угара свыше 3,5 фунта взыскивалось по 35 копеек за каждый излишний пуд чугуна; увеличение угара при расковке из колобков болванки свыше 5 фунтов и ярмарочного железа свыше 6 фунтов вычиталось по 50 копеек за каждый передержанный пуд колобков.

Подобно большинству вотчинных заводов заработная плата мастеровых княгини В.П. Бутеро – Родали состояла из двух частей: денежной и натуральной. Деньги, в отличие от натуральной платы, в счет будущей заработной платы не выдавались ни под каким предлогом. Денежная плата в зависимости от вида исполняемой работы могла быть окладной, выраженной в четко зафиксированных размерах зарплаты; издельной, зависящей от количества и качества проделанной работы; и поденной. «Обычно заработная плата колебалась от 3 до 8 копеек в день с выдачей по 2 пуда (муки, крупы) в месяц на рабочего, или по 17 копеек без выдачи провианта» (129).

Можно проследить размеры заработной платы рабочих заводов В.П.Бутеро-Родали до 1861 года и в 1863 году. 130)

Виды производства и категории рабочих	Лысьвенский		Юго-Камский		Бисерский		Кусье-Александровский	
	До 1861 года	В 1863 году	До 1861 года	В 1863 году	До 1861 года	В 1863 году	До 1861 года	В 1863 году
По выплавке чугуна								
Засыпки	23.41	33.33	-	-	32.21	43.3	28.17	33.33
Горновые подмастерья	24.84	36.66	-	-	32.21	1	29.02	40
Работники	23.41	30	-	-	29.42	43.3	27.58	30
Шлаковозы	6.95	15	-	-	8.46	1	8.54	20
Рудобои	7.09	15	-	-	8.46	36.7	8.54	13.33
Подростки (по отливке припасов)	6.95	15	-	-	8.46	5	8.54.	-
						22		
						36.7		
						5		
						15		

По выделке колобков								
Мастера	54.85	63.12	50	50	41.96	-	45.88	-
Подмастерья	35.2	50.5	36.3	40	33.99	-	35.58	-
Работники	28.63	37.87	32.5	30	31.93	-	32.16	-
По выковке железа								
А) болванки	шин	- ной	поло	совой	-	-	-	-
Мастера	41.8	50.26	55	50	-	-	-	-
Помастерья	32.16	42.06	40	40	-	-	-	-
Работники	27.94	34.07	33.4	30	-	-	-	-
Б)полосового и связного для ярмарки			3					
Мастера	45.1	49.12		-	40.07	-	38.45.	-
Подмастерья	34.16	43.12	-	-	33,83	-	31.83	-
Работники	29.09	37.5	-	-	30.63	-	28.72	-
			-					
По выковке шинной болванки из чугуна и железной ломи								
Мастера	32.05	44.4	38.8	50	-	-	-	-
Подмастерья	30.24	39.9	5	40	-	-	-	-
Работники	26.27	28.2	30.0	30	-	-	-	-
			4					
			26.0					
			7					
По разным работам								
Для подвозки дров к дроворезной, паровой машине и сушильной печи на своих лошадях	42.7	50	43.5	50	23.71	48.7	46.88	-
То же на господских лошадях	21.99	30	21,7	-	23.71	1	26.16	-
Слесари	23.84	40	9	40	23.71	28	28.02	-
Токари	21.99	35	23.6	40	-	29.8	-	-
			4			5		
			21.7			-		
			9					
Для приготовления белого кирпича								
Работники	21.99	-	21.7	40	28	-	26.16	-
Подростки	6.95	-	9	10	8.46	-	8.54	-
			8.11					

Для сравнения заработной платы мастеровых заводов Бутеро – Родали, занятых на выплавке чугуна, приведем данные о поденной плате, выдаваемых на ряде уральских заводов в 1863 году за аналогичную работу.

Производ - ство чугуна	Лысьвенский	Юго-Камский	Бисерский	Добрянский Строгановой	Пожевский и Елизавето-Пожевский Всеволожского	Нытвенский Пашийский, Кусье-Александровский Голицина	По заводам Демидовых
------------------------	-------------	-------------	-----------	------------------------	---	--	----------------------

Засыпкам Горновым подмастер ьям	33.5	-	43	-	-	30.2	43
Работника м	36.66	-	-	-	-	30.2	50
Рудобоям	30	-	36.75	-	-	25.45	37
	15	-	36.75	-	-	-	35

*) Данные в колонках представлены в копейках

**) Данные до 1861 года приводятся с учетом задельной и поденной платы, а также затрат на выданный рабочим провиант

***) Данные за 1863 год указывают на поденную плату

В соответствии с горным уставом заводовладельцы были обязаны выдавать мастерам и членам их семей провиант в счет заработной платы или отпускать его по ценам, по каким он обходился самим заводам. «Если рабочие в счет заслуженной ими суммы пожелают получить мукою, крупую, солью по стоящей заводу цене, то заводоуправление не может им отказать в выдаче означенных припасов, но только в количестве, соответствующем их семействам».131)

Натуральная часть платы состояла из так называемой «хлебной выдачи», в которую входили, прежде всего, хлеб и крупы. Хлеб выдавался бесплатно, но «Провиант был натуральной частью заработной платы, как правило, понижавшей ее денежную часть»132)

В заводских поселениях Лысьвенского горного округа были построены склады, которые назывались магаз(е)инами, где хранился годовой запас продовольствия. Магазины строились по стандартному проекту и представляли из себя каменные здания, разделенные капитальной стеной на два вместительных помещения. В каждое вела отдельная дверь. Сверху сооружалась двухскатная крыша из теса или железа.

Денег и провианта подчас не хватало. Рабочим, живущим непосредственно в заводских поселках и в прилегающих к ним деревнях, приходилось подрабатывать кустарными промыслами. В Лысьвенском горном округе кустарное производство не являлось широко распространенной деятельностью населения, как, например, это имело место в Юго-Камском округе. Управляющий Юго-Камским заводом О.Ф.Николаи всячески поощрял кустарные промыслы, в частности, производство гвоздей, которые кустари продавали на ярмарках в Перми, Екатеринбурге, Ирбите. Железное сырье, используемое для выковки гвоздей, юго-камцы получали, в том числе, и с Лысьвенских заводов. 133

Имеются данные о состоянии кустарной промышленности в Лысьвенской и Калино-Камасинской волостях за 1894-1895 заводской год.134) Информацию об аналогичной деятельности в Бисерской, Кусье-Александровской и Крестовоздвиженской волостях обнаружить не удалось.

№№	Вид промысла и месторасположения	Кол-во дворов/семей, занимающихся промыслами	Доход в руб.
1.	Кожевенная: -Камасинская вол., д.Кучино Калино	1\2	190
2.	Чеботарный -Лысьвенская вол., з.Лысьвенский	2\4	127
3.	Шорноседельный -лысьвенская вол., з.Лысьвенский	1\2	150
4.	Мебельно-столярный -Лысьвенская вол., з. Лысьвенский	3\4	671

5.	Бондарный- Лысьвенская вол., д. Мехряково	1\1	235
6.	Смодегтярный- Лысьвенская вол., з. Лысьвенский, д. Мехряково	2\2	457
7.	Мукомольный- Лысьвенская вол., д. Чунжина; д. Пупова (?); д. Темная; д. (Большая) Лысьва; д. Заимка. Калино-Камасинская вол., д. Поповка; д. Новиковка; д. Басарна (?); д. Мельничная	1\1 1\1 1\1 1\1 1\1 1\1 1\1 1\1 1\1 1\1	360 220 110 140 50 50 225 117 205
8.	Пекарный- Лысьвенская вол., з. Лысьвенский	1\2	554
9.	Красильный – Калино-Камасинская вол., с. Калино; Лысьвенская вол., з. Лысьвенский	1\2 1\1	230 220

10.	Кузнечно-клепальный – Лысьвенская вол., з. Лысьвенский	1\1	150
11.	Производство музыкальных инструментов - Лысьвенская-з. Лысьвенский	1\1	442
12.	Портняжный – Лысьвенская вол.,	1\1	305
13.	Кирпичеделательный – Лысьвенская вол., д. Липовая	1\1	125

Таким образом, в Лысьвенской и Калино-Камасинской волостях кустарными промыслами занимались всего 26 дворов, в которых проживали 33 семьи. Им помогали 33 наемных работника, в том числе 10 человек трудились на мельнице в деревне Чунжина. Иными, словами, лысьвенские и калино-камасинские кустари трудились в основном целыми семьями, только в редких случаях прибегая к найму работников. Для сравнения, в Юго-Камском заводе в кустарных «гвоздарных» заведениях было занято 134 человека плюс 176 наемных работника, плюс 36 наемных подростков. 135)

Естественно, люди болели. В случае тяжелого увечья или заболевания, полученного на работе, мастеровые, заключившие с администрацией договор, могли рассчитывать на размещение в госпиталь, содержание в котором обходилось за счет заводоуправления. Оно же, по своему усмотрению, могло во время болезни мастерового выдавать пособие членам его семьи. По согласованию с заводским врачом заболевший рабочий мог лечиться дома. В этом случае ему бесплатно отпускалось из заводского госпиталя одно лекарство. Мастерской, заболевший или изувечившийся на работах, во время которых отсутствовали заводские начальники, не мог рассчитывать ни на лечение в заводском госпитале, ни на пособие. В редких случаях, когда увечье происходило по вине работодателей, и рабочие не могли продолжить свою трудовую деятельность, им, по решению заводоуправления, выдавалась пожизненная пенсия.. Жители, принадлежавшие к заводскому обществу, но не выполнявшие заводских работ, не получали от заводоуправления никакой лечебной помощи, разве что только за свои деньги они могли попасть в госпиталь, приобрести лекарства и т.п.

Сохранился аналитический отчет врача лысьвенского госпиталя В.Безсонова о больничном и амбулаторном лечении лысьвенских и кусье-александровских рабочих и членов их семей с 1885 по 1897 год.

По Лысьвенскому заводу¹³⁶⁾

Год	По заводскому госпиталю				По амбулатории	
	На заводском содержании		На своем содержании			
	Кол-во больных	Проведено дней	Кол-во больных	Проведено Дней	Кол-во обращений	Среднее в день
1885	17	449	3	14	3084	12.3
1886	12	457	13	232	3981	16.3
1887	17	204	11	129	4246	18.2
1888	24	312	40	510	4506	22
1889	41	758	16	150	5673	27
1890	59	839	23	260	6176	30
1891	99	1382	30	212	6291	32.6
1892	52	863	25	286	5904	30.2
1893	44	712	27	281	7005	36
1894	55	950	23	275	7388	41.1
1895	59	893	37	505	9095	56
1896	68	1780	45	436	10312	64.6
1897	57	705	48	490	6819	58.4

По Кусье Александровскому заводу¹³⁷⁾

1895	36	582	-	-	2699	-
1896	57	689	-	-	3000	-
1897	59	774	-	-	2700	-

Достаточно часто рабочие болели заразными болезнями. Так на Лысьвенском заводе отмечены факты заболевания холерой, а на Куртымских рудниках - сыпным тифом: 7 случаев отмечено в 1893 году и 2 – в 1897 году. Высоким был уровень травматизма. Только на Лысьвенском заводе за три года, с 1895 по 1897, произошло 12 травм, закончившихся увечьями рабочих, и 1 смертельный случай.

Для сокращения несчастных случаев и травм вводились так называемые «предохранительные предметы». Для работы у печей, паровых молотов и прокатных станков в пудлинго – сварочных цехах рабочие надевали защитные очки, а при разливке чугуна и стали лицо закрывали металлическими сетками.

Большое значение имела защитная одежда. Особенно при работах, связанных с производством чугуна, стали, проката, горячей обработке металла и т.п. В этом случае в комплект рабочей одежды входили рубахи и брюки из льняной тани, грудь, живот и колени прикрывались «защитками» - фартуками из кожи, на голову надевалась «катанка» - широкополая войлочная шляпа, которая предохраняла лицо от горячего воздуха, раскаленных брызг металла и окалины. На руки надевались суконные рукавицы, называемые «вачегами», на ногах рабочие носили лапти, сплетенные из конопляных жгутов. Иногда на вачеги нашивали кожу со стороны ладоней, а к лаптям приделывали деревянные колодки. В листовых и листокатальных цехах вместо лаптя на левую ногу надевали валенок, обернутый тонкой жостью. ¹³⁸⁾

Труд горнозаводских рабочих всегда был тяжел и труден и практически всегда затраченные на его выполнение физические силы не соответствовали объему заработной платы.

14. Волнения рабочих

Дореформенная и пореформенная эпохи тяжелым катком прошли по заводским рабочим и подзаводским крестьянам Лысьвенского горного округа. Сами они от участия в

делах реформы 1861 года были отстранены. Показателем экономического и социального положения рабочих и крестьян были многочисленные жалобы на низкую заработную плату, необоснованные штрафы, высокие подати, отказ от выполнения тяжелых работ, стачки. Свердловские ученые подсчитали, что в 1860-е годы в России произошло 10 стачек рабочих. Из них 2 на Урале, в том числе 1 на Лысьвенском заводе княгини А.П.Бутеро – Родали. 139).

Заводской люд активно поддерживал выступления крестьян: писал жалобы и прошения об увеличении заработной платы, улучшении снабжения продовольствием, отмене жестоких наказаний за опоздания на работу, брак, неуважение к начальству и т.п.

Из – за низкой зарплаты и недостатка продовольствия волнения то и дело сотрясали заводское население Лысьвенского горного округа. Так значительная часть рабочих Бисерского завода получала заработную плату в размере от 7 до 12 копеек в день. Этим денег не хватало даже на хлеб. Жить приходилось в долг за счет денег, взятых в заводской конторе под обязательство отработать в течение 1-2 лет. Без каких – либо объяснений в 1862 году главноуправляющий заводами округа принял решение о временном закрытии Бисерского завода, что означало для рабочих и членов их семей медленную голодную смерть.

Не лучше было положение жителей Лысьвенского завода. Заработная плата рабочих этого предприятия оставалась неизменной с 1847 года до 1861 года, т.е. 14 лет. Причину этого следует искать в относительно устойчивой цене на хлеб, которая колебалась в пределах от 18 до 25, 5 копеек за пуд ржи. После неурожаев 1858 и 1859 годов цены на хлеб выросли в два – три с половиной раза, на мясо - в полтора – два раза, на соль, крупу, масло - в полтора - три с половиной раза и т.д. В последующие годы цены остались на этом же высоком уровне, тогда как зарплата существенных изменений не претерпела.

В.Шишонко приводит данные о движении цен на основные продукты питания за 1854 – 1858 годы по заводам и приискам В.П.Бутеро - Родали.140)

Год	Мука ржаная (копеек)	Крупа ячневая (коп.)	Горох (коп.)	Соль (коп.)	Овес (коп.)	Говядина (копеек)	Рыба – судачина (копеек)	Масло постное (копеек)
1854	От 16 до 25 ⁵ / ₇	От 31 до 42	От 35 до 43	От 44 до 57 ¹ / ₄	От 15 до 20 ¹ / ₂	От 59 до 80	От 1р.32 до 1р.33 ⁶ / ₇	От 2р.16 до 2р.57
1855	16-24	27-53	36-51 ³ / ₄	44-57	12-25 ⁵ / ₇	57 ¹ / ₂ – 85	1р.20-1р.37 ¹ / ₇	1р.82 ⁶ / ₇ -2р.60
1856	18 - 33	31 ¹ / ₂ -50	38-50	43 ¹ / ₂ -57	19-30	57 ¹ / ₂ -1р.8 ⁴ / ₇	1р.36-1р.37 ¹ / ₇	2р – 3р.43
1857	22 ¹ / ₂ - 36	45-53	50-57	43 ¹ / ₂ -57	20-30	77 ¹ / ₂ - 91	1р.37 -1р.70	3р. – 4р.
1858	40-60	51 ¹ / ₄ – 54	52-60	43 ¹ / ₂ -57 ¹ / ₂	30-36	91-1р.20	1р.70 -2р.	4р. – 4р.50

В мае 1861 года безденежье и полуголодное существование стали причиной остро социального недовольства, которое исподволь тлело уже несколько лет. Поводов было достаточно. Рабочие искренне считали, что манифест об отмене крепостного права им читали «неправильно», что они не обязаны больше выполнять тяжелые работы и могут считать себя свободными от произвола заводского начальства. Не сбылись надежды на улучшение жизни, связанные с обещаниями Александра Кокшарова доставить жалобы рабочих царю или его сановникам. Другое несбывшееся обещание дал ревизор заводов В.П.Бутеро – Родали Де-ла-Гарди. В августе 1860 года рабочие передали ему из рук в руки прошение об увеличении заработной платы. Ревизор обещал передать просьбу хозяйке и сделал это, но Варвара Петровна, сославшись на формальный повод, не утвердила новые штаты, а с ними и изменения в заработной плате, и отказалась

удовлетворить просьбу своих мастеровых. Де-ла Гарди направил в Лысьву письмо, в котором извещал рабочих о решении хозяйки завода. Ответ, разумеется, никак не удовлетворил рабочих.

7 мая 1861 года в Лысьвенский завод из Верхних Муллов приехал член заводского правления Шадрин. Узнав об этом, многие рабочие побросали работу и пошли к нему на встречу, чтобы выяснить вопрос о намерении администрации повысить заработную плату. Шадрин не стал ничего говорить, поскольку знал о высоких ценах на продукты питания и низких заработках мастеровых. Он обещал написать письмо главному управляющему заводов Хирьякову о положении дел в Лысьве, разрешил не работать в храмовый праздник 8 мая, распорядился выдать рабочим деньги, чтобы они послали в Пермь мастеровых Якова Кондакова и Степана Пермякова к генерал – майору князю Багратиону, посланному царем на Урал для умиротворения волнующихся рабочих, все с той же просьбой о повышении заработной платы. Самовольно вопрос о повышении зарплаты мастеровым Шадрин решить не мог.

Дипломатические маневры Шадрина ни к чему не привели. В тот момент, когда он вел переговоры с рабочими, по предписанию Пермского уездного суда лысьвенский исправник готовился отправить в Пермскую тюрьму одного из активистов движения за увеличение заработной платы Мартемьяна Баландина. По сценарию, обычному для той поры, рабочие, собравшись шумной толпой, добились освобождения своего земляка из – под стражи. Об этом происшествии лысьвенский исправник сообщил главному начальнику горных заводов Урала Фелькнеру, который, не вдаваясь в подробности дела, решил послать в Лысьву из Гороблагодатских заводов казачью команду для принятия карательных мер.

В это время князь Багратион передал Пермскому губернатору Лошкареву прошение лысьвенских мастеровых о прибавке заработной платы. В ответ губернатор направил в Лысьву двух чиновников и 40 казаков. 18 мая 503 лысьвенских рабочих, закрыв на замок ворота фабрик, но, оставив 52 доменных рабочих на своих местах, пошли объясняться с пермскими чиновниками. Переговоры ничего не дали, поскольку прибывший с губернаторскими чиновниками главноуправляющий именем В.П.Бутеро – Родали полковник Хирьяков определенно заявил: «Прибавки платы не будет!» Так началась шестидневная стачка лысьвенских рабочих, вошедшая в учебники истории советского периода как первое организованное выступление пролетариата за свои экономические права, т.е. тайный взаимный сговор для достижения общей цели – повышение заработной платы.

В последующие дни шли переговоры между рабочими и представителями власти. Рабочие настаивали на выполнении своей просьбы, чиновники, в частности Хирьяков, отказывался от ее выполнения, говоря, что вслед за лысьвенцами повышение платы за свой труд потребуют другие рабочие заводов В.П.Бутеро-Родали, чего он допустить не мог. В свою очередь старший советник Уральского горного правления Земляницын, прибывший в Лысьву 21 мая, не только уговаривал рабочих вернуться на рабочие места, но и готовил арест наиболее активных участников стачки: Мартемьяна Баландина, Филиппа Сушина и Ивана Шатова, - и, кроме того, вызвал из Гороблагодатских заводов еще 50 казаков.

Силы становились слишком неравными. Часть рабочих, боясь расправы, отказалась от активного противодействия власти и согласилась приступить к работе, но просила не наказывать их за непослушание. Активно этих рабочих поддерживал священник Свято-Троицкой церкви, который говорил, что прибавка зарплаты лысьвенским мастеровым может обернуться большими беспорядками по всей губернии. На этом стачка закончилась.

В результате дознания, проведенного следственной комиссией, Мартемьян Баландин, Иван Шатов, Филипп Сушин, Иван Мозготин, Данила Жихарев, Ермолай Пупов, Степан

Пермяков, Степан Ракинцев, Григорий Кропачев, Семен Пьянков были наказаны розгами от 60 до 70 ударов. Все они были переданы под особый надзор власти. 141)

Пореформенная пора еще более усилила тяготы жизни рабочих. Заработная плата не росла, а продукты дорожали; ходили слухи о намерении хозяев закрыть заводы, как это стало с Бисерским заводом, и переселить жителей в центральные районы России или на Дальний Восток. Количество рабочих мест сократилось почти на треть. В 1874 году закрылось доменное производство в лысьвенском заводе, в результате чего около 170 человек оказались без работы. В поисках любой работы в этот период времени широкое распространение среди мастеровых получила деятельность, связанная с перевозкой грузов для заводов: руды, дров, угля и т.п. С увеличением поголовья лошадей обострился вопрос о покосных наделах для заводских жителей. В то же время во взаимоотношениях со своими бывшими подневольными работниками действия хозяйки заводов В.П.Бутеро – Родали были направлены на одно – максимально сохранить прежнее зависимое положение рабочих с помощью повинностей, платежей, запретов заниматься определенными видами трудовой деятельности, обременительностью принятия решений о смене места жительства и т.д.

Острым неприятием встретили лысьвенские рабочие реформу местного самоуправления в 1870 году в связи с созданием земства. Неожиданностью для них было то, что этот процесс сопровождался введением земского сбора денег в размере десяти с половиной копеек с десятины земли. Как это часто бывает, непопулярное в народе решение власть решила прикрыть обманом. Так случилось и на сей раз. Член Пермской уездной земской управы Доронин уверил лысьвенских рабочих, что земский сбор с горнозаводского населения взиматься не будет. Однако в феврале 1871 года в Лысьву пришли окладные листы на сумму 220 рублей 37 копеек. 142) В ответ рабочие заявили, что земский сбор платить не намерены. Среди самых активных противников земского сбора снова оказались Мартемьян Баландин, Иван Шатов и Филипп Сушин.

Уездная управа направила в Лысьву мирового посредника для разрешения конфликта, но, когда и он не смог переубедить лысьвенцев, пришлось обратиться за помощью к уездному исправнику. Сначала исправник с помощью станового пристава увещевали рабочих в законности и необходимости сборов, а затем начали грозить расправой. На этом и разошлись, но поскольку и через несколько месяцев денег рабочие так и не уплатили, исправник предложил администрации завода удержать нужную сумму из зарплат рабочих. Администрация завода пошла навстречу пожеланиям исправника и удержала 156 рублей, передав деньги волостному старшине. В ответ толпа рабочих явилась в волостное земство и отобрала деньги, при этом многие кричали, что член уездной земской управы Дронов ничего не говорил о земской повинности с рабочими. Власть ничего не оставалась делать, как привезти Дронова повторно в Лысьву, где он во всеуслышание отказался от своих ранее сказанных слов и подтвердил законность земских сборов. Эта встреча с Дроновым заставила часть рабочих засомневаться в правоте своих действий, но наиболее активные лысьвенцы продолжали настояли на том, чтобы никто не платил нежданную повинность.

В начале августа снова были арестованы Баландин, Сушин, Шатов - всего 14 человек из числа тех, кто наиболее яростно сопротивлялся земскому сбору. Баландина посадили в тюрьму на 1 год и 8 месяцев, остальных на 4 месяца. 20 августа 1871 года в Лысьву прибыли солдаты из пермского батальона внутренней стражи, и пристав приступил к описи и продаже с торгов имущества недоимщиков.

Эти жесткие меры властей явились переломными в протестных настроениях лысьвенских рабочих. Многие из них начали выплачивать земский сбор, хотя эта недоимка по-прежнему продолжала оставаться и в последующее время.

Волнения рабочих и крестьян Шуваловских заводов и приисков продолжались на протяжении всей второй половины XIX века и носили стихийный и неорганизованный характер. Иными как по форме, так и по содержанию они стали в XX веке, когда

появились политические партии, профессиональные организаторы и, самое главное, шире стал кругозор рабочих.

15. Жизнь и работа горнозаводского населения в пореформенные десятилетия

Во многом жизнь рабочих и членов их семей зависела от состояния подсобного хозяйства: наличия пашни, покосов, выгонов для скота и т.п. В соответствии с реформой 1861 года те мастеровые, кто до реформы имел пахотную землю, получал ее в размере не более 1 десятины на душу, но с условием уплаты оброка или, если не было денег, обязательства отработать недоимку на заводах или рудниках хозяев. Те же работники, кто пахотной земли не имел, не получали ее и после реформы. Так же точно владельцы покосов и выгонов платили оброк с 1 десятины на душу деньгами или отработками. За 6 рублей с десятины надо было выкупать усадьбы, на которых стояли дома рабочих и располагались огороды. Оброки были очень высокими, в результате чего скапливались большие недоимки. По подсчетам Ф.С.Горова оброк с души на заводах В.П.Бутеро-Родали был в 6, 5 раза больше, чем на казенных заводах. 143)

Этот же исследователь приводит пример, часто встречавшейся градации при исчислении оброков в горнозаводских вотчинах. «Что означало на практике применение этого принципа, рассмотрим на примере ...Юго-Камского завода Бутеро – Родали. По уставной грамоте на этом заводе душевой надел всех видов угодий равнялся 1, 25 десятины. По принципу градации в первой (нечерноземной) полосе, к которой относилась и Пермская губерния, первая десятина надела оценивалась в 4 руб.50 копеек, вторая – в 2 рубля 50 копеек, а четверть высшего десятирублевого оброка разделялась равномерно на остальную часть высшего душевого надела. По исчислении оброка на Юго-Камском заводе с применением вышеуказанных принципов получалось, что за десятину с четвертью рабочие платили 5 рублей 7 копеек оброка. Иначе говоря, за 23% высшего душевого надела рабочие платили 56% высшего душевого оброка».144) Скорее всего, этот же принцип исчисления налогов распространялся и на другие заводы княгини.

Нередко земельные наделы становились для рабочих весьма существенными, иногда единственным, источниками существования. По этой причине они не могли ни бросить землю, ни продать, ни отказаться ухаживать за ней и на этом основании накрепко привязывались к заводам, исполняя любые требования хозяев за самую ничтожную заработную плату.

В октябре 1864 года мастеровые Лысьвенской волости обратились к графу П.П.Шувалову с прошением безвозмездно передать земли (или за самую умеренную плату), которыми они пользовались до 1861 года, усадебные земли, а также уничтожить оброк за выгонные наделы, поскольку скот выпасался на землях, за которые рабочие и без того платили оброчные деньги. Лысьвенцы аргументировали свою просьбу тем, что «владеемая ... земля дохода решительно никакого не принесет и не приносит, а удовлетворяет только крайнюю домашнюю необходимость, чего дает единственно возможность заниматься при заводских работах, которые служат нам подмогой для оправдания натуральных повинностей, оправдываемых наймом, отправлять которые натурою, как мы постоянно все находимся при работах завода, не можем, и для оправдания общественных расходов, а также впоследствии податей, посредством получаемых нами за работы плат». К прошению была приложена смета всех видов работ, количество поденщин как мужских, так и женских, их стоимость, а также указана средняя урожайность зерна с 1 десятины в 60 пудов. 145)

Спустя 5 лет, в 1869 году, с подобной просьбой обратились к П.П.Шувалову мастеровые Бисерской волости. Они, в частности, писали: «...мы в здешней местности, пользуясь одними сенокосами посредственного состояния, в сравнении с другими соседними с нами волостями, обеспечивающимися при соседстве заводов, сверх работ при оных, собственным сельским бытом и хлебопашеством...других источников, кроме заработков при действии завода в.с., не имеем, пользы же в некоторой степени служат средством к

домашнему поддержанию убогого семейства, давшим нам средство иметь лошадей, а следовательно, предоставили нам возможность участвовать в перевозке угля, руд, песков и прочих материалов...мы получаем платы те же самые, какие существовали в прежние годы со времени введения вольного труда, нашу всепокорнейшую просьбою дозволить нам работать с пользованием как напередь сего безвозмездно усадебной, выгоном и сенокосом и беспошлинно за строевой лес и топливо...» 146)

В советской историографии именно земля рассматривалась как один из основных источников экономических и социальных противоречий между населением горного округа и его владельцами. В пореформенную эпоху Шуваловы сделали все, чтобы сохранить лучшие земли за собой. Только в Лысьвенском заводе они «отрезали» 79% земель, ранее принадлежавших рабочим. 147) С точки зрения вотчинных хозяев это было верное решение, поскольку в новых экономических условиях земля стала выгодным товаром. По этой причине П.П.Шувалов стремился продать землю населению и больше, и дороже. Однако хозяева не могли оставить рабочих совсем без земельных наделов. По уставной грамоте лысьвенским мастеровым было назначено на 1433 души покосной земли по 1 дес. на душу, пашенной в занимаемом размере 490 дес. и выгонов по 200 саж. на душу. Мастеровым и вспомогательным рабочим до 1 января 1867 года отсрачивался оброк на 1-ю десятину, на остальную землю налагался оброк в 45 коп. с десятины.

В Бисерском заводе наделению землей подлежало 606 мастеровых и служащих. Они должны были получить 37 десят. 2270 кв. саж. усадебной земли, 50 десят. 1200 кв. саж. выгонов для скота из расчета по 200 кв. саж. на человека, пахотной земли 2 десят. 25 кв. саж. и сенокосов по 606 десят. на душу. Лес на топливо мастеровые должны были получать на основании местного Положения для Великороссийских губерний. За это они были должны хозяину платить за усадебную землю и выгоны по 6 руб. за десятину, за пахотную землю и сенокосы по 2 руб.40 коп. за десятину. В общей сложности мастеровые и служащие должны были платить хозяину 1989 руб. 89 коп. в год. Бисеряне не приняли эти условия, ссылаясь на то, что они не могут заниматься земледелием в связи с суровым климатом, что высока оброчная плата и, кроме того, мал размер наделной земли.148)

На 9 марта 1862 года в Крестовоздвиженских Промыслах и деревне Северной числилось 524 мастеровых и 51 дворовой, из которых 47 человек приписывались к обществу мастеровых, а поэтому имели право на земельные наделы. В пользовании крестовоздвиженцев состояло усадебной земли 58 дес. 297 кв. саж., покосов – 3124 дес. 1837 кв. саж., выгонов для скота – 797 дес. 1600 кв. саж. В соответствии с уставной грамотой им был исчислен налог за пользование землей 1205 руб. 24 коп. Выгонной землей и лесом они пользовались на тех же основаниях, что и все жители Лысьвенского горного округа. Однако, подобно лысьвенцам и бисерцам, крестовоздвиженцы отказались принять земельные наделы и пользовались землей «на захватном праве» 149

По двум уставным грамотам от 9-15 марта 1869 года в Кусье было 892 ревизских душ, в пользовании которых находилось 22 дес. 546 кв. саж. усадебной земли, 19 дес. 135 кв. саж. пашен, 1678 дес. 1472 кв. саж. покосов, 80 дес. выгонов. Сумма оброка, полагавшаяся по закону в 2386 руб. 30 коп, по уставной грамоте была определена в 1600 руб.09 коп. 150)

При выходе «на волю» заводские мастеровые получили наделы меньше по сравнению с «сельскими работниками». По этой причине, например, лысьвенские мастеровые настаивали, чтобы их земельные наделы равнялся наделам крестьян Соинской волости. Вместе с тем, население округа не спешило за плату приобретать дополнительные наделы. Во-первых, основным источником существования веками были заводские работы, и земля, являлась значимым, но все же подспорьем в борьбе за существование; во-вторых, среди заводского населения не сложилась полноценная земледельческая культура; в-третьих, в ряде мест, например, в Крестовоздвиженских золотых промыслах, даже картофель вызревал не каждый год, и жители покупали его в соседних - Бисерском и Кусье – Александровском - заводах.

Учитывая эти факторы, а также действительно тяжелейшее материальное положение рабочих, управляющий лысьвенского заводского правления Хирьяков просил контору имений П.П.Шувалова: «Касательно оброка с мастеровых Бисерского и Кусье-Александровского заводов ... в уважение нехлеборобной местности было бы благодетельно для мастеровых Койвеских заводов определение оброка за землю ниже 1¼ против заводов Лысьвенского и Юго-Камского», предполагалось также предоставить «крестовоздвиженским поселенцам несколько лет льготы». Помимо всего прочего Хирьяков полагал «возможным предоставление льгот или временно безвозмездного пользования участками арендной земли в виде пособия престарелым, увечным, вдовам и сиротам, или в замене части денежного пособия». 151)

Была еще одна причина, по которой горнозаводское население не торопилось приобретать землю. Люди полагали, что наделы, которыми они пользовались веками безвозмездно, автоматически перейдут в их собственность. На это, в частности, указывал в своем докладе царю министр земледелия и государственных имуществ после поездки по горнозаводскому Уралу: «С освобождением крестьян от крепостной зависимости население частновладельческих заводов имело по закону право получать сверх оседлости надел полевой, сенокосной и пастбищной земли на основании Местного великороссийского положения, но крестьяне, привыкшие к неограниченному пользованию всем пространством заводских дач, в большинстве случаев от этого отказывались, приняв лишь усадьбную оседлость, предоставленную им бесплатно, рассчитывая при этом, что все владельческие земли останутся по-прежнему в их фактическом владении и пользовании» 152) На предложение шуваловских служащих покупать землю, жители отвечали: «В крошнях свою землю в Петербург не унесете».

Во время своих приездов на Урал Павел Петрович Шувалов неоднократно лично выступал на сходах перед мастеровыми, предлагая взамен самозахватов земли упорядочить землепользование на законных основаниях. Он, в частности, предлагал Кусье-Александровским мастеровым следующее: 300 десятин захваченной земли, которую местные жители называли «загороды», купить по цене 10 руб. за десятину с рассрочкой на 5 лет. Рядом с этими участками мастеровые могли купить дополнительный надел по цене 3 руб. 15 коп. за десятину с рассрочкой платежа на три года. Покосы предполагалось отводить крупными участками в потребном количестве в виде аренды на 33 года по 15 коп. в год за десятину. Их можно расчищать и лес использовать на топливо бесплатно. Однако, если лесина была длиннее 9 аршин и толще 6 вершков, ее можно было купить по установленной в заводе таксе. Выгон для скота мастеровые должны будут обнести изгородью. Арендная плата составит 1½ коп. в год с десятины. Особо подчеркивалось, что помимо указанных отводов никаких земель больше продаваться не будет, а также то, что на графских землях можно проводить разведку на предмет нахождения полезных ископаемых, разумеется, за особое вознаграждение. Подобно лысьвенским и бисерским мастеровым, кусье-александровцы эти условия не приняли. Их не прельстило даже то, что собранные за аренду деньги граф Шувалов предполагал использовать для поддержания престарелых и увечных рабочих. 153)

И все же графскую землю население покупало. Причин тому было много. В первую очередь росло заводское население как за счет естественного прироста, так и за счет пришлых, главным образом, крестьян, вынужденных бросать свои насиженные места из-за безземелья. В 1895 году на Лысьвенском заводе работало всего 750 человек, однако с точки зрения заводоуправления и этого было много. По существующему закону владелец был обязан предоставить рабочим работу, а так как всем работы не хватало, «лишних» работников стали не увольнять, а отправлять на так называемые «гулевые дни», т.е. «в отпуска» без выплаты денежных пособий. Продолжительность «гулевых дней» составляла примерно две недели, т.е. 50% всего рабочего времени. Так, сменяя друг друга на рабочем месте, трудились рабочие всех заводов Лысьвенского округа. В этих условиях многие рабочие поневоле вынуждены были покупать графские земли. В 1880 – 1890-е годы в

Лысьвенском заводе земли скупались рабочими и крестьянами из Большой Лысьвы в районе реки Задняя и к северу от металлургического завода. Всего же к концу XIX века только треть населения округа была наделена землей и занималась сельским хозяйством.

По мере возможности население Лысьвенского горного округа самостоятельно обеспечивало себя продовольствием и одеждой, но были и такие хозяйственные потребности, которые могли быть удовлетворены только за счет рынка. Это керосин, мануфактура, сахар, скобяные изделия, инструмент и т.п. Местные торговцы, учитывая большой спрос на товары подобного рода, взвинчивали цены на 100 и более процентов. В этих условиях объективно складывалась потребность в кооперировании финансов потребителей с целью оптовой закупки товаров и продовольствия. Один из первых исследователей потребительских обществ Пермской губернии проф. И.Х. Озеров отмечал, что общества потребителей развиваются «главным образом при заводах, где, конечно, условия торговли были еще более ненормальны, чем в городах... в особенности необходимы общества потребителей на приисках, на рудниках, где эксплуатация рабочих торговцами достигла огромных размеров, и вот поэтому – то мы и видим, что общества обыкновенно открываются на приисках и рудниках». 154)

В границах Лысьвенского горного округа сложились 5 потребительских обществ во всех крупных населенных пунктах кроме Теплой Горы..155)

№№	Название потребительского общества	Год учреждения	Количество членов	Основной паевой капитал
1.	Бисерское	1900	239	9790
2.	Косьинское	1902	314	18989
3.	Крестовоздвиженское	1898	92	3901
4.	Кусье-Александровское	1899	335	10518
5.	Лысьвенское	1892	724	39158

Крупнейшим было Лысьвенское общество. Организованное в 1892 году, по количеству членов в Пермской губернии оно уступало только обществу служащих Пермской железной дороги.156) Служащие обществ вели делопроизводство, искали источники кредитования, работали в потребительских лавках, закупали товары. В зависимости от наличия оборотных средств товары приобретались в Перми, как, например, Крестовозвоженское общество, или на Нижегородской ярмарке, как, например, Лысьвенское общество. Купленные таким образом товары продавали членам общества по сниженным ценам, чем создавали серьезную конкуренцию «вольным» торговцам.

Таким образом, жизнь населения округа постепенно теряла формы труда и быта, свойственные феодально-крепостническому укладу, и приобретала черты капиталистического общества.

16. Положение дел в округе после реформы

С той поры, как 26 ноября 1823 года В.П.Шувалова-де-Полье - Бутеро-Родали была утверждена в правах на наследство своей бабушки княгини Варвары Александровны Шаховской, прошло более 30 лет. Она владела тремя металлургическими заводами, 14 варницами и 10 рассолоподъемными трубами в Усолье и на Ленве 157), Крестовоздвиженскими и Косинскими золотоплатиновыми приисками, поместьями в центральной России. По утверждению уже упомянутого исследователя Е.Г.Неклюдова, «с детских лет приученная к аккуратности и бережливости», став хозяйкой огромного владения, «она по-прежнему вела тщательный учет расходов и требовала того же от приказчиков». И все же говорить о системном занятии Варвары Петровны заводами и промыслами не приходится. Начав было заниматься заводскими делами после вступления в права наследства, она быстро охладела к ним, перепоручив дела своим управляющим. О хозяйственной деятельности первого ее мужа - графа Андрея Павловича - мало что известно, но именно его громкая фамилия позволила ставить на продукцию уральских

заводов Варвары Петровны «фирменный» шуваловский символ – единорога. Мифический конь с одним рогом на голове присутствовал на родовом гербе Шуваловых и был широко известен в России. Однако большую известность он получил после того, как под руководством П.И.Шувалова был разработан новый вариант длинноствольной гаубицы, на которой отливали силуэт единорога. Эта пушка, так и названная единорогом, прослужила в русской армии более 100 лет вплоть до появления орудий с нарезными стволами. Нанесенный краской или выдавленный на шуваловской металлургической продукции рогатый конь стал хорошей рекламой для продажи.

28 февраля 1863 года Варвара Петровна составляет предварительный акт о передаче всех своих имений сыновьям. Он начинался словами: «Я оставляю моим сыновьям - графам Андрею и Павлу Шуваловым - все мои имения в России, и с этого времени они могут считать себя их владельцами на следующих условиях...».¹⁵⁸) Далее следовали условия наследования, а также списки лиц, которым княгиня назначала пенсии, в том числе за границей таковых было 6 человек, в России -16 человек. Не забыла Варвара Петровна упомянуть, чтобы пенсия за орден Святой Екатерины в сумме 85 руб.72 коп. перечислялась в Санкт – Петербургскую глазную больницу. Документ заканчивался пожеланием «Отыскать между моими вещами, находящимися в Петербурге, рисунок, сделанный моей матерью медальон темною и светлою краскою в бронзовой четырехугольной рамке и выслать его мне, равно и все прочее, что там находится, как-то: миниатюрные портреты, драгоценные вещи, табакерки, письменные принадлежности, которые стоят, чтобы их отослали ко мне»

В 1864 году слепнувшая княгиня В.П.Бутеро – Родали приняла окончательное решение передать управление уральскими заводами и соляными промыслами своим сыновьям. Старший сын Андрей Павлович получил Юго-Камский завод, Новоусольские и Ленвинские соляные промыслы с дачами площадью 440400 десятин, младший –Петр Павлович – получил Лысьвенский, Бисерский, Кусье – Александровский (часть его по-прежнему еще принадлежала князьям Голицыным) и Крестовоздвиженские золотые и платиновые прииски общей площадью дач в 496156 десятин земли ¹⁵⁹). Однако в 1886 году часть Кусье-Александровского завода, принадлежавшая князю С.М.Голицину, перешла в собственность графа П.П.Шувалова. По одним сведениями, голицинская часть завода была продана, по другим - проиграна в карты.¹⁶⁰). В 1863 году, за год до вступления в права наследства, Петр Павлович приезжал в Лысьвенский округ в надежде скорым образом решить вопрос о продаже своей земли мастерам и крестьянам. Однако ни в этот, ни в последующий свой приезд, состоявшийся в 1879 году, вопрос о продаже земли решить не удалось.

Варвара Петровна Шувалова-де Полье-Бутеро-Родали умерла 24 декабря 1870 года в Швейцарии и похоронена на русском кладбище в Висбадене.

Отнюдь не в лучшем виде получил свое заводское наследство Петр Павлович. Заводы с отсталой технологией, непродуманной стратегией развития давали прибыль, несопоставимую с расходами на их содержание. Относительно стабильный доход давала продажа водки, изготавливаемой в огромных количествах. Только за 1864-1865 годы граф Шувалов продал около 300 тысяч ведер водки.

Вероятно, в этот период острого безденежья и зародилась мысль о закрытии доменного производства в Лысьвенском заводе и его превращении в передельный завод. В начале февраля 1865 года Верхнемуллинское правление Пермскими вотчинами было реорганизовано. Для управления заводами было создано отдельное правление Лысьвенского и Койвенских заводов, объединивших Кусье-Александровский и Бисерский заводы с центральной конторой в Лысьве. Под его руководством в 1874 году доменное производство в Лысьве было свернуто. В качестве основной товарной продукции рассматривалось производство листового кровельного железа. Первые опытные партии этой продукции в Лысьве были выпущены еще в середине 1850-х годов. Кровельное железо пользовалось довольно устойчивым спросом как на внутреннем, так и на внешнем

рынке, хотя его производство требовало высокой технологической дисциплины, профессионального мастерства работников, хорошей организации производства и немалых финансовых затрат. Задача была не из простых. О качестве листового русского железа современник писал: « При пробе *на изгиб* самое лучшее кровельное железо свободно сгибается пальцами руки в обе стороны листа до полного соприкосновения поверхностей, образующих внутренний угол изгиба, и выдерживает такое попеременное перегибание несколько раз без заметного проявления излома – *гнется как свинец* – даже при плющении сгиба ручным молотком; уже после неоднократного перегибания в ту и другую сторону сначала делается заметным по линии сгиба утончение листа с жилковатым сложением, а потом уже, однакож не вдруг по всему сгибу, а постепенно, при продолжающемся перегибании, отламываются почти беззвучно подвергшаяся перегибанию часть листа – обыкновенно угол. Напротив, железо самого плохого качества нелегко сгибается, вследствие большой упругости и твердости, и даже при сгибе в одну только сторону, далеко от прямого угла, с треском ломается, причем излом его оказывается зубчатый, зернистый». 161) С немалыми трудностями пришлось столкнуться лысьвенским металлургам, прежде чем их железо стало отвечать самым взыскательным требованиям потребителей.

В конце 1880 –х - начале 1890-х годов Петр Павлович Шувалов начал постепенно отходить от дел и все больше привлекать к решению хозяйственных и финансовых дел своего единственного сына Павла Петровича, который, например, лично принимал участие в закладке Теплогорского завода в 1880 году. Новый завод замыслился исключительно для выплавки 300 тысяч чугуна в год. К этому времени ипотечные, вексельные и прочие долги Петра Павловича перевалили за 3 миллиона рублей. Огромными были процентные выплаты с долгов. Практически все мало доходные поместья были заложены в различных банках. Пермские заводы (т.е., находящиеся в Пермской губернии – Н.П.) находились в плачевном состоянии. Доходы, получаемые от заводов, не покрывали расходов на их содержание. В 1891 году на продаже товарной продукции заводов удалось заработать всего 41 732 руб. 40 коп. 162) (

А.Лоранский собрал общие сведения о положении черной металлургии России за 1893 год. В том числе он показал состояние заводов П.П.Шувалова. 163)

Название завода	Всего земель	В т.ч. леса	Наличие движущих машин \ в лошадин. силах			Употреблено на заводское действие			Производство
	десятин		Водо-действ. колес	турбин	Паровых машин	Дров-куб.саж	Древ. угля – короб.	Камен. уголь-пудов	
Лысь-венский	16252 8	11837 4	4\160	6\405	4\240	13935	5189	0	Жел.
Бисерский	30225 7	25258 1	2\40	Нет	1\150	262	46117	0	Чуг.
Тепло-горский	В даче Бисерского завода		нет	Нет	1\35	25	41289	0	Чуг.
Кусье-Александр	4321 1	39438	2\100	нет	Нет	0	40420	0	Чуг.

Из таблицы видно, что по-прежнему на заводах было мало паровых машин и по-старинке широко использовалась энергия падающей воды. Ни на одном заводе не использовалось минеральное топливо. 1263 рабочим, занятым на прямом производстве, помогали 735 вспомогательных рабочих, в том числе: на Лысьвенском заводе работало 1032 основных и 226 вспомогательных рабочих, на Бисерском заводе – 81 и 150, на Теплогорском заводе – 38 и 39, на Кусье-Александровском – 112 основных и 320 вспомогательных рабочих. Иными словами, на заводах преобладал ручной

малопроизводительный труд. Не удивительно, что в 1893 году на трех шуваловских чугуноплавильных заводах выплавляли всего 1416896 пудов чугуна, тогда как на одном голицинском Архангело - Пашийском заводе выплавляли 1235027 пудов. 164) На Лысьвенском заводе за этот же год изготовили 361585 пудов железа, которое удалось продать на сумму 68192 руб. 165)

Потребности в рудном сырье в основном удовлетворяли рудники, находящиеся в относительной близости от заводов, хотя некоторую часть руды приходилось покупать.

Наименование рудника и завода	Количество действующих рудников	Количество действующих шахт и штолен	Занято рабочих		Добыто руды (в пудах)
			Внутри рудника	На поверхности	
Бисерские – Бисерский з-д	8	211	150	50	420996
Гаревознесенские – Теплогорский з-д	2	10	162	170	933894
Куртымские – Кусье-Александровский з-д	1	8	139	72	1306012

Механизации при добыче руды практически не было. Труд рабочих был чрезвычайно опасен. Так только за один год на рудниках погибло 4 человека. На Бисерском руднике 1 рабочий упал в шахту, на Гаревознесенском - 1 рабочий погиб во время обвала, на Куртымском - 2 человека погибли от ушибов. 166) 4 человека пострадали от обвалов и ушибов в Бисерских каменоломнях и Крестовоздвиженских приисках. Для подъема рудного сырья на поверхность использовались ручные и конные ворота. Только один Куртымский рудник располагал для этой цели паровой машиной мощностью в 16 л.с. 167) В денежном эквиваленте цена добытой руды известна только по Куртымским рудникам. Сумма составила 58341 руб. В совокупности количество проданной руды и вырученных от продажи средств не известно.

Одним из существенных финансовых источников графа Шувалова были золото и платина. Добыча этих благородных металлов началась с интервалами с 1825 года в бассейнах рек Полуденная (Полуденка), Тискос, Ис, Нясьма. В первый год было промыто 83640 куб. саж. песка и получено 5 фунт. 84 зол.13 дол. драгоценного металла. При промывке золота в ковшах с золотым песком старатели находили платину. Однако этот металл попадался в небольших количествах, и на рынке за него давали ничтожную цену. По этой причине платину попросту выбрасывали. Спустя много лет об этом курьезе писали: «...мастеровые Крестовоздвиженской волости охотились на рябчиков, заряжая ружья вместо дроби (доставка была дорога) крупной платиной! Долгое время приисковая контора в Промыслах не принимала от старателей *темной* платины; такую платину бросали на пол, выметали и она проваливалась в щели пола. Впоследствии, когда контора была убрана, под ней собрали сор, промыли его и получили 20 фунтов платины» 168) Целенаправленно платину стали добывать в 1831 году, когда золота намыли 3 пуд. 30 фунт.30 дол, а платины – 10 фунт.58.зол.40 дол. Заводовладелица проявила интерес к системной добыче белого металла по той причине, что в этот период министерство финансов активно чеканило платиновую монету. Чеканка продолжалась с 1825 до 1845 года. Так складывалась шуваловская золото-платиновая провинция.

Добыча золота и платины была связана с большими затратами. Например, прииск Косьинский, названный так по месту расположения на реке Косья, находился в непроходимых лесах и горах. Чтобы попасть туда, пришлось прорубить дорогу, названную позднее Косьинской. Она больше походила на тропу, по которой могли пройти только пешеходы и вьючные лошади. С невероятным трудом по дороге возили груз на

дровнях под названием «волокуши», и то после того, как в самых непроходимых местах были устроены мосты и слани. Места были безлюдными, по этой причине старателями трудился пришлый люд из Пермской, Вятской и Казанской губерний. В разгар приисковых работ, т. е в весенне– летний сезон, по Косьинской дороге проходило по 6-7 тысяч человек. На зиму, когда работы сворачивались, на приисках оставалось до 2 тысяч человек. Они жили во временных приисковых поселках Верх - Косьинский, Петро-Павловский, Средне-Исовский, Нижне-Исовский, Первый Лог, Кучумовский, Качканарский, Шестой Лог, Седьмой Лог, Покапский и др. Центром золотоносной провинции были село Крестовоздвиженские Промысла и деревня Северная.

Со временем прииски истощались, приходилось промывать все большее количество золотоносной породы, поэтому ручной труд заменяли машинами. На реке Ис была установлена первая на Урале драга для промывки золота, но и при этом эффективность добычи оставалась невысокой. В 1893 году на приисках трудились 940 рабочих, которые за сезон добыли золота 2 пуд.7 фун.46 зол.86 дол. Для сравнения приведем такие данные. На приисках Нижне-Тагильского округа трудились 1669 человек, которые добыли за 1893 год золота 16 пуд. 30 фун.15 зол. 24 дол. 169)

Добытое золото доставлялось в золотосплавные лаборатории Екатеринбурга, затем его отправляли в Петербургский монетный двор, где оно проходило очередное опробование и только после этого происходили денежные расчеты с золотопромышленниками.

Что касалось белого металла, то с 1860 года вся сырая платина экспортировалась за границу. 170) () Вывоз металла за рубеж был вызван тем, что в России спроса на него почти не было, и, кроме того, переработка сырья была очень трудоемкой и требовала специального оборудования и подготовленных специалистов. Основным покупателем сырой платины была английская фирма «Джонсон, Маттей и Ко». Ушлым англичанам удалось заключить контракт с Шуваловыми и другими уральскими платинопромышленниками на продажу белого металла по фиксированной цене на 5 лет вперед без учета конъюнктуры рынка. По данным за 1870 год, англичане покупали у Шуваловых платину по цене 10 коп. за золотник, московский представитель фирмы имел за посреднические услуги 40 коп., а фирма продавала металл в Париже за 1 руб. 20 коп.171)

Для поправки финансовых дел была предпринята попытка заняться промышленной заготовкой, транспортировкой и продажей леса. Первый опыт был получен в 1875 году, и связан он с началом строительства Уральской (Пермской) горнозаводской железной дороги. Расчет на продажу больших объемов лесоматериалов побудил старшего лесничего Т.И.Добрадина перенести свою контору из Лысьвенского завода в Крестовоздвиженские Промысла и организовать в районе железнодорожной станции Усть-Тискос особый торговый район. На новом месте пришлось с «нуля» начинать организацию работы по охране и лесопользованию. Спешно прорубались дороги, изучался характер рек, расчищались их русла для сплава древесины, строились противопожарные вышки, налаживалась организация охраны лесов от хищнической порубки и т.п.

Огромные убытки приносили лесные пожары. В 1878 году началась постройка Теплогорского чугуноплавильного завода, но, почти построенный, в 1880 году он сгорел вместе с окружающим его девственным елово-пихтовым лесом. По одной из версий, причиной возгорания стала искра от паровоза. Часто пожары возникали от неосторожного обращения с огнем рудокопов и старателей, просто прохожих, останавливающихся около дороги на ночлег. Чтобы предотвратить пожары, на оживленной Косьинской дороге, как раз на середине между Крестовоздвиженском и рекой Косья, был устроен специальный Пономаревский кордон, в котором прохожие могли получить ночлежный дом, бесплатный кипяток, чай и сахар. Специальная пожарная стража ездила вдоль дороги и запрещала разводить костры. Все эти меры требовали затрат на сумму 1500 руб. в год, но они оправдали себя, т.к. пожарам был положен конец.

В конце 1880-х годов на нижней Волге, и прежде всего в Царицине, резко увеличился спрос на товарную древесину. В качестве новой лесосырьевой базы выбор Шуваловых выпал на Усьвенскую лесную дачу - самую глухую и малоизученную часть пермских владений. Для оценки лесных запасов, а также сплавных возможностей реки Усьва, в мае 1890 года была организована экспедиция под руководством бывшего старшего лесничего Г.К.Готшлака и лесничего И.И.Зандерсона. Первый шел к реке Усьва со стороны Соликамского уезда, второй – от Теплогорской дачи. Девственные леса оказались вполне пригодными для хозяйственного использования. К реке стали пробивать дороги, устраивать лесные кордоны, ставить наблюдательные противопожарные вышки и т.д. Однако вопреки пробным сплавам леса, давшим положительные результаты, промышленный сплав разорил лесопромышленников, взявших в аренду лесные делянки в верховьях и среднем течении Усьвы. Соответственно, не получили ожидаемых денег Шуваловы. Огромные бревна длиной 13 $\frac{1}{4}$ аршина и толщиной в среднем 7 вершков застревали на отмелях, на изгибах реки, у подножья скал и создавали колоссальные заторы. В этих условиях цена одного бревна, прибывшего в пункт назначения, равнялась 1, 5 - 2 рублям. Только к 1909 году после обустройства русла реки цена одного бревна стала колебаться в пределах 74 – 76 копеек. 172)

Петр Павлович Шувалов понимал, что перемены в ведении заводского хозяйства необходимы, но у него, человека мечтательного и безынициативного, на это не было ни денег, ни особого желания, ни соответствующего опыта. Выход из сложившейся ситуации престарелый граф увидел в акционировании Лысьвенского горного округа.

17. Поиски путей для акционирования округа

11 февраля 1895 года Петр Павлович в письме к сыну Павлу Петровичу высказал предположение о создании «акционерного устройства» Лысьвенского округа по примеру хозяев успешного в те годы Богословского округа. Ю.А.Буранов указывал на факт, обойденный вниманием исследователей, в соответствии с которым 14 июля 1896 года П.П.Шувалову «было разрешено учредить акционерное общество под названием «Лысьвенское горнозаводское общество» с основным капиталом в 2,7 млн. руб. золотом (21600 акций по 125 руб.)» Формально округ был создан, но свою собственность в него Шуваловы не передали. Взамен этого в 1897 -1898 году Петр Павлович разделил свое имущество между единственным сыном Павлом Петровичем, дочерьми и внуками на 1546 долей, создав таким образом семейное паевое товарищество. При этом Павел Петрович получил 504 доли. 173)

Объяснение такому повороту событий дает другой исследователь Л.Е.Шепелев. Он, в частности, отмечал: «...акционирование ...не было последовательно и до конца осуществляемым актом... Учредители не желали расставаться ни с правом безраздельного контроля над акционируемым предприятием, ни с будущими прибылями, а потому стремились сохранить большую часть акций в своих руках и в руках узкого круга родственников...». 174) Так появилось семейно-паевое Лысьвенское горнозаводское общество, организатором и вдохновителем которого стал Павел Петрович Шувалов.

Итак, Петр Павлович разделил свое имущество между сыном Павлом Петровичем, дочерьми и внуками. В 1899 году Павел Петрович Шувалов вступил в единоличное владение Лысьвенским округом, который занимал площадь 488 тыс. десятин земли. Из них 465 тыс. десятин было занято лесами. Округ был чрезвычайно богат различными полезными ископаемыми. Здесь имелись богатые залежи платины, золота и алмазы. Магнитные железняки имели содержание железа до 65%. Уникальное месторождение хромистых железняков было разведано на Сарановской курье. В Кусье-Александровске и Бисере имелось по две, а в Теплой Горе одна домна. Однако заводское хозяйство находилось в крайне расстроеном состоянии. Себестоимость чугуна была высокой и составляла от 60 до 61 копейки за пуд, из-за «недостатка средств» все домны были плохо оборудованы. Техническое состояние головного предприятия - Лысьвенского завода -

было «крайне неэкономично и невыгодно: все устройства, сделанные за последние 10 лет, имеют какой – то случайный характер и не связаны стройной системой». На заводах округа лежал долг в 665 тыс. руб.: 500 тыс. руб. Государственному банку, 165 тыс. руб. разным лицам и, кроме того, просроченных платежей банкам на 187 тыс. руб.¹⁷⁵⁾

Павел Петрович энергично взялся за переустройство округа. Ему пришлось оставить военную службу и отказаться от привычного образа жизни. Ю.А.Буранов отмечал: «... П.П.Шувалов (сын) сумел организовать семейные капиталы: он продал в 1896 году Завьяловское имение в Саратовской губернии за 1175 тыс. руб., Ямбургское имение – за 145 тыс. руб., получил ссуды в 1198 тыс. руб. в Дворянском банке. Правильно решив, что консолидация всех капиталов для развития Лысьвенского горного общества может принести крупные доходы,... направил значительную часть полученных средств на финансирование округа». Однако большие средства, такие как ипотечный заем в Нижегородско – Самарском банке, финансового оздоровления округу не принесли.

Неизвестно личное отношение Павла Петровича Шувалова к идее акционирования округа после смерти Петра Павловича. Не исключено, что он решил возродить округ и вдохнуть в него вторую жизнь без привлечения компаньонов помимо родственников. Ему пришлось срочно решить две задачи: определить направление реконструкции заводов с учетом рыночной конъюнктуры на металлургическую продукцию и продолжать изыскивать источники финансирования. Деньги владелец заводов черпал, помимо займов в банках и у частных лиц, от продажи имений, расположенных в центральных и западных губерниях России, от наращивания добычи золота, платины и алмазов на Косьинских и Исовских приисках, также от продажи леса и земли, хотя проблему землеустройства заводского населения граф Шувалов так до конца и не решил.

В 1874 году производство чугуна на Лысьвенском заводе было прекращено. Завод стал передельным. Исходя из этого факта, П.П.Шувалов принял решение перепрофилировать завод на производство кровельного железа, используя в качестве сырья бисерский и теплогорский чугун. В 1898 – 1899 годах под руководством инженеров А.И.Умова и С.Ю.Вериги на заводе была построена современная мартеновская фабрика с двумя 20-тонными печами. В основу фабричного помещения лег выставочный павильон Нижегородской ярмарки 1896 года, спроектированный инженером В.Г.Шуховым. Арочная конструкция шириной 37, 2 метра, как и все здание, состояла из железа, стали и стекла. Механизированные ковши для разливки стали, краны, подъемники – все приводилось в движение электромоторами. Таких мартеновских фабрик, оборудованных одними электрическими двигателями, в России еще не было. Мартеновский процесс являлся в три раза более экономным в отношении расхода топлива, по сравнению с пудлинговым и в десять раз более экономичным, чем кричная выделка железа.¹⁷⁶⁾

Долгое время серьезной проблемой была дороговизна чугуна, производимого на шуваловских заводах. Его продажа, даже по цене ниже себестоимости, т.е. в убыток самим себе, была делом достаточно хлопотным. М.П.Вяткин проанализировал сложившуюся ситуацию. Так на 1901 год остаток чугуна должен был составить 500 тыс. пудов, т.е. его было много больше, чем можно было продать. В то же время, например, Бисерский завод выплавлял 900 тыс. пудов. При условии продажи этого чугуна с недовыручкой 20 копеек с каждой тонны получался убыток в 180 тыс. рублей. Появилось предложение остановить Бисерский завод. При этом можно было выгодно продать 35 – 45 тыс. коробов сэкономленного угля на сумму 35 – 45 тыс. руб. Однако остановка завода означала увольнение рабочих, чего, вопреки закону, заводоладелец не имел права сделать. Было принято решение оставить в работе одну домну до момента выработки всей имеющейся в запасе руды. И все же излишки чугуна продолжали оставаться. По расчетам потребность округа в чугуне составляла 1300 тыс. пудов, а излишки, даже при остановке одной Бисерской домны, составляли еще 700 – 750 тыс. пудов. В результате была остановлена одна домна на Кусье – Александровском заводе, что сократило выпуск чугуна еще на 250 тыс. пудов. Таким образом, за счет сворачивания убыточного

производства были сэкономлены средства, немедленно перераспределенные на развитие прибыльного производства, например, прокат кровельного железа на Лысьвенском заводе. 177)

Реконструкция Лысьвенского завода была немыслима без выхода предприятия к Уральской (Пермской) горнозаводской железной дороге, строительство которой закончилось в 1878 году. Она прошла вдоль северной границы владений П.П.Шувалова от станции «Селянка» до станции «Уральская». К решению этой задачи заводладельца подталкивал положительный опыт Теплогорского завода, который изначально строился с учетом привязки к железнодорожному сообщению

С некоторым опозданием, но владелец Лысьвенского округа обратился в правительство с просьбой о прокладке железнодорожной ветки от Лысьвенского завода до горнозаводской магистрали. 17 сентября 1898 года вышло распоряжение правительства, в котором говорилось: «Разрешить постройку ширококолейной ветви от Лысьвенского железодобывающего завода до станции «Лысьва» (располагалась в Калино – Н.П.) Пермь-Тюменской железной дороги протяжением около 20 верст на следующих условиях:

1. На средства владельца Лысьвенского завода графа Шувалова на основании сметы министерства путей сообщения и отпуска из запасов казенных железных дорог старых рельсов безвозмездно;

2. Постройка пути производится по утвержденному проекту, составленному на основании наиболее облегченных технических условий, допускаемых для подъездных путей... Лысьвенский подъездной путь составляет собственность казны и эксплуатируется за счет сей последней управлением Пермь-Тюменской железной дороги под названием Лысьвенской ветки»

3. На основании расценочной ведомости стоимость строительства ветки компенсировалась графу Шувалову за счет прибыли, получаемой от эксплуатации ветки. 178)

Договоренности о строительстве железнодорожной ветки неукоснительно выполнены сторонами, и в декабре 1900 года первый поезд прибыл на станцию «Лысьвенский завод» (иногда станцию называли «Новая Лысьва» - Н.П.) Самым первым грузом, прибывшим в Лысьву, стал теплогорский чугун.

Преимущества железнодорожного сообщения были столь очевидны, что в Лысьвенском заводе без колебаний поддержали идею о первоочередном строительстве железной дороги от Бердяуша на Нязе – Петровский, Михайловский, Нижнее – Сергинский, Атигский, Верхнее - Сергинский заводы и Лысьву.

Для строительства железной дороги, получившей название Западно-Уральская, в 1913 году было создано специальное акционерное общество, в руководство которым вошли представители администрации Лысьвенского завода. Новая дорога протяженностью 455 верст была открыта 16 октября 1916 года. Это было сложнейшее техническое сооружение с выемками в скальном грунте, насыпями, мостами, водоотводами, туннелем длиной 75 сажен. 179)

К железнодорожным станциям стали прокладывать новые и ремонтировать старые грунтовые дороги. Например, было затрачено 80000 рублей на прокладку дороги, связавшей между собой Крестовоздвиженские платиновые рудники с выходом к станции «Теплая Гора», отремонтирован тракт, идущий от Лысьвенского завода до села Канабеки, связавший густонаселенные заводские поселки Лысьвы и Чусового с хлеботорным Кунгурским районом.

Единоличным хозяином Лысьвенского горного округа граф П.П.Шувалов умер в 1902 году. Однако маховик реконструкции округа, запущенный им, продолжал действовать. В первую очередь, это было связано с привлечением талантливых руководителей и горных инженеров, находящихся на службе в Лысьве, Бисере, Теплой Горе, Крестовоздвиженске. Благодаря их стараниям, росли прибыли округа. М.П.Вяткин, ссылаясь на данные Главного управления имения графа Шувалова, приводит такие данные 180):

Годы	Сумма прибыли
------	---------------

	(в тыс. рублей
1898-1899*	108101
1899-1900	95505
1900-1901	1592
1901-1902	31664
1902-1903	61384

Расширение масштабов реконструкции лысьвенских заводов и увеличение выпуска товарной продукции совпало с обострением кризиса уральской промышленности. Для выработки собственной экономической политики руководителям Лысьвенского округа приходилось искать пути взаимодействия с уральскими промышленниками в части согласованных действий по определению цены на товарную продукцию, объемов выпускаемой продукции, рынков сбыта, состояния рынка рабочей силы и т.п. Так, в 1898 году руководители округа приняли участие в совещании представителей восьми уральских заводов по вопросу создания совещательного органа с центром в Петербурге, который следил бы за деятельностью конкурентов, главным образом из числа заводчиков Юга России и Царства Польского. Договориться о создании совещательного органа в тот раз не удалось. Однако немного позже, в условиях нарастающего кризиса, уральским промышленникам вновь пришлось вернуться к идее объединения усилий в борьбе с конкурентами юга страны, координации цен на чугун, сортовое и кровельное железо и т.п.

Руководители Лысьвенского округа принимали активное участие в съездах уральских горнопромышленников. Подобные съезды вырабатывали согласованные действия не только в части противодействия заводов Урала промышленной экспансии металлургических предприятий Юга империи, но и позволяли коллективно обращаться в правительство по таким важнейшим вопросам, как финансирование строительства железных дорог, согласованной политике по ценообразованию и т. д.

Разумеется, на съездах шло активное лоббирование собственных интересов представителями различных уральских заводов. Например, лысьвенским руководителям удалось добиться создания специальной общеуральской комиссии по определению качества выпускаемой продукции для сравнения с аналогичной продукцией Юга страны и за границы. Эту идею поддержал XII съезд уральских промышленников, состоявшийся в 1903 году в Екатеринбурге. У лысьвенцев был свой резон говорить о собственной высококачественной продукции хотя бы потому, что незадолго до XII-го съезда на Всемирной выставке в Париже железо Лысьвенского завода получило очень высокую оценку. Признание высокого качества лысьвенского железа отечественными специалистами кратно поднимало его ценность в глазах потенциальных покупателей. Однако, начав работу в декабре 1903 года, «Комиссия по исследованию качества уральских металлов» практически сразу же приостановила свою деятельность. Причиной тому были кризис, русско-японская война, нерасторопность некоторых заводов по перечислению средств на работу комиссии. Например, по предварительной смете для исследования сортового сварочного железа расходы для каждого завода обходились примерно в 800 рублей, а кровельного железа по 550 рублей.

Новый толчок в работе комиссии придал «экстренный съезд» уральских горнопромышленников, состоявшийся 28 мая – 2 июня 1904 года в Санкт-Петербурге. Съезд принял специальную программу исследования сортового и кровельного железа с помощью химических, физических и механических испытаний. 181) (Центром по исследованию качества кровельного железа стал Лысьвенский завод. Результаты испытаний, показывающих неоспоримое преимущество уральской продукции по сравнению с иностранными и южнороссийскими образцами, в 1909 году опубликовал главноуправляющий Лысьвенского завода А.И. Онуфрович 182).

Активное участие в работе съездов горнопромышленников лысьвенских представителей позволило внести в свод постановлений весьма важные для Лысьвенских заводов

предложения в адрес правительства. Например, XII-й съезд (1903 год) поддержал ходатайство перед министерствами финансов, путей сообщения, земледелия и государственных имуществ о строительстве железной дороги Лысьва – Бердяуш, о поставке вагонных весов и строительстве пакгаузов на железнодорожной станции «Лысьвенский завод». 183) На съезде можно было оспорить авторитетное мнение известного ученого или руководителя. Так делегат от Лысьвенского завода А.П.Матвеев высказался против выводов Д.И.Менделеева, который после поездки на Урал, утверждал, что уральские заводы могут выплавлять до 300 миллионов пудов чугуна в год. В противовес ему Матвеев настаивал на 40-50 миллионах пудов. 184) Он, как никто другой, знал, что чугун производится в избытке: не случайно в Лысьвенском округе были погашены Бисерская и Кусье-Александровские домны.

На экстренном съезде (1904 год) шел разговор об учреждении уральского синдиката производителей металлопродукции. Эту крайне важную тему подняли представитель Сергинско-Уфалейских заводов Б.Э.Бабель и Лысьвенских заводов - А.П. Матвеев. Начиная с 1900 года, между Алапаевскими, Шуваловскими, Уфалейскими, Демидовскими и Кыштымскими заводами шли переговоры о создании объединения картельного типа. Через 4 месяца после экстренного съезда горнопромышленников представители выше перечисленных заводов 6 октября 1904 года подписали соглашение сроком с 1 января 1905 по 1 января 1908 года об установлении согласованных объемов производства кровельного железа и распределении его количества между участниками объединения, а также об определении цены на железо в зависимости от его сортности и условий продажи в кредит или за наличные. Для Лысьвенского округа это было крайне важно, поскольку Лысьвенский завод находился в числе крупнейших производителей кровельного железа на Урале. В процессе работы над созданием картеля было высказано пожелание привлечь к его деятельности Азовско – Донской банк с целью беспрепятственного обеспечения финансового авансирования заводов, но от этой идеи участники объединения отказались. Картель просуществовал менее двух лет и распался по причине внутренних разногласий, нарушения ранее принятых договоренностей и острой конкурентной борьбы с заводами Юга.

Одной из главных причин внутренних разногласий участников объединения было падение цен на кровельное железо вследствие его перепроизводства. Это был объективный процесс, поскольку крупные уральские заводы, в том числе и Лысьвенский, разрастались и, следовательно, увеличивали выпуск продукции. Расширение заводов сопровождалось значительными финансовыми реорганизациями, в результате которых укреплялись связи между банкирами и промышленниками. Под давлением банков, в первую очередь Азовско-Донского, в 1907 году возник уральский синдикат «Кровля». По договору «Кровля» получила исключительное право на сбыт всего кровельного железа, производимого на заводах контрагентов. В одном из писем правления синдиката «Кровля» правлению Общества Лысьвенского горного округа говорилось: «...согласно... порядку получаемые отдельными заводами заказы на кровельное железо высылаются общ-ву «Кровля» и общ-во «Кровля», по утверждению этих заказов главным уполномоченным, выдает на отпуск по ним железа разрешительные наряды». 185) Доля «Общества Лысьвенских горных заводов наследников графа Шувалова» в процентах к общему числу продаваемой синдикатом кровли выглядела следующим образом: 1907г. – 10,6%, 1909 г. – 9,8%, 1910 г. – 12,7%. 186) Стабильно высокие цены на кровельное железо сохранялось на протяжении 1907 – 1908 годов. Это крайне благоприятно отразилось на финансовом благополучии Лысьвенского завода, который продолжал специализироваться исключительно на выпуске этой продукции.

В 1909 году на внутрироссийском рынке начали расти цены на сортовое железо. Уральские предприятия, выпускающие одновременно сортовое и кровельное железо, за счет повышения цен на первый вид снизило продажные цены на второй вид, по этой причине такие заводы, как Лысьвенский, стали терпеть убытки. В этой связи

Лысьвенские, Камские и Белорецкие заводы не стали перезаключать с синдикатом договор, срок которого истек в 1911 году. Управленцы Лысьвенских заводов не стали возобновлять договор с «Кровлей» даже в 1912 – 1913 годах, когда спрос на кровельное железо в России резко пошел вверх, несмотря на побудительные действия к возвращению в синдикат со стороны Азовско – Донского банка. Однако с началом Первой мировой войны договор о сотрудничестве с «Кровлей» был возобновлен. На этом настоял Азовско – Донской банк, в надежных связях с которым Лысьвенское акционерное общество было крайне заинтересовано, поскольку, постоянно расширяя военное производство, ему нужны были значительные оборотные средства. Для самого банка Акционерное общество «Лысьвенский горный округ наследников графа П.П.Шувалова» было в списке «несомненно близких» под № 1. 187)

Действия администрации, направленные на укрепление позиций лысьвенских заводов на рынках металлургической продукции, сопровождались напряженной внутренней работой. Приходилось срочно решать проблемы как объективного, так и субъективного характера.

18.Отзвуки революции 1905-1907 годов в Лысьвенском горном округе

Активные поиски заводладельцами пути экономического развития округа и значительные успехи в этом направлении отнюдь не сопровождались улучшением социального положения низших работников: рабочих заводов, рудокопов, возчиков, заготовителей леса и угля и т.д. Под предлогом внедрения новой техники и якобы облегчения труда, снижались размеры заработной платы, а выдача самой заработной платы задерживалась, например, на лысьвенском заводе по 6 – 7 месяцев, свирепствовали штрафы, сохранялись «гулевые дни», когда рабочие не работали от 7 до 12 дней в месяц, никак не решался вопрос о земле. По этому поводу исследователь Ф.Е.Мельников отмечал: «...земельный вопрос» у рабочих таких заводов, как Мотовилиха, Лысьва, Чусовая и др. вызывал только злобу и раздражение». 188)

Недовольство существующим положением вещей исподволь зрело в рабочей среде. Так в январе 1903 года в Кусье-Александровском заводе появились листовки со следующим содержанием: «Рабочий народ! У нас в России почти на всех заводах работают только 8 часов, а ты же изнываешь в адской работе больше полусуток и все же зарабатываешь меньше, чем на другом заводе. Вставай. Поднимайся, рабочий народ, на защиту твоих кровью приобретенных прав и твоей свободы, потому что твои притеснители хотят снова закабалить тебя в прежнюю крестьянскую зависимость (имеется в виду крепостное право – Н.П.)...Долой начальников, если они не уменьшат рабочее время и не увеличат платы рабочим». 189) Однако это обращение части радикально настроенных кусье-александровских рабочих никаких последствий не имело.

Спустя два года, 19 февраля 1905 года, забастовал механический цех лысьвенского завода. 20 февраля забастовку поддержало большинство рабочих предприятия. Окружной инженер Тшасковский в телеграмме главному начальнику Уральских горных заводов докладывал, что рабочие «Требуют увеличения рабочих плат...предъявляют целую серию разных требований политического, экономического и административного характера, большинство невыполнимых. Положение очень серьезное» 190) Спустя 6 дней свою телеграмму о событиях в Лысьве отправил в администрацию губернатора уездный исправник - подполковник В.Н.Соколовский. Он приводил свое видение причин забастовки. В частности, Соколовский ссылался на то, что заработная плата лысьвенских рабочих выше, чем в Алапаевском, Чермозском, Чусовском и Нытвенском заводах, а потому в основе забастовки лежат отнюдь не экономические требования. 191)

По всей вероятности, уездный исправник видел в лысьвенских событиях некую угрозу для своей карьеры, поскольку пытался найти в забастовке политическую подоплеку. О том, что это не так, свидетельствуют требования забастовщиков. Всего у

них было 13 требований. Среди них: 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы на 20%, отмена штрафов, увольнение рабочих только с ведома и согласия других рабочих цеха, отмена и регулировка сверхурочных работ, отмена удержания процента с заработка в пользу церкви, оказание материальной помощи заболевшим рабочим от 0,5 до 2/3 заработка и т.д.

Участник забастовки Н.Г.Мухин вспоминал: «На другой день утром возле дома управителя стали собираться рабочие. Собралось тысячи полторы. Наши депутаты, около двадцати пяти человек, вели переговоры с управителем. Временами кто-нибудь из них выходил из конторы и сообщал о ходе этих переговоров. Каждую уступку управителя мы встречали с восторгом. «Держитесь, ребята! Стойте на своем,» - кричали из толпы». 192)

В окончательном виде требования были сформулированы 4 марта.¹⁹³⁾ Сразу же помощник управляющего Лысьвенским горным округом управляющий заводом А.Онуфрович согласился удовлетворить 6 требований: установление 8-часового рабочего дня в цехах, где продолжительность смены превышала это время, незначительно увеличилась заработная плата, в большей степени это коснулось жестекатального цеха, по обоюдному согласию установлены постоянные расценки задельных плат, выработаны новые правила на сверхурочные работы, повышена поденная плата в 30 коп. для подростков за 6-часовой рабочий день, установлен процентный сбор с рабочих, проживающих в Лысьвенском обществе, с их согласия. Об этих уступках рабочим докладывал 11 марта главному начальнику Уральских горных заводов окружной инженер Тшасковский. Он, в частности, писал, что «На этих условиях рабочие согласились прекратить забастовку, и 6 - го сего марта месяца было приступлено к предварительному ремонту... Вслед за этим рабочие приступили к работам по производству, и в настоящее время Лысьвенский завод в полном ходу». 194) Но, добившись некоторых уступок от заводской администрации, уполномоченные от рабочих выдвинули 10 дополнительных требований в адрес вице-губернатора. Среди них были следующие: обязательное празднование дней 9 января, 19 февраля и 1 мая; отвод рабочим усадебной земли, даровое лечение и медицинская помощь, постройка за счет заводоуправления Народного дома для рабочих и основание рабочей библиотеки и т.д. В своем ответе вице-губернатор заявил представителям рабочих, что их требования будут рассмотрены и ответ будет дан по рассмотрению. 195) Официальный ответ вице-губернатора лысьвенским рабочим найти не удалось.

Активные организаторы забастовки Е.В.Кириллов, П.В.Горбунов, А.Я.Кисленков и Ф.В.Мощеников были арестованы и отправлены в Николаевское исправительное отделение Верхотурского уезда, где отбыли трехмесячное тюремное заключение.

Казалось, не успели успокоиться рабочие Лысьвенского завода, как 13 мая забастовали рабочие Кусье-Александровского завода. Эта забастовка проходила не так масштабно, как в Лысьве, и требования кусьинских рабочих были скромнее, но все же в своей основе они равнялись на те, что выдвигались лысьвенскими рабочими: «а) Плату за конные работы увеличить при перевозке чугуна на станцию Пашию вместо зарабатываемых ранее 50 (до) 60 коп. в день, увеличить соразмерно платы в Лысьвенском заводе до 1 руб. 20 коп. на поденщину, такую же плату установить на все могущие быть при заводе поторжные (т.е. сдаваемые с торгов – Н.П.) и вспомогательные работы и б) за работы, производимые как пешими, так и конными в воскресные и праздничные дни, платить, как установлено в Лысьве, полуторную плату». 196) В этот же день на территории Кусье-Александровского завода и улицах поселка было вывешено объявление с текстом телеграммы и.о. губернатора Наумова в адрес земского начальника 5-го участка Пермского уезда: «Кусье-Александровским рабочим объявите: им уступок не будет; завод закроют; пусть питаются, чем хотят». 197) 15 мая А.Онуфрович заявил, что если кусье - александровские рабочие не приступят к работе на существующих условиях найма и в случае, если будет заморожена домна, то завод закроется на неопределенное время. 198) Рабочим ничего не оставалось, как приступить к работе. Дело не в том, что они были менее решительны в своих

действиях. Они понимали, что мизерные уступки лысьвенским рабочим связаны с огромными убытками, которые понесли хозяева в результате остановки Лысьвенского завода и прекращения производства кровельного железа. В то же время администрация округа могла реально закрыть чугуноплавильный Кусье-Александровский завод, поскольку чугуном Бисерский и Теплогорский заводы обеспечивали лысьвенский мартен в достаточном количестве.

Достаточно неожиданной для администрации округа была забастовка возчиков Косьинских платиновых приисков, начавшаяся 20 ноября 1905 года. Через несколько дней забастовка перекинулась на соседние прииски французской компании и углежогные заведения Бисерского лесничества. 199) Забастовка полностью прервала транспортное сообщение между приисками и железнодорожной станцией «Теплая Гора». 172 рабочих требовали ввести 8-часовой рабочий день, увеличить плату от 9 до 15 руб. за перевозку горной породы, платить по 3 руб.80 коп. за куб. сажень заготовленного торфа, платить полуторную плату за работу в праздничные и воскресные дни, выдвинули ряд условий, направленных на социальную защиту работников и членов их семей.

Управляющий приисками Л.А.Перрэ выдвинул свой вариант мирового соглашения. В частности, за перевозку руды он предложил платить от 7 до 12 руб., за заготовку куб. сажени торфа 3 руб., что рабочими не было принято. Не согласился управляющий и с перечнем вопросов, направленных на социальную поддержку и защиту рабочих. В то же время он дал добро на увеличение платы поденным работникам, плотникам, дорожным мастерам и выплату заработка в полуторном размере за работу в воскресные и праздничные дни. 200) Видимо, на этом стороны и пришли к общему согласию, поскольку дополнительной информации об этой забастовке обнаружить не удалось.

На приисках трудились в основном пришлые работники. Труд их был тяжел и опасен, и не компенсировался размерами заработной платы. Эти люди могли подняться на забастовку в любой момент. Администрация округа понимала это и поэтому сделала упреждающий шаг. 1 февраля 1906 года на Косьинские прииски из Лысьвы приехал представитель хозяев А.П.Матвеев. Он объявил, что по существующим расценкам добыча платины нерентабельна и имеется вероятность закрытия приисков. При этом Матвеев сообщил о новых расценках на разные работы и предупредил, что все, кто с ними не согласен, могут сообщить об этом управляющему в течение недели, а через месяц освободить занимаемое приисковое жилье. Ответом рабочих было молчаливое согласие, и 3 февраля они приступили к работе по новым расценкам. 201)

Результаты забастовки косьинских возчиков вдохновили на протестные действия возчиков-рудовозов Бисерского завода. В один день 1 декабря прекратился подвоз руды с Вороновского, Ивановского, Васильевского, Лыковского, Кырминского, Покровского, Андреевского, Перовского, Тарсидского, Березовского и Михайловского рудников. Одновременно забастовку объявили возчики, отвозившие на станцию Бисер чугун и подвозившие на Бисерский завод флюсы. 202) Администрация, уже имевшая опыт нейтрализовать подобные социальные вспышки, единовременно прибавила за перевозки грузов в зимнее время 200 руб., и на этом забастовка закончилась. 203)

Забастовка бисерских рудовозов, продолжавшаяся до 7 декабря, была последней значительной протестной акцией рабочих Лысьвенского горного округа. С помощью «кнута и пряника» власть успокоила рабочие волнения. В одних случаях администрация пошла на незначительные уступки, в других - грозила закрытием заводов и приисков. При первой же возможности из рабочей массы изымались вожаки, а без них забастовки быстро заканчивались. В соответствии с высочайшим указом от 29 ноября 1905 года Пермский губернатор перевел практически все заводы и крупные населенные пункты на положение чрезвычайной охраны. В Пермском уезде под действия положения попал «Лысьвенский с прилегающими к его округу заводами: Кусье-Александровским, Бисерским, Теплогорским (Гаре-Вознесенским железным рудником и золотоплатиновыми промыслами...)». 204) Для

«умиротворения» рабочих на заводы и прииски из Перми прибыли казаки и солдаты охранных рот.

Открытые рабочие волнения, сотрясавшие округ в течение 1905 года, не решили насущных вопросов ни по заработной плате, ни по земле, ни по социальной защите работников и членов их семей. Не надеясь на какие – либо изменения, рабочие Куртымских рудников Кусье-Александровского завода массово покидали рабочие места и уходили на заработки на строительство железной дороги сообщением Пермь-Кунгур-Екатеринбург. Горнорабочие Бисерских рудников требовали повышения заработной платы и становились старателями, промышлявшими руду на свой страх и риск, или занимались промывкой руды на старых отвалах. В результате помощник управляющего округа А.Онуфрович был вынужден заявить: «Стало очевидно, что существование Бисерского чугуноплавильного дела на своих рудах невозможно». 205)

Перед чугуноплавильными заводами округа вставала угроза сырьевого голода, поскольку не только сокращалась добыча руды, но и истощались ее разведанные запасы. Гаревознесенские рудники Теплогорского завода добыли всего 126740 пудов руды, что было меньше половины запланированных объемов. На треть сократился подвоз тагильской руды. В результате увеличилась себестоимость руды:

Рудники	Фактическая стоимость руды	Сметная стоимость руды
Кусьинские	1 руб.81 коп.	1 руб.67 коп.
Бисерские	1 руб.59 коп.	1 руб.45 коп.
Теплогорские	1 руб.47 коп.	1 руб.30 коп.

Как следствие, увеличилась стоимость выпускаемого чугуна.

Заводы	Фактическая стоимость чугуна	Сметная стоимость чугуна
Кусье-Александровский	51 руб.07 коп.	48 руб.18 коп.
Бисерский	54 руб.61 коп.	47 руб.97 коп.
Теплогорский	57 руб.05 коп.	55 руб.17 коп.

В результате малоснежной зимы 1906\1907 года и сухого лета, обмелели реки. По многим из них стал невозможен сплав леса. Из-за отсутствия необходимого количества возчиков не было возможности использовать гужевой транспорт для вывозки запланированных объемов леса для заводов. Например, на Лысьвенский завод предполагалось завести 20592, а завезли 17 515 куб. саж. дров. По этим же причинам остро не хватало древесного угля.

И все же в 1906\1907 заводском году Лысьвенский горный округ сработал с прибылью, главным образом за счет повышения синдикатом «Кровля» цены на кровельное железо и сверхплановой добычи платины. Интересно, что новый вид продукции - оцинкованное железо - прибыли не дал, поскольку лысьвенцы не знали истинных потребностей рынка в нем.

События первой русской революции не отразились на поступательном развитии округа. Удалось добиться снижения себестоимости и, как следствие, увеличения выпуска чугуна на чугуноплавильных заводах. Анализируя состояние металлургической промышленности Урала, А.Н.Митинкин отмечал, что «Домны Лысьвенского округа, идущие на той же Благодатской руде, дают гораздо лучшие результаты, чем заново в конце девяностых годов переоборудованные Гороблагодатские казенные, вызывающие своим оборудованием сравнительно с их производительностью, только изумление перед непроизводительной затратой денег» 206) Три доменные печи Кусье – Александровского, Бисерского и Теплогорского заводов выплавляли 8% от всего выпускаемого уральскими заводами чугуна. На Лысьвенском заводе были запущены 4 мартеновские печи с общей производительностью 4200 тыс. пудов стали в год. Об этих печах современники говорили: «Мартеновские печи, например, Лысьвы, Алапаевска, домны Богословские европейски

современны».207)) По чертежам лысьвенских мартеновских печей строились аналогичные печи на Кушвинском заводе. За короткий срок были расширены крупносортовый и листопрокатный цехи, вновь созданы жестекатальный, лудильный и цинковальный цехи, построена новая электростанция. В цехах завода были установлены новейшие станки и оборудование ведущих мировых фирм, таких как «Сименс», «Крупп», «Тейлор», «Вин», «Места». Только за один 1910 год Лысьвенский завод произвел 2 1/2 миллиона пудов товарной продукции. Значительная часть прибыли шла на расширение производства и капитальный ремонт. Только за 1909-1910 заводской год на эти цели было отпущено 191022 руб. 35 коп. Большая часть средств пошла на установку третьего оцинковального горшка и строительство помещения для него на Лысьвенском заводе, капитальный ремонт Кусье-Александровской доменной печи, устройство второго элеватора для выгрузки дров на Бисерском заводе, строительство жилых домов для рабочих и служащих в Лысьве, общественных бань в Теплой Горе и на рудниках, установку электрического освещения на Усть-Косьвинском прииске и т.п. Большим событием в хозяйственной жизни округа стало строительство в 1908 году фабрики металлических изделий в Лысьве, ориентированной на выпуск широкого ассортимента изделий гражданского и военного назначения из отходов прокатного производства.

Оценивая состояние и деятельность Лысьвенского завода за первое десятилетие XX века, современники отмечали, что даже в условиях кризиса завод, будучи «превосходно оборудован», показывал неплохие результаты. О том, что первое десятилетие XX века Лысьвенский округ закончил с хорошими результатами, свидетельствуют полученные доходы. Так от продажи железа было получено 1649610 руб. 11 коп. прибыли, платины -1267919 руб.36 коп., леса и земли – 1240600 руб.81 коп. Всего – 4184596 руб.10 коп.209)

19.Акционирование Лысьвенского горного округа

В 1909 году уральская промышленность вступила в полосу экономического подъема. Для дальнейшего поступательного развития Лысьвенского округа требовались деньги. При кажущемся финансовом благополучии округа остро не хватало оборотных средств, велики были долги. Авансировать заводы могли только крупные коммерческие банки. Но для этого нужно было по-новому не только организовывать производство, но и дополнительное финансирование, причем в значительных размерах. Снова встал вопрос об акционировании.

Вторая попытка акционировать ЛГО была предпринята в 1910 – 1912 годах. 5 февраля 1910 года был утвержден устав акционерного общества. В соответствии с ним облигации и акции предполагалось разместить главным образом во Франции, по всей вероятности через посредство Петербургского Международного банка, который с 1880-х годов успешно сотрудничал с банкирами этой страны, когда «...правительство приступило к размещению на французском денежном рынке русских государственных займов».210) Однако в начале 1911 года Франция вступила в острый политический конфликт с Германией, чуть было не переросший в войну из – за обладания Марокко. В конце 1911 года появилась новая надежда разместить облигации и акции в Англии и Франции, но и она не оправдалась.

Несмотря на значительные прибыли, получаемые наследниками П.П.Шувалова, денег на содержание и развитие округа хронически не хватало. При этом округ считался высокодоходным производственным объединением Урала. У коллективных владельцев не хватало ни знаний, ни опыта, ни воли, чтобы продолжить дело, начатое П.П.Шуваловым. Полученные после раздела паи они переуступали и перепродавали друг другу, брали огромные кредиты в банках. В 1912 году владельцы осуществили новый заем под залог Лысьвенских заводов в Ярославско – Костромском банке в размере 7333 тыс. руб. И все же денег на кредитование и капиталовложения в заводы не хватало. Общий долг к 1913 году составил 11 миллионов рублей. К этому времени среди членов семейно – паевого товарищества значились полковник И.Д.Орлов (620 паев), графиня С.П.Бенкендорф (300), графиня Е.П.Бобринская (300), княгиня О.П.Долгорукая (132),

В.Е.Евдокимов (96), Е.К.Орлова (60), графиня В.Д.Воронцова-Дашкова (40). Всего товарищество располагало 1548 паями.

После осуществления займа в Ярославско-Костромском банке необходимость в образовании облигационного капитала отпала. Однако вопрос об акционировании округа остался. 10 апреля 1913 года было принято окончательное решение о создании акционерного общества. 23 августа была разработана новая редакция устава, в который, учитывая опыт неудачного второго акционирования, были внесены изменения. Из него, например, были исключены статьи об образовании облигационного капитала, о невозможности занимать руководящие должности в правлении евреям и иностранцам, определена сумма акционерного капитала, количество акций и т.д. Помимо Ярославско – Костромского банка активное участие в делах Лысьвенского горного округа принимал Азовско – Донской банк, превратившийся к началу второго десятилетия XX века в крупное финансовое учреждение.²¹¹) 30 апреля между поверенным владельцев Лысьвенского горного округа А.М.Вольфом и правлениями Азовско – Донского и Ярославско – Костромского банков был заключен договор о продаже Лысьвенского горного округа наследников графа П.П.Шувалова. 15 октября состоялось учредительное собрание, а 28 октября была совершена купчая крепость. На этом, по сути дела, была поставлена точка в истории владения Шуваловыми Лысьвенскими заводами.

В состав нового акционерного Общества входили Лысьвенский железоделательный, Бисерский, Кусье – Александровский и Теплогорский чугуноделательные и чугуноплавильные заводы вместе с относящимися к ним рудниками, Крестовоздвиженские золото - платиновые прииски, разработки строительных материалов и белых глин. К Обществу перешли все права и обязанности по письменным условиям и договорам с разными торгово – промышленными фирмами, в том числе с платинопромышленной компанией в Париже.

Первоначальный основной капитал Общества составлял 16 млн. рублей. Руководство делами Общества осуществляло Правление, в состав которого входило от 3-х до 8-ми директоров и 2-х кандидатов к ним. При правлении существовала канцелярия, технический, геологический, коммерческий и торговый отделы и агентства. Руководство деятельностью всех производственных предприятий Общества и новым строительством осуществлялось Управлениями округа, приисков и Ляминского района, находящимися в Лысьвенском округе. Органами управления и делопроизводства заводов являлись местные конторы.

В результате акционирования старые хозяева были фактически отстранены от участия в управлении округом и, в конце концов, от владения им. В соответствии с уставом номинальная цена одной акции составляла 100 рублей, а сумма акционерного капитала 16 млн. рублей. По расчетам Ю.А.Буранова, из этой суммы владельцы получили 4 млн. рублей деньгами и пакет акций на 1 млн. руб. Более 7 млн. рублей ушло в счет погашения долга по залогу Ярославско – Костромскому банку. При этом реальная стоимость округа была занижена в несколько раз. Буранов приводит данные о том, что стоимость одних только лесов составляла 23 млн. рублей, а коммерческие банки заработали 4,8 млн. рублей учредительской прибыли. Из 160 тыс. акций нового акционерного общества основная часть активов осела в Азовско – Донском банке, 20% - в Русско – Английском банке, часть акций получили парижские, лондонские и берлинские банкиры. 21850 акций приобрели российские финансисты и биржевики - Б.А.Каменка, С.Г.Полак, П.Г.Солодовников, Д.С.Полянов, Я.И.Утин, Э.С.Мандель и другие.²¹²)

Начав акционирование Лысьвенского округа, Азовско-Донской банк стал самым крупным держателем акций и основным кредитором нового акционерного общества. К 1916 году он имел 12 тыс. акций. «Это обстоятельство весьма важно отметить, - писал М.П.Вяткин. – Оно вскрывает характерную черту деятельности Азовско – Донского банка на Урале: преследовалась цель не только подчинения банку акционерных обществ путем прямой скупки их акций, но и подчинения других предприятий путем превращения их в

дочерние общества головных предприятий, в данном случае Лысьвенского общества» 213) Вторым по количеству имеющихся акций был Русско – Английский банк. В соответствии со сложившейся в те времена практикой, А.А.Бобринский, видный государственный деятель, до того, как стал председателем Совета Русско – Английского банка, был председателем Акционерного общества «Лысьвенский горный округ наследников графа П.П.Шувалова». В активе этого банка было 3400 акций. Из банковских учреждений еще Московский купеческий банк имел 1440 акций. В то же время прежние владельцы округа в совокупности имели всего 4 тыс. акций. 214)

Шла Первая мировая война. Для развития производства, и прежде всего военного, требовались средства. С этой целью общее собрание акционеров 26 апреля 1916 года приняло решение увеличить основной капитал до 24 млн. рублей (Разрешение Совета министров о выпуске акций на 8 млн. руб. было дано 17 сентября 1916 г.)²¹⁵⁾ Учитывая высокую доходность округа и высокие дивиденды, 80 тыс. дополнительных акций были быстро раскуплены старыми и новыми акционерами. Полученные средства были пущены на развитие производства, в частности, на расширение и достройку Лысьвенской фабрики металлических изделий. В планах продолжающейся модернизации Лысьвенского металлургического завода имелось строительство 5-й мартеновской печи в 1917 году, ввод которой в действие позволил бы резко увеличить выпуск продукции мирного и военного предназначения, а значит доходность всего округа. Учитывая это, правление общества предполагало затратить в 1916-1917 году на эти и другие цели 12781 тыс. рублей.²¹⁶⁾

Определенные денежные средства тратились в этот период на проведение изыскательских работ для окончательного выяснения вопроса о наличии минерального топлива как непосредственно на территории округа, так и в близлежащих территориях. К этим действиям хозяев подталкивал закон 1893 года, дающий право в течение 15 лет, т.е. до 1908 года, производить разведку и разработку (полезных ископаемых – Н.П.) повсюду...²¹⁷⁾ В случае, если обнаруженное месторождение осваивать было нецелесообразно, можно было продолжить поиски в другом месте. О том, что залежи угля имеются, знали еще в ХУШ веке. В 1860-1870-е годы разведку на уголь провел В. Меллер, который оптимистично заявил, что земли графа Шувалова и князя Голицина, лежащие между рекой Чусовой и Яйвой «согласно произведенным по сие время на Урале исследованиям, наиболее изобилуют каменным углем».²¹⁸⁾

В конце XIX – начале XX века были проведены новые исследования на угленосность западного и восточного склонов Среднего Урала. Выводы горных инженеров оказались неутешительными: «Месторождения каменного угля: в Архангело-Пашийской даче (Сысоевское и Суходольское), Вашкурское на Чусовой и Ломовское (в Кыновском заводе), по произведенным разведкам, оказались незначительными, не могущими иметь практического значения».²¹⁹⁾ Однако пробная шахта на реке Вашкор, по всей видимости, была построена. В советское время в предвоенные годы из нее добывали каменный уголь для Лысьвенского металлургического завода. Небольшое количество угля давали Усьвенские шахты.

По-прежнему значительная прибыль поступала от традиционной добычи золота и платины. Продажа драгоценных металлов давала около 10% валового дохода округа. На основании официальных статистических данных видно, что добыча одной только платины достигла весьма значительных объемов: «..наибольшая же ее (платины – Н.П.) масса добыта в россыпях собственно платиноносных на Северном Урале, а главным образом на землях казенного Гороблагодатского округа (до 70 отводов частных лиц), смежного с ним частного округа Тагильских заводов и в даче гр. Шувалова. По количеству добычи платины первое место принадлежало в 1891 году приискам Гороблагодатского округа (123п.34 ф.18 з.29 дол.), затем следовали некогда богатейшие прииски Нижнетагильских заводов (71 п. 20 ф.84 зол.) и Крестовоздвиженские промысла гр. Шувалова (54 п.17 ф. 9 зол.)²²⁰⁾

В последнее десятилетие XIX века и первое десятилетие XX века показатели добычи золота и платины шли скачкообразными темпами и в значительной степени зависели от наличия драгоценных металлов в конкретном месте разработки месторождения. В период с 1900 до 1910 год неудачными были 1902, 1904 и 1908 годы, однако в целом за десятилетие доходы от добычи платины уступали только доходам от продажи железа и равнялась 30% валового дохода округа. 221) П.П.Шувалов, а позднее его наследники продавали платину по цене 11000 рублей за 1 пуд.

Динамичное развитие округа позволило общему собранию акционеров 24 апреля 1917 года принять решение об увеличении основного капитала до 40 млн. рублей 222) В октябре 1917 г. поступило официальное опубликование о новом выпуске акций на 16 млн. руб. 223) (Исследователи отмечали, что Азовско – Донской банк сдерживал движение акций и скопил в своих портфелях 73250 акций. При этом особый интерес к ценным бумагам Шуваловских заводов проявлял Сибирский торговый банк, который к моменту национализации имел в своих активах 15702 акции. 224)

20. Лысьвенский горный округ в 1914 – 1916 годах

Успешная техническая реконструкция однозначно превратила Лысьвенский завод в головное предприятие округа. Расширялось не только производство, но и из года в год увеличивалось количество рабочих - выходцев из разных волостей Пермской, Вятской, Казанской, Симбирской, Нижегородской губерний. Постепенно количество пришлых превысило местных работников. По данным Г.П.Рычковой, если в 1898 году на Лысьвенском заводе работало 28% пришлых работников, а в 1902 году – 36,6%, то в 1908 году уже около 60%. 225) Накануне Первой мировой войны на Лысьвенских заводах работало всего 14% местных рабочих от общего состава рабочего населения. 226) В количественном выражении в 1895 г. на ЛМЗ работало 750 человек, в 1907 г. – 3300. В начале 1900-х г. население округа составляло 8 тыс. человек, а к 1913 г. – 27 тыс. 227)

«Пришлые» выполняли самую тяжелую неквалифицированную работу и получали за нее низкую заработную плату в отличие от большинства местных работников. Сложное материальное положение, в котором пребывали рабочие и члены их семей, побудило власть послать на Урал специальную комиссию с целью изучить проблему на месте. Один из членов комиссии инженер А.Н.Митинский писал в своем отчете: «Могу привести точное исчисление, сколько выдано рабочим плат на пуд кровельного железа одним из лучших уральских заводов, идущем частью на покупном чугуне. Полная стоимость железа составляла ему, кроме торговых расходов, 1 р.65к. – 1 р.70 к. На пуд кровельного железа рабочие получали: лесные – 14 коп., возчики – 15, 5 коп., горнозаводские – 54, 1.2 коп. Всего 84 коп...служащие на месте – 11,4 коп., земских сборов – 2 коп., гос. налоги – 2 1.2 коп., пенсии и пособия рабочим -2 коп., больницы, школы, полиция – 2 коп. 228) К сказанному автор добавил, что получаемых денег недостаточно и рабочим необходим подсобный заработок.

Практически не изменилась ситуация с размерами заработной платы в связи с началом войны. Ученые подтвердили этот факт: «...данные о размерах и порядке начисления заработной платы на Лысьвенском металлургическом заводе показали, что при формально возросших там к 1916 году расценках на 40%, рабочий мог заработать по этим повышенным расценкам всего на 15-20% больше, чем до войны» 229)

Крайне тяжелым было положение с жильем. Основная масса вновь прибывших рабочих вместе с семьями ютилась в переселенных бараках, меньшая часть умудрялась строить маленькие домишки в восточной и северо-восточной части Лысьвенского поселка. Именно среди этого населения постоянно присутствовали протестные настроения, вызванные низкой заработной платой, удержаниями некой суммы на общественные нужды, например, на строительство новой церкви, обоснованными штрафами за некачественно выполненную работу, производственными травмами и т.п.

Пришлых рабочих, не имеющих в Лысьве «ни кола – ни двора», легко можно было настроить на противоправные действия против представителей администрации и власти, приобщить к деятельности нелегальных партий; в их среде успешно распространялась нелегальная литература и газеты. Эта категория работников наиболее активно посещала различные «маевки», принимала участие в февральской стачке 1905 года. У лысьвенцев, разделявших протестные настроения, появлялись свои лидеры. Это были люди, высланные из центральных губерний России и имевшие более широкий мировоззренческий кругозор, нежели коренные лысьвенцы. Они имели опыт работы в политических партиях, главным образом, эсеров и социал-демократов и связи с легальными и нелегальными комитетами, изданиями, вплоть до большевистской фракции 1У Государственной думы. По их приглашению в Лысьву, Бисер, Кусью, Теплую Горю приезжали профессиональные подпольщики, ставшие со временем видными государственными деятелями. Таким образом, Лысьва достаточно быстро превратилась в центр политической и экономической борьбы рабочих округа за достойную заработную плату, уважительное отношение к работникам со стороны начальства, нормальные условия жизни. По мере возможности участие в этой борьбе принимали рабочие Кусьи, Бисера, Теплой Горы, Крестовоздвиженских промыслов.

Первый опыт по консолидации сил в борьбе за свои права лысьвенские рабочие получили после выхода закона о страховании от 23 июня 1912 года. В соответствии с ним в случае болезни рабочие приобретали право на получение денежного пособия, которое выплачивалось по страховому принципу за счет взносов, равнявшихся 1-3% от суммы зарплаты, самих застрахованных. Для этого создавались самоуправляемые общественные организации под названием больничные кассы. Кассы не страховали от несчастных случаев, не занимались пенсионным страхованием.

Весной 1913 года в Лысьве началась работа по организации больничной кассы. Подобно многим промышленным центрам страны, активное участие в ее создании принимали местные социал-демократы. Не отставали от них и эсеры. По этой причине нужное для рабочих дело предельно политизировалось, использовалось для активного противостояния власти и заводской администрации. 1 марта 1914 года больничная касса начала свою работу. Её возглавил социал-демократ Н.И.Уфимцев

Больничная касса стала своеобразным ориентиром для бунтарства, неподчинения закону, вызовом власти для большинства рабочих, живущих в условиях неупорядоченного быта, тяжелой повседневной работы, низкой заработной платы.

В одном ряду с событиями по открытию больничной кассы находилась забастовка лысьвенских рабочих, начавшаяся 15 марта 1914 года. Г.П.Рычкова привела следующие требования забастовщиков: «8-часовой рабочий день, повышение размеров поденной платы на 25%, оплата работы в праздничные дни в полуторном размере, полная отмена штрафов, необязательность сверхурочных работ..., улучшение санитарно - гигиенических условий труда на заводе ..., отведение рабочим бесплатного выгона для скота, предоставление льготных условий на пользование сенокосом, оплата за забастовочное время, неувольнение с работы за забастовку» 230)

Больше двух месяцев продолжалось противостояние забастовщиков и заводовладельцев. За это время состоялись многочисленные митинги и собрания, стычки с полицией, проезд в Лысьву роты солдат, поступали угрозы от администрации о локауте, была закрыта больничная касса, арестованы и 30 апреля осуждены на три месяца тюремного заключения члены правления больничной кассы - И.Ф.Гуляев, Е.Ф.Видунов, А.С.Блинов, (Н.И.Уфимцев на суд не явился и его дело было передано в особое производство) и т.д. В ходе двухсторонних переговоров рабочих и администрации руководство завода шло на незначительные уступки в пределах своей компетенции, но против принципиальных требований о существенном повышении зарплаты и сокращении продолжительности рабочего дня выступали акционеры и кредиторы из Азовско-

Донского банка. Рабочие, не получавшие длительное время заработную плату, стали голодать, и 29 мая Лысьвенский завод приступил к работе.

Озлобление и неудовлетворенность безрезультатной забастовкой проявили себя в день начала Первой мировой войны. 19 июля 1914 года в заводах округа началась мобилизация в армию. Для большинства рабочих это означало, что их семьи, обнищавшие от безденежья за месяцы забастовки, обрекаются на голодное существование. Как следствие этого понимания, в Лысьвенском заводе последовал резкий социальный взрыв, выражением которого стали два требования. 1. Мобилизованные требовали, чтобы им выдали вперед двухнедельную заработную плату, как это было сделано для мобилизованных рабочих на русско-японскую войну. 2. В дни мартовской забастовки администрация завода сообщила бастующим, что в связи с акционированием округа бывшие владельцы пожертвовали рабочим 350000 рублей на строительство народного дома и богадельни, а также на оборудование ремесленного училища. Вот эти – то деньги мобилизованные требовали раздать на руки рабочим. Естественно, что администрация округа не была готова к такому повороту событий и ответила отказом. В результате, 20 июля в Лысьвенском заводе вспыхнул вооруженный бунт, закончившийся гибелью и смертью 5 рабочих и одной женщины. Со стороны представителей власти и администрации погибли 10 человек, в том числе был зверски растерзан управляющий округом А.Онуфрович. Суд приговорил 5 участников бунта к смертной казни через повешение, 44 – к каторге, в том числе 9 человек к бессрочной каторге.²³¹

Начало Первой мировой войны внесло существенные коррективы в хозяйственную деятельность ЛГО. Проблемы, связанные с перебоями в работе транспорта, недостатком квалифицированных кадров и сырья, топлива и продовольствия коснулись всех Лысьвенских заводов.

В начальный период войны за счет неконтролируемой мобилизации в армию заводы округа потеряли около 12% рабочих. Им на смену пришли женщины и подростки, военнопленные. Для замены ушедших на фронт рабочих, а также для заполнения работниками новых рабочих мест правление Лысьвенского округа рассылало информацию по горным заводам Урала о готовности принять на работу до 10 тысяч рабочих и служащих.²³²

Среди вновь принятых на предприятия работников были люди, совершенно не подготовленные к заводской работе, немало было больных. Всем им вместе взятым приходилось трудиться в условиях постоянно повышающихся норм выработки, отсутствии элементарных санитарно-гигиенических норм и правил техники безопасности. В Пермском архиве сохранились дела по иску А.Ф.Баженова, И.Г.Ощепкова, П.Е.Алабушева и других рабочих к акционерному обществу «Лысьвенский горный округ» о выдаче пособий за увечье в 1914-1918 годах. Горный инженер Л.А.Лазарев вспоминал: «...материалов не хватало...приходилось переходить на работу на суррогатах, в частности, вместо серной кислоты приходилось применять...кислоту с примесью азотной. Можно себе представить ...картину (травильного отделения – Н.П.), когда рабочие ходили зимой в атмосфере, насыщенной кислотой и парами азота. У меня лично платок (носовой-Н.П.) был розовый от... крови...В лудильном цехе работала молодежь, много девушек...условия были еще хуже, так как с парами масел, парами флюсов весь воздух был насыщен известью-пушонкой настолько густо, что не видно было соседа. Благодаря этому, у рабочих были разъедены рот, губы, нос...»²³³

В связи с нехваткой рабочих рук к работе на заводе привлекали военнопленных. Их в округе насчитывалось более 2 тысяч человек. Немцы и австро-венгры сравнивали возложенный на них труд с адом и полагали, что их загнали в цеха специально, чтобы уморить медленной смертью. Они часто выбегали на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, но специальные надзорные силой возвращали их на рабочие места.

Терпеливо и покорно исполняли свою работу бригады русских женщин. В результате обработки некачественной кислотой на листах железа появлялась пленка,

препятствующая облуживанию. Поэтому перед облудкой каждый лист железа обтирался обыкновенной тряпкой. Это был поистине адский труд.

Часто между рабочими и администрацией цехов вспыхивали конфликты по поводу снижения расценок на сдельные работы. Размеры зарплаты систематически отставали от растущих норм выработки. При этом заведующие цехами и старшие мастера постоянно пересматривали нормы и расценки, но ничего не могли сделать с перебоями в снабжении, поступлением некачественного сырья, увеличением спроса на военную продукцию, большим количеством брака, изношенностью оборудования. Получалось так, что наспех пересмотренные ночью расценки, утром вызывали резкое недовольство рабочих, пришедших на смену. Зачастую гнев рабочих обрушивался на мастеров, которые непосредственно отвечали за выполнение норм выработки. Для мирного разрешения конфликтных ситуаций в цехах создавались так называемые примирительные камеры, в которые входило равное количество представителей администрации и рабочих. В Лысьве существовала центральная окружная примирительная камера, и ее отделения в Бисере, Кусье, Теплой Горе, Лямино, Калино, а также в ряде заводских цехов.

Свои проблемы были у акционеров лысьвенских заводов. Переход на военные рельсы сопровождался напряженной борьбой за право управлять промышленностью в условиях военного времени между правительством, которое в значительной степени отражало интересы крупных землевладельцев, и буржуазией. Одной из самых острых была дискуссия о милитаризации промышленности, в условиях которой государство выступало за принудительное регулирование промышленности, тогда как буржуазия претендовала на роль главного организатора «общественных сил» на оборону Отечества. Наконец, 19 декабря 1915 года, военный министр утвердил компромиссный вариант милитаризации промышленности. В соответствии с ним, рабочие не переводились на военное положение, для работающих на оборону были введены отсрочки от призыва в армию, рабочие могли свободно увольняться с предприятия и переходить на работу в другое место и т.д. Для Лысьвенского завода это было тем более важно, что в памяти руководства были свежие события августа 1914 года. Нет сомнения, что после них лысьвенские управленцы пытались жить с рабочими в условиях «гражданского мира», поскольку всякая забастовка или массовый отказ от работы были чреваты большими убытками. В какой – то степени конфликты удавалось решать с помощью примирительных камер.

По настоянию Metallургического комитета, созданного Особым совещанием по обороне, была резко сокращена продажа металла на гражданские нужды. Лысьвенские заводы были вынуждены значительно сократить производство кровельного железа и отпуск металла на строительные цели вне заводов.

Война диктовала свои условия по выпуску продукции специального назначения. Одним из основных видов военной продукции стало производство артиллерийских снарядов. А.Погребинский отмечал: «Специальные цехи по изготовлению снарядов были заново выстроены или значительно расширены на Брянском, Колменском, Лысьвенском заводах, на крупных металлургических заводах юга, заводах сельскохозяйственных машин и т.д. и т.п. Изготовлением снарядов занялась также вся средняя и мелкая промышленность. Производство этого вида военной продукции оказалось настолько выгодным делом, что даже текстильные и другие фабриканты поспешили организовать снарядные мастерские».

Развертывание снарядного производства было обусловлено целым рядом причин. Сказались стратегические просчеты по снабжению армии, находящейся в условиях непрерывного ведения боев. Норма запасов на одно орудие, состоявшая всего из 1000 снарядов, была израсходована в начале зимы 1914 года. Уже к ноябрю – декабрю армия ощущала острейший недостаток в снарядах. 235) (В условиях огромного дефицита выпуск этого вида продукции сулил огромные прибыли, мимо которых не мог пройти финансовый капитал. Э. Гуревич в статье, посвященной 20-летию со дня начала Первой мировой войны, писал: «Горнопромышленность Урала была объединена в три основные

группы, из которых каждая зависела и финансировалась крупным банком. 5 крупнейших заводов, куда входили такие гиганты Урала, как Верхнеисетский завод, Лысьвенский завод, Богословское горностроительное общество, имевшие большинство акций Комаровского общества и южноуральских копий, были объединены и возглавлялись Азовско-Донским банком» 236)

Помимо снарядов Лысьвенский завод выпускал шанцевый инструмент, солдатские котелки, фляжки, ложки и т.п.

Переход на военное производство потребовал от хозяев завода делать миллионные затраты на строительство новых цехов, приобретение нового оборудования, перестройку силового хозяйства и т.п. По всей вероятности, заводы округа могли развиваться более успешно, если бы не систематические перебои в снабжении углем и железной рудой. Уже с начала 1916 года недопоставки угля и руды стали носить системный характер, в результате чего в марте 1916 года на Лысьвенском заводе были остановлены шанцевый, ковочный и часть прокатных цехов. Из-за того, что для подвоза руды в феврале требовалось 570 вагонов, а было выделено 279 вагонов, под угрозой закрытия оказались домны Кусьи, Бисера и Теплой Горы. 237) 10 сентября по причине нехватки угля и руды была погашена Бисерская домна. 238) Помощник управляющего Лысьвенским горным округом Н.К.Врадий вынужден был обратиться с просьбой к губернатору об оказании содействия в организации подачи вагонов для перевозки руды из тагильских рудников, где скопилось 1,5 миллиона пудов рудного сырья. 239)

По мере того, как шло время, ситуация с дефицитом каменного угля обострялась все более и более. С 10 по 16 февраля 1917 года из – за недостатка каменного угля на Лысьвенском металлургическом заводе прекратили работу следующие цеха: крупносортный, листокатальный, жестекатальный, листобойный, листообрезной, листоотделочный, лудильный, цинковальный, травильный и литейный. Четыре с половиной тысячи рабочих были временно переведены на другие работы. 240) Топливный голод побудил администрацию округа совместно с Азовско - Донским банком приобрести участки для добычи каменного угля в Кузбассе, но, в условиях военного времени и экономического хаоса, приступить к разработкам кузбасского угля не было возможности.

21. Национализация Лысьвенского горного округа

День 9 января 1917 года власти ожидали с напряженным вниманием. Память о «кровавом воскресенье» могла воспламенить рабочую массу, уставшую от войны, тяжелой работы, нищенского существования, неопределенности в завтрашнем дне. Уже 10 января уездный исправник Г.В.Кадомцев докладывал Пермскому губернатору М.А.Лозина-Лозинскому о том, что в уезде и на заводах день прошел спокойно за исключением Лысьвенского механического завода, где 169 человек из инструментального и 20 человек из электрического цехов оставили свои рабочие места и разошлись по домам. При этом управляющий механическим заводом Башкевич не придавал случившемуся значения, посчитав, что уход рабочих не нанес вреда производству. 241) Иного мнения был губернатор. Он хорошо знал о протестных настроениях рабочих горных заводов, поэтому приказал не оставлять без последствий поступок лысьвенских рабочих. В соответствии с его распоряжением «...4 рабочих (подвергнуты – Н.П.) штрафу по 25 руб с заменой арестом по одному месяцу, 127 рабочих штрафу по 5 руб. с заменой арестом по 2 недели, 4 рабочих штрафу по 2 рубля с заменой арестом по одной неделе, и 3 рабочих... взысканию не подвергнуты».242)

Узнав об административном наказании, рабочие инструментального и электрического цехов начали обсуждать возможность проведения общезаводской забастовки, на что губернатор потребовал от начальника губернского жандармского управления подполковника Р.Д.Демидова: «Устно дать указание исправнику, подтвердить письменно,

что я ожидаю действий обдуманных и осмотрительных, но твердых и решительных, без всяких отступлений и колебаний». 243)

Недовольство горнозаводского населения своим тяжелым экономическим положением, властью, ничего не делающей, чтобы облегчить участь человека труда, получило мощную подпитку сведениями о свержении самодержавия. Оно материализовалось в создании совета рабочих депутатов, активную роль в котором играли представители большевистской, меньшевистской, эсеровской и других политических партий. Это был поистине демократический орган местной власти, которая «стояла за народ». Первое заседание Лысьвенского совета состоялось 4 марта 1917 года. Уже в первые дни существования совет направил своих представителей в заводы округа для координации действий. Так местные советы были созданы в Бисере, Кусье, Теплой Горе, Калино и других близлежащих заводах и промыслах. В апреле 1917 года Лысьвенский совет провел конференцию заводских советов округа, на которой обсуждались вопросы об участии во Всероссийском совещании советов, отношении к Временному правительству, к войне и т.п. Под руководством советов была разоружена полиция и созданы комитеты общественной безопасности, возрождена больничная касса, решались вопросы снабжения продовольствием рабочих, повышения заработной платы, переход на 8-часовой рабочий день, разрешались конфликтные ситуации между рабочими и заводскими администрациями, которые были вынуждены считаться с их мнением, и, наконец, создан коалиционный общественный совет местного самоуправления. Сначала в Лысьве, а затем в Бисере были созданы первые небольшие красногвардейские отряды. 244) Однако безудержная тяга большевиков к политической гегемонии внесла раскол в деятельность советов.

Проблема, связанная с низкой заработной платой, была далеко не единственной. В мае из – за отсутствия угля снова оставновились прокатные, обжига жести, снарядной заготовки, ковочный и ряд других цехов металлургического завода. Не менее острыми были вопросы жилья, социального страхования, здравоохранения, снабжения заводских поселков и рудников продовольствием, топливом, товарами широкого потребления, создания сносных условий труда во «вредных» цехах, работа в которых катастрофически разрушала здоровье рабочих. В начале марта 1917 года в Лысьве был создан профсоюз рабочих с отделениями во всех крупных населенных пунктах округа. В противовес ему в мае технический профсоюз создали заводские служащие из числа инженеров и техников. В октябре в этом профсоюзе произошел раскол. Из него выделилась группа специалистов с высшим образованием и крупные инженерно-технические служащие. Служащие низшего звена примкнули к профсоюзу рабочих. В июне профсоюзную организацию создали конторские и счетно-хозяйственные служащие. Между рабочим и техническим профсоюзными комитетами возникло взаимное неприятие, поскольку одни выражали интересы заводских «низов», другие – заводской администрации и стоящих за ней акционеров. 245)

По мере того, как шло расшатывание центральной власти Временного правительства, на местах шло укрепление позиций советов. Они все более настойчиво вторгались в деятельность заводских администраций, что, естественно, вызывало неприятие со стороны руководителей заводов. Поддерживая их, совет Союза объединенной промышленности разъяснял: «Советы рабочих и солдатских депутатов являются организациями чисто классовыми и ни в коем случае не являются органами власти и потому никакие распоряжения или указания их, в интересах авторитетности и единства власти Временного правительства, к исполнению допускаемы быть не могут». 246)

На острие вторжения советов в хозяйственную деятельность предприятий находились общественные комиссии рабочего контроля. Комиссии требовали от руководства заводами полной информации о производстве, источниках финансирования, поступлении сырья, поступлении доходов, состоянии ведения заводского хозяйства и т.д. Подобный подход вызывал резкое несогласие администрации. Однако, несмотря на это, заводские

советы провели в сентябре 1917 года совещание, на котором приняли решение координировать действия комиссий рабочего контроля на территории всего округа. Новая общественная структура действовала от имени и по поручению центрального совета фабрично-заводских комитетов Лысьвенского округа.

Октябрьский переворот в Петрограде в принципе не изменил повседневной жизни населения округа. В новых условиях еще резче обозначилась хозяйственная разруха, до крайности обострился голод. Л.А.Лазарев писал в своих воспоминаниях: «...хлеба было буквально считанные куски. Хлеб был совершенно синий или от спорыньи, или перепревший». Техническим специалистам выдавали наравне с рабочими по осьмушке хлеба в день вместо ранее получаемых 2-х фунтов. Один из мастеров-иностранцев из цеха эмалированной посуды потребовал, чтобы ему выдавали прежнюю норму, в противном случае он грозился уехать из Лысьвы. В ответ в центральном совете фабрично-заводских комитетов ему ответили: «Да, вы можете уехать, если вместо себя подготовите руководителя, который заменит вас в должности мастера. Мы не можем оставить производство без специалиста, т.к. без работы останутся сотни женщин-эмалировщиц. В случае отказа вы будете расстреляны за саботаж».

Не имея четкого плана социально-экономических преобразований в стране, большевистское правительство популяризировало лозунг о выходе России из Первой мировой войны и, в этой связи, о сворачивании военного производства. По этой причине уже в ноябре 1917 года на Лысьвенских заводах начался массовый расчет рабочих. С.Я.Подойницын в связи с этим писал: «В январе 1918 года на Лысьвенских заводах работало 15 тыс. рабочих, в мае 1918 года работало только 4 тысячи»²⁴⁷ Центральный фабрично – заводской совет был заинтересован, чтобы уволенные поскорее уезжали из Лысьвы. Из-за отсутствия денег рассчитанным рабочим выдавали по одной сороковке-керенке семейным и двухрублевой керенке - холостякам. На заработанные ранее суммы денег выписывали свидетельств о денежной задолженности за заводом. Эти бумаги являлись гарантией последующей выдачи неполученной заработной платы.

По такой же схеме освобождались от «лишних» работников в Кусье, Бисере, Теплой Горе.

Полагая, что экономический хаос можно смягчить за счет ужесточения рабочего контроля, 14 ноября 1917 года большевики приняли декрет «О рабочем контроле» за деятельностью владельцев частных предприятий. Будучи общественной инициативой, рабочий контроль стал официальной государственной политикой. Опираясь на этот документ, лысьвенские большевики направили к управляющему округа В.А.Гассельбладту комиссара С.Я.Подойницына. Вслед за ним комиссары были командированы на все заводы округа, в том числе Лысьвы, Бисера, Кусьи и т.д. В ответ горнопромышленники Урала рекомендовали управляющим закрывать заводы, а правления акционерных обществ, находящиеся в Москве и Петрограде, прекратили их финансирование. Так начался мучительный процесс слома старых органов управления и их замена новыми.

Взаимное недоверие комиссаров и «старых» управленцев носило тотальный характер. В своих воспоминаниях Л.А.Лазарев приводит такой пример: «Если одному заводу или цеху нужно было что-нибудь получить с другого завода, то мы обнаруживали на одном документе 11 печатей, 11 штемпелей! Требование, переходя шаг за шагом из одного цеха в другой, направлялось через рабочий контроль... и носило на себе все печати... фабрично-заводского комитета... Маленький документ и 11 печатей!»²⁴⁸)

В своем большинстве комиссары были людьми малообразованными или, попросту, неграмотными. Кое-кто из управленцев воспринимал их появление в своих кабинетах как неизбежное зло, кое-кто яростно сопротивлялся. «Комиссаром у управляющего (механического завода-Н.П.) Лазарсона, человека, бывшего в Европе, крупного специалиста, акционера, мы поставили кузнеца, могущего только подписывать свою фамилию – Евграфа Ивановича Маврина. Этот кузнец... совершенно не доверял

Лазерсону, и можно было наблюдать картину: Лазерсон пишет, а Маврин стоит за ним, через плечо следит за тем, что он пишет. Лазерсон, возмущенный таким неусыпным контролем, поставил вопрос, что он может работать только в тех условиях, если ему будет оказано полное доверие. Он берет на себя обязательство честно работать, отчитываться о работе, но требовал не мешать ему... На это ему отвечали: «Мы этого не допустим. Мы вам доверять производство не можем, будьте добры подчиняться рабочему контролю», - писал Л.А.Лазарев. 249) Все написанное Маврин заставлял Лазерсона читать вслух, а затем ставил свою подпись, да так, что, по словам современников, бумага разлеталась вклячья. Разумеется, от таких взаимоотношений дела лучше не шли.

Крайне болезненно рабочий контроль воспринимало правление акционерного общества. Помимо телеграмм и депеш, требующих от управляющего горным округом не идти на сотрудничество с рабочими - комиссарами, из Петрограда не поступали деньги на оплату труда рабочих, не заключались договоры на получение новых заказов, срывались поставки сырья и топлива, словом, делалось все, чтобы сорвать работу заводов округа. Председатель правления акционерного общества С.А.Гайль прямо заявил, что не признает право комиссии рабочего контроля осуществлять контрольные функции за деятельностью заводов округа и согласен только на предоставление текущей информации о положении дел акционерного общества.. Он аннулировал заказ товарищества «Консервы» на изготовление 3000 ящиков жести на Лысьвенском заводе, а также приказал возратить аванс в размере 22000 руб. в кассу Московского коммерческого отдела.

В ответ на эти действия представители Центрального совета и Петроградского комитета на совместном заседании приняли постановление о временной передаче всех дел конторы Лысьвенского горного округа (она находилась в Петрограде – Н.П.) в ведение Петроградского комитета рабочего контроля. Вместо правления округа была создана коллегия из 7 человек, которая, в свою очередь, учредила из своих членов исполнительное бюро в составе П.Н.Савченко, А.Л.Дриго и М.М.Розена.250)

2 декабря 1917 года ВСНХ призвал рабочие коллективы осуществлять переход от контроля к непосредственному управлению заводами и фабриками. Для лысьвенских большевиков это был сигнал о полном устранении от управления округом «старых» специалистов. Начался первый, стихийный, этап национализации Лысьвенского округа, инициированный Советами рабочих и солдатских депутатов с активной подачи местных большевиков. В результате были национализированы Усьвенские каменноугольные копи, Исовские и Косьинские золото - платиновые прииски, позднее - Лысьвенский металлургический, Лысьвенский механический, Кусье-Александровский, Бисерский и Теплогорский чугуноплавильные заводы, Калининская фабрика «Огнеупор», Ляминская лесопилка.

Стихийная национализация началась в Лысьвенском округе после Пермского губернского съезда Советов, состоявшегося 19 декабря 1917 года. Поначалу «... самонационализировались Косьвинские платиновые прииски Лысьвенского горного округа наследников графов Шувалова по р. Ису и установился на многих других приисках такой контроль, что «национализация» впоследствии стала лишь формальностью». 251)

Почти два месяца в заводах округа проходили рабочие собрания, партийные конференции, заседания профсоюзных комитетов, проводились переговоры с ВСНХ о национализации Лысьвенского округа. В ходе споров и дискуссий противоборствовали два подхода: большевистский – рабочие смогут управлять национализированным хозяйством; эсеровский - рабочие не смогут управлять производством должным образом. 21 февраля конференция цеховых комитетов приняла резолюцию о национализации округа.1 марта 1918 года представители центрального совета заводских комитетов Лысьвенского округа и рабочего контроля направили в ВСНХ ходатайство о национализации округа: «... просим ВСНХ принять решительные шаги...о национализации... округа...». 252) 4 марта 1918 года на основании декрета ВСНХ имущество Лысьвенского горного округа было

конфисковано, а старые органы управления ликвидированы. 11 марта все имущество округа перешло в ведение и под ответственность местного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.¹⁵³

Первый уральский съезд (он состоялся 4-10 января 1918 года в Екатеринбурге–Н.П.), а за ним последующие съезды представителей национализированных предприятий Кыштымского, Богословского, Невьянского, Серьгинско-Уфалейского горных округов решили, что наиболее приемлимой формой управления национализированными заводами будут так называемые деловые советы. По предложению докладчика, лысьвенского инженера А.А.Кузьмина, в новые органы управления заводами входили 2\3 из числа выборных рабочих и 1\3 из числа служащих и ИТР.²⁵⁵)

Руководствуясь этими решениями, в деловой совет Лысьвенского горного округа вошли Блинов Н.В., Карасиков Л.Н., Кишечкин И.С., Лазарев Л.А., Михайловский И.Н, Орлов, Ошвинцев М.К., Подойницын С.Я., Френкель Л.В. Председателем совета был избран инженер Л.А.Лазарев. ²⁵⁶) Помимо окружного были созданы деловые советы при всех заводах, рудниках и приисках. Однако, даже самые яростные сторонники национализации понимали, что без профессиональных знаний «старых» управленцев деловые советы обойтись не смогут. Поэтому в должности управляющего округом был оставлен В.А.Гассельбладт, управляющим металлургическим заводом - П.А.Гуляев, механического завода - Л.А.Лазерсон.

В конце зимы – начале весны 1918 года деловой совет Лысьвенского округа буквально захлебывался от трудноразрешимых проблем. Хронически не хватало денежной массы для расчета с рабочими и служащими. После долгих споров деловой совет округа решил выдать служащим, у которых зарплата составляла 2 и более тысяч рублей, по 500 рублей, а рабочим, даже если зарплата была менее 50 рублей, по 50 рублей каждому. Против этого решения выступили технические специалисты. Они потребовали выдать им зарплату в полном объеме. Это окончательно настроило на конфронтацию с ними как деловой совет, так и центральный фабрично-заводской комитет. Дело в том, что союзу инженерно-технических работников еще в ноябре 1917 года было предложено составить списки специалистов, которые подпадали под сокращение вместе с рабочими в связи с сокращением военного производства. Этого не было сделано. Тогда, по требованию делового совета, к заводским воротам были выставлены вооруженные красногвардейцы с приказом не пускать на территорию заводов ни одного инженера и техника. Спустя несколько дней, часть итээровских работников пошла на сговор с деловым советом, в результате чего некоторые из них были уволены, другим разрешили продолжить работу, но с условием лояльного отношения к новой власти. Однако наиболее несговорчивые руководители, такие, как инженеры Башкевич, Верячих и другие, отстаивая свои права, поехали в Екатеринбург в управление национализированными предприятиями Урала, но и там они не получили поддержки.

Наконец, первая ссуда в размере 1,5 - 2 миллионов рублей была выдана Пермским Народным банком. Из Перми привезли несколько картофельных мешков, набитых крупными денежными знаками достоинством в 250, 500, 1 тысячу рублей. Разменивать эти деньги было попросту нечем. Активный участник революционных событий в Лысьве И.Д.Лызов вспоминал: «...в Лысьве не хватало денежных знаков. По инициативе Лазарева начался выпуск бон различного достоинства, и, наверное, из уважения к инженеру лысьвенцы стали называть эти боны «лазаревками». ²⁵⁷) Сам Л.А.Лазарев в своих воспоминаниях писал: «У нас не было денежных знаков, нас недостаточно еще ими хорошо снабжали, а потребность при выдаче зарплаты была большая. Мы выпустили местные боны достоинством 1, 3, 5, 10, 25 рублей. На какую сумму, я не помню. Как относилось население? Мне говорили, что приняли это; было обеспечено полное хождение..., была опубликована гарантия, что заводоуправление выкупит их. Они имели хождение не только в Лысьве, но и в окружающей местности». ²⁵⁸) «Лазаревки» имели хождение в Лысьвенском округе примерно до конца июля – начала августа 1918 года.

Национализация лысьвенских заводов привела деятельность некогда динамично работающего округа к катастрофе. Среди рабочих свирепствовала безработица, забытая в предвоенные и военные годы. Осутствовала трудовая дисциплина. «Управляющий округом Гассельбладт много раз жаловался мне,- писал С.Я.Подойницын, - что рабочие не хотят работать. «Я часто обращаюсь, – говорил он, - к неработающим рабочим: почему вы сидите и не работаете, ведь теперь власть ваша? А они мне отвечают: «Будет, поработали на вас, буржуев». 259)

Отказываясь от работы, рабочие понимали, что за любой труд они получают гроши. Считалось, что в конце 1917 - первой половине 1918 года только на Лысьвенском заводе было 500-600 безработных высококвалифицированных работников. Вместе с тем, деловому совету приходилось думать о судьбе почти 25 тысяч рабочих в Лысьве, Кусье, Бисере, Теплой Горе, которые лишились или находились под угрозой лишения привычного источника к существованию – работы на заводах. По этой причине часть рабочих переводилась на проведение ремонтных работ, на заготовку дров, угля, другая - на «простойную» плату. Последние распускались по домам и им платили по 4 руб. 60 коп. мужчинам и 2 руб. 80 коп. – женщинам за одну смену. Отказавшиеся от предложенных деловым советом условий найма, получали вперед двухмесячную зарплату, но при этом, если на заводе появлялась работа, им отказывали в трудоустройстве в течение последующего месяца.260)

В течение многих месяцев на заводы округа не поступали заказы, не хватало транспорта и топлива.

Чтобы обеспечить заводы каменным углем, рабочих посылали добывать его на Усьвенские копи. То небольшое количество угля, что привозили с копей Сибири и Урала, было замусорено пустой породой и, в довершение ко всему, шуровщики, привыкшие к древесному углю, не могли с ним работать. «Ужасным» современники называли снабжение заводов дровами. Ни к чему не приводили попытки организовать снабжение округа дровяным топливом по новой Западно-Уральской железной дороге. Так, если в начале 1917 года для заводов в Лысьве заготавливалось 19-20 тыс. куб. сажень дров, то на конец года только 4 1/2 тыс. куб. сажень. Катастрофически не хватало дров для Кусье-Александровского завода. Практически прекратилось снабжение бензином и ферромарганцем.

На заполненных до отказа складах скопилось 15 миллионов пудов готовой продукции, в том числе посуды, которую не на чем было вывезти. Деловой совет принял решение открыть склады лысьвенской продукции для вольной продажи в Перми, Екатеринбурге и Нижнем Новгороде.

Продовольственных запасов не было. Фактически сорвалась кампания по обмену промышленных товаров на продукты питания с крестьянами. Единственно удачной была поездка в Западную Сибирь Е.Маврина, который пригнал в Лысьву несколько вагонов продовольствия, за что управляющий округом В.А.Госсельбладт сказал, что за это посланцу надо поставить памятник на постаменте, где недавно стоял памятник графу Шувалову. Продовольственный отдел Совдепа, преобразованный из заводской продовольственной управы, прямо с колес делил среди голодающих рабочих то небольшое продовольствие, что удавалось подвезти по железной дороге.

Деловой совет лихорадочно искал выход из положения. Из архивов администрации округа извлекались не реализованные в прежнее время проекты, например, о получении химических продуктов от сухой перегонки древесины, обогащении руды и современной организации рудного хозяйства, предполагалось наладить выпуск пневматических машин, перфораторов, сепараторов и т.п., были предприняты спонтанные попытки обратиться к изучению американского опыта по научной организации труда, системы Тейлора и т.п. На переоборудование всего окружного хозяйства предполагалось истратить порядка 6 миллионов рублей, в том числе 3 миллиона на завершение строительных работ, начатых прежними хозяевами.

Одни и те же вопросы о производстве и продовольствии бесконечно обсуждались на совещаниях, собраниях, конференциях, заседаниях в большевистском и фабрично – заводском комитетах, на деловом совете, но положительных изменений не было. Напряженная ситуация в экономике усугублялась начавшейся гражданской войной. В этих условиях было принято решение о реорганизации округа и его превращении в новую административно – территориальную структуру. С такой инициативой выступил Лысьвенский совет на съезде, состоявшемся 15-16 июня 1918 года. В качестве аргументации в пользу нового административно – территориального деления был выдвинут тезис о военной и административной целесообразности. В результате округ, состоявший из Бисерской, Калино-Камасинской, Крестовоздвиженской, Кусье-Александровской и Лысьвенской волостей 261) был преобразован в район в составе Лысьвенской, Соинской, Калино-Камасинской, Чусовской, Крестовоздвиженской, Капалинской, Кыновской, Кусье-Александровской, Архангело-Пашийской и Бисерской волостей 262) Новый район занял почти всю восточную половину Пермского уезда. Однако это было гипотетическое территориально-административное построение, поскольку высшими органами советской власти решение Лысьвенского совета не было утверждено.

Попытка реорганизации округа в район никак не отразилась на активизации хозяйственной деятельности заводов, не улучшила продовольственное снабжение населения. Деловой совет все более втягивался в решение вопросов военного и политического характера. Если члены совета и занимались решением практических задач, то это было изготовление шанцевого инструмента, солдатских котелков, жестяных ящиков для патронов, ремонт оружия, полевых кухонь, подвижного состава и железнодорожных путей, пошив и ремонт обмундирования и обуви, реквизиции в крестьянских хозяйствах продовольствия, формирование резервов для Красной Армии и др. В этих условиях чисто формальный характер носил декрет и постановление ВСНХ о национализации Лысьвенского округа от 10 октября 1918 года. В ноябре 1918 года деловой совет пытался организовать эвакуацию сырья, заготовок и продукции, представлявших ценность для военного использования от наступающих войск А.В.Колчака. Одновременно приводились в негодность станки и оборудование, пригодные для ремонта оружия и военной техники.

В ночь с 9 на 10 декабря красные оставили Лысьву. За два дня до этого события, 7 декабря, пал Бисер. На этом Лысьвенский горный округ фактически прекратил свое существование. После восстановления советской власти в Пермской губернии был закрыт Кусье - Александровский завод, независимо от Лысьвенского завода восстанавливались и работали Бисерский и Теплогорский заводы. 15-18 сентября 1919 года состоялась Лысьвенская районная профсоюзная конференция, на которой было высказано пожелание объединить Лысьвенский и Чусовской районы в один горный округ 263), т.е. создать новую хозяйственно – экономическую структуру. Однако практического результата идея не дала, просуществовала она формально и недолго.

Такова история Пермских заводских владений, сменивших более чем за полторы сотни лет несколько владельцев. Несомненно, что экономического расцвета владения достигли в период своей принадлежности акционерному обществу «Лысьвенский горный округ наследников графа П.П.Шувалова». Десятки тысяч рабочих и сотни инженерно - технических работников ковали индустриальную мощь Урала на заводах Кусье-Александровска, Лысьвы, Бисера, Теплой горы, добывали золото, платину и железную руду, заготавливали древесину. В планах акционеров были замыслы по дальнейшей реконструкции заводов округа, освоению новых технологий, источников рудного сырья, выпуск продукции, пользующейся спросом как на российском, так и на мировом рынках. Однако Октябрьский переворот прервал поступательное развитие округа. После окончания гражданской войны единый хозяйственный механизм был перестроен. Каждый из заводов начал жить своей жизнью, но это уже иная история.

Словарь

Фунт – единица массы в системе русских мер, 1 фунт=0, 40951241 кг=1\40 пуда=32 лотам=96 золотникам=9216 долям
 Доля-русская мера массы (веса), равная 1\96 золотника= 44,43 мг
 Золотник- русская мера массы (веса), равная 96 долям=4,266 г
 Аршин-мера длины, равная 16 вершкам=71, 12 см
 Верста-русская мера длины, равная 500 саженьям=1,0668 км
 Межевая верста=1000 сажений=2,1336 км
 Сажень-русская мера длины, равная 3 аршинам=7 футам=2,1336м
 Маховая сажень-1,76 м
 Косая сажень-2,48 м
 Вершок-русская мера длины, равная 1 3\4 дюйма=4,45 см.
 Пядь-русская мера длины, равная 4 вершкам=17,8 см
 Фут-единица длины, равная 1\7 сажени=12 дюймам=0, 3048м

Литература и источники

1. Берг-привилегия, 1719 г. Сб. Седой Урал. Изд. «Молодая гвардия», М., 1983. стр.334
2. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. <http://www.bestreferat.ru/referat-17127.html>
4. Розен Б.Я. Пермь. История соляного промысла в Прикамье. Пермское книжное издательство. 1965. стр.41
5. <http://enc.permkultura.ru/showObject.do?>
6. Чупин Н., О времени постройки Серебрянского и некоторых других уральских заводов. Горный журнал, 1873., т.1, март, стр.338
7. <http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object>
8. (Чупин Н., стр.338)
9. Шишонко В., Пермская летопись. Третья часть, Пермь, 1889, стр. 361-362
10. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г.Перми: в 2-х частях. Пермь.1804, ч.1, стр.381
11. Павленко Н.И., История металлургии в России ХУШ века. Заводы и заводоладельцы. Издательство академии наук СССР, М., 1962, стр.393
12. Солохин В.Я. История поселка Кусье – Александровский. Горнозаводск.2001, стр.7
13. Шишонко В., Пермская летопись, стр. 362 – 365
14. Павленко Н.И., стр.403
15. Шишонко В., Пермская летопись, стр. 364
16. <http://pashiya.w6.ru/page.php?>
17. Шишонко В., Пермская летопись, стр. 360
18. Там же, стр. 238
19. Павленко Н.И., стр.405
20. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже ХУШ –Х1Х вв. Сборник .документальных материалов. Свердловск, 1956, стр.50
21. Шишонко В., Пермская летопись, стр. 368-371
22. Шилов А.В., Разделы Пермских владений Строгановых в середине и второй половине ХУШ века. Вестник Пермского университета. История. Всеобщая история. Вып. (7) 23.2008
- 23.
24. Иофа Л.Е., Города Урала. Гососударственное. издательство географической литературы, М., 1951, стр.231
25. Кашинцев Д., История металлургии Урала. Государственное объединенное научно – техническое издательство, М.-Л., 1939,стр.168

26. Мухин В.В. *История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX века.* Пермь, 1978. стр.32
27. Шишонко В., *Пермская летопись*, стр. 643
28. Кашинцев Д., стр.289
29. см. *Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России.-2000.* – стр.214
30. http://www.hrono.ru/bio_sh/shahovskaya_e.html
31. См. *Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII – XIX вв.*, стр.48 – 51
32. Попов Н.С., стр.379-385
33. Там же, стр. 381
34. Там же, стр.382
35. Там же, стр.385
36. См., например, *Крестьянское движение в России в 1796 – 1825 гг. Сб. документов.* Изд-во социально – экономической литературы. М. 1961
37. Струмилин С.Г., *История черной металлургии в СССР. Т.1. Изд-во академии наук СССР. М., 1954, стр.396*
38. Неклюдов Е.Г. *Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения.* Нижний Тагил. 2004, стр. 220-221
39. Лысьвенский музей. Фотокопия материалов ЦГАДА, ф.1288, оп.1, ч.1, д.66, л.л.1-6.
40. <http://www.protown.ru/information/hidden>
41. Шишонко В., *Пермская летопись*, стр..362
42. Кашинцев Д, стр.84
43. *Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII – XIX вв.*, стр. 279 – 282
44. Сб. *Металлургические заводы на территории СССР с ХУП до 1917 г.т.1.Абаканский – Иштеряковский.-М.-Л., 1937. стр.121*
45. Там же, стр.122
46. См. Струмилин С.Г. стр.463, 468, 474, 480, 488
47. http://nordural.ru/article/river_usva
48. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
49. <http://marcompany.ru.fishing/reservoirs/river>
50. Подробнее о принципе строительства плотин см. Алексеев В.В., Корепанов Н.С., Рукосуев Е.Ю., Устьянцев С.В. *Индустриальное наследие Урала (в фотографиях).* Екатеринбург, 1993, стр.16-20
51. Парфенов Н.М. Лысьва. Очерки краеведа. Кунгур. 1998, стр.182
52. План хозяйства на Бисерскую заводскую дачу Лысьвенского горного округа наследников графа П.П.Шувалова Пермской губернии и уезда. Пермь, 1908, стр. 31
53. План хозяйства на Кусье - Александровскую заводскую лесную дачу Лысьвенского горного округа наследников графа П.П.Шувалова Пермской губернии и уезда, составленный в 1907 году. Пермь, 1911,стр.48
54. План хозяйства на Усьвенскую лесную дачу Лысьвенского горного округа наследников графа П.П.Шувалова Пермской губернии и уезда, составленный в 1909 году. Пермь, 1911, стр.11-12
55. Там же, стр. 12
56. Горнозаводский музей. Киреев В.В. *Железные рудники Горнозаводского района.* Рукопись.
57. Шишонко В., *Пермская летопись*, стр. 360 - 363
58. Дополнительно можно посмотреть: <http://www.perm-kray.ru/pam094-1.htm>), (<http://prospeleo.ru/index/0-12>
59. Н.Б.Бакланов. *Техника металлургического производства XVIII века на Урале.* ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство. М.-Л., 1935, стр. 50-51
60. Ермаков П.П., *Воспоминания горнорабочего.* ОГИЗ, Свердловское областное государственное издательство. 1947, стр.30-31

61. В.Я.Кривоногов. *Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в ХУШ веке.* Свердловск, 1959, стр.84
62. Там же, стр. 106
63. Там же, стр.63
64. Парфенов Н.М. *Очерки краеведа, стр. 176 – 179*
65. Иванов П., *Несколько слов о динамите и вспомогательных к нему средствах.* Горный журнал. Том третий. Июль-август, 1875, стр.74 – 75
66. Парфенов Н.М. Лысьва. *Очерки краеведа, стр.179*
67. Ермаков П.П., стр. 29
68. Иофа Л.Е., стр.77
69. Кашинцев Д., стр.84
70. Горнозаводский музей. Киреев В.В. *Железные рудники Горнозаводского района.* Рукопись
71. Кашинцев Д., стр.193
72. Кузин А.А., *Поиски и разведки твердых полезных ископаемых. Сб. Очерки истории техники в России (1861 – 1917).* Издательство «Наука». М., 1973, стр.24
73. Сигов С.П., *Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала.* Свердловск, 1936, стр.189
74. См. Иофа Л.Е., *Города Урала.* Государственное издательство географической литературы. М., 1951.
75. *План хозяйства на Лысьвенскую заводскую дачу Лысьвенского горного округа наследников графа П.П.Шувалова Пермской губернии и уезда. Составлен в 1904 году.* Пермь, 1907, стр. 22
76. Там же, стр.26
77. Ермаков П.П., стр.61
78. *План хозяйства на Лысьвенскую заводскую дачу... ,стр.28-29*
79. Парфенов Н.М., *Очерки краеведа, стр. 179*
80. *План хозяйства на Бисерскую заводскую дачу Лысьвенского горного округа наследников графа П.П.Шувалова Пермской губернии и уезда, составленный в 1905 году.* Пермь. 1908, стр.24-25
81. *План на Кусье-Александровскую дачу, стр. 11*
82. Ермаков П.П., стр.72- 73
83. *План хозяйства на Лысьвенскую заводскую дачу , стр.26*
84. Митинский А.Н. *Горнозаводский Урал. С.-Пб. 1909. стр.17*
85. *Горный журнал.1897, № 10, октябрь,стр. 106 –107*
86. М.П.Вяткин. *Горнозаводский Урал в 1900 – 1917 г.г. Изд. «Наука. М.,-Л., 1965, стр. 10*
87. Митинский А.Н., стр.59
88. Неклюдов Е.Г., стр.561
89. Буранов Ю.А., *Акционирование горнозаводской промышленности Урала. (1861 – 1917).* Издательство «Наука», М., 1982, стр.33
90. *Фонды Лысьвенского муниципального музея*
91. Буранов, стр.33
92. *План хозяйства на Лысьвенскую заводскую дачу, стр.3-4*
93. <http://kachkanar.ru/wiki>
94. См. Титовец М., *Сын горы в сб.Где ударил посох: Культурно – исторические очерки\ Колл. авт.-Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2005, стр.239*
95. См. *Горный журнал, 1902, том 2, апрель-май-июнь, стр. 243*
96. Барбот-де-Марни Е.Н., *Гора Качканар и ее месторождения магнитного железняка. Ж. «Горный журнал», т.П., Апрель-май-июнь, 1902, стр. 243 – 265.*
97. *План хозяйства на Усьвенскую лесную дачу, стр.3*

98. Парфенов Н.М., *Счастье новых дорог: краевед Аркадий Карякин неутомимый путешественник. Культурная жизнь провинции. Альманах. Выр.3., кн.1., Лысьва. 2011, стр.82.*
99. Парфенов Н.М. Лысьва. Пермское кни. изд-во, 2003, стр. 36-37
100. Неклюдов Е.Г., стр.221
101. <http://all-minerals.ru/almazy-rossii/>
102. Неклюдов Е.Г., стр.227
103. Сигов С.П., стр. 38
104. Кашинцев Д., стр. 204
105. План хозяйства на Исовскую приисковую лесную дачу Лысьвенского горного округа наследников графа П.П.Шувалова Пермской губернии и уезда, составленный в 1909 году. Пермь, 1911, стр.5
106. Шишонко В., *Пермская летопись*, стр.637-638
107. Бакланов Н.Б., стр.51-52
108. Там же, стр.54
109. Там же, стр.54-55
110. Вагина П.А., *Материалы о состоянии приписной уральской деревни в период подготовки к отмене института приписных в конце ХУШ века. Сб. Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск. 1966. стр.144*
111. Мухин В.В., *История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX века. Пермь. 1978. стр. 43*
112. Горовой Ф.С., *Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале. Молотовское книжное издательство. Молотов. 1954. стр.97*
113. Там же, стр. 98 - 99
114. Сигов С.П., стр.65
115. Там же, стр.123
116. Там же, стр.99-100
117. Шишонко В., *Пермская летопись*, стр. 629-633
118. Кривоногов В.Я., стр.62
119. Мухин В.В., стр.38
120. Неклюдов Е.Г., стр.561
121. Черкасова А.С. *Мастеровые и работные люди Урала в ХУШ в. Изд. «Наука», М. 1985. стр.50*
122. Мухин В.В., стр.57
123. Пиатовский В.А., Налимов В.А., Приуралье. Сб. Великая Россия. Географические, этнографические и культурно – бытовые очерки современной России под руководством Д.Н.Анучина. Книгоиздательское тов. «Дело», М., 1912. стр. 238 – 239
124. *Рабочее движение в России в XIX веке. Т.1 часть2. Государственное издательство политической литературы. М., 1955, стр.237 – 238*
125. Там же, стр.240
126. Горовой Ф.С. Александр Кокшаров. Сб. Революционеры Прикамья. Пермское книжное изд-во. 1967, стр.275-278
127. Сведения о количестве малолетних рабочих, характере выполняемой ими работы, продолжительности рабочего дня и их грамотности на заводах Шуваловых и других. 1884-1885 г.г. В сб. Положение рабочих Урала во второй половине XIX века. 1861-1904. Издательство академии наук СССР. М.-Л., 1960, стр.516
128. Правила работы мастеровых на заводах В.П.Бутеро – Родали. 1863 г. октября 29, там же, стр.313-321
129. Горовой Ф.С., *Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале, стр.20*
130. Приводится в сокращении по «Сравнительные сведения о размерах денежной и натуральной оплаты труда мастеровых во время крепостной зависимости и в 1863 году на заводах Бутеро – Родали. Сб.: Положение рабочих Урала во второй половине XIX –

- начале XX века. 1861 – 1904. Издательство академии наук СССР, М.-Л., 1960, стр. 466 – 468
131. Правила работы мастеровых на заводах В.П.Бутеро-Родали, стр.319
132. Мухин В.В., стр.21
133. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. Пермь, 1896, стр. 242
134. Таблицы статистических сведений, собранных подворным исследованием экономического положения кустарных промыслов в Пермской губернии. См.: Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии, стр. 2-13
135. Там же, стр.242
136. Сведения о количестве больных, длительности заболеваний, стоимости довольствия больных в заводском госпитале и об обслуживании больных в амбулатории по Лысьвенскому заводу за 1885 – 1897 г.г. В сб. документов «Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX века», стр. 561
137. Там же, стр.562
138. Парфенов Н.М., Лысьва. Очерки краеведа, стр.146
139. См.Горловский М.А., Пятницкий А.Н., Из истории рабочего движения на Урале. Очерки о положении крепостных рабочих Среднего Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800 – 1870 г.г.). Свердловское книжное издательство. 1954.
140. Шишонко В., Пермская летопись, стр.635
141. Горовой Ф.С., Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале, стр 47 – 56
142. Там же, стр.136
143. Горовой Ф.С., О некоторых особенностях отмены крепостного права на горных заводах Урала. Из истории Урала. Сборник статей. Свердловское кн. изд-во, 1960, стр.185
144. Там же, стр.189
- 145.Прошение общества ремесленников Лысьвенского завода владельцу завода П.П.Шувалову об оставлении за ними земли, находившейся до сих пор в их пользовании, безвозмездно или о наделении их землей за самую умеренную плату. 1864 г. не ранее октября 14. В сб. документов: Положение рабочих Урала во второй половине XIX-начале XX века. стр.23 – 26
- 146.Прошение мастеровых Бисерской волости и завода владельцу завода П.П.Шувалову о предоставлении им в безвозмездное пользование усадеб, выгонов, покосов и топлива. 1869 г. ранее августа 17. Там же, стр.39-40
- 147.Горовой Ф.С. Об особенностях отмены крепостного права на горных заводах Урала, стр. 186
- 148.План хозяйства на Бисерскую заводскую дачу, стр. 26
- 149.План хозяйства на Теплогорскую горнозаводскую лесную дачу Лысьвенского горного округа наследников графа П.П.Шувалова Пермской губернии и уезда, составленный в 1908 году. Пермь, 1911, стр.6-7
150. План хозяйства на Кусье-Александровскую дачу..., стр.42
- 151.Из докладной записки Лысьвенского заводского правления конторе имений П.П.Шувалова по вопросу о землеустройстве и платеже оброка мастеровыми Лысьвенского, Кусье-Александровского и Бисерского заводов. Не ранее 1869 г. августа 15. Положение рабочих Урала., Стр.40-41
152. Из всеподданнейшего доклада министра земледелия и государственных имуществ о необходимости урегулирования вопроса о земельном устройстве горнозаводского населения частных заводов Урала. Положение рабочих Урала..., 1895 г. не ранее ноября 6, стр.125
153. План хозяйства на Кусье-Александровскую дачу..., стр. 43
154. Бобылев Д.М., Потребительские общества Пермской губернии. Пермь, 1905, стр. 21
155. Там же, стр.94

156. Там же, стр.9
157. Розен Б.Я., стр.95
158. Лысьвенский музей .Фотокопия: ЦГИА СССР, ф.1092, оп.1, д.1961, л.6-7
- 159.Неклюдов, стр.227
160. Молодость древнего края. Очерки истории Горнозаводского района. Изд. «Старт», Екатеринбург, 2001, стр.22
- 161.Агеев Н., О выделке листового кровельного железа на Урале. Горный журнал 1873, № 1, стр. 23
162. Сборник статистических сведений: О горнозаводской промышленности России в 1891 году. Сост. С.Кулибин. С.-П., 1893, стр. 143
163. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1893 заводском году. Сост. А.Лоранский. С-Пб., 1896, стр.186-187
164. Там же, стр. 224-225
165. Там же, стр.242-245
166. Там же, стр.360
167. Там же, стр.213
168. План хозяйства на Исовскую дачу, стр.4
169. Сборник статистических сведений.Составитель А.Лоранский, стр.18-19
170. Павлова О.И., Цветная металлургия. Сб. Очерки истории техники в России, стр. 186
- 171 http://prvregion.narod.ru/data/hstpm/t_ural_p.htm из газ. «Уральский трубник», № 65, 2002 г.
172. План хозяйства на Усьвенскую дачу..., стр.13
- 173.Буранов Ю.А., стр. 181 - 188
- 174.Шепелев Л.Е.. Акционерные компании в России. Изд-во «Наука». Ленинград, 1973, стр.245
- 175.Вяткин М.П., Горнозаводский Урал в 1900 – 1917 г.г. Изд. «Наука». М.-Л., 1965. стр. 66-67
176. Сигов С.П., стр. 198
177. Вяткин М.П., стр. 67 - 68
178. Горный журнал, Ноябрь, № 11, 1989 год, стр.277.
179. <http://clubzd.info/index.php?topic>
180. Вяткин М.П., стр.69
181. Труды экстренного съезда уральских горнопромышленников, бывшего 28 мая – 2 июня 1904 года в С.-Петербурге. С.-Пб., 1904, стр. 70-71
182. <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait2/110e.htm>
183. Труды экстренного съезда уральских горнопромышленников..., стр.58
184. Там же, стр. 18
185. Письмо правления синдиката «Кровля» правлению Общ-ва Лысьвенского горного округа нас-ков гр. П.П.Шувалова о сосредоточении в «Кровле» сведений о запасах черных металлов и распределении заказов на них на заводах Урала. 20 октября 1916 г., Сб. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Часть первая. Издательство Академии наук СССР. М.-Л., 1957. стр52
186. См. Цукерник А.Л., К истории синдиката «Кровля». Сб. Исторические записки. Издательство Академии наук СССР. 1955, стр.125
187. Из отчета младшего инспектора Государственного банка И.Ф. Баторевича по обследованию товарных операций Азовско-Донского коммерческого банка. Май 1917 г. в сб. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Часть первая. Издательство академии наук СССР. М. - Л., 1957, стр.132
188. Мельников Ф.Е. Западный Урал в революции 1905 – 1907 гг. ОГИЗ. Молотовское областное издательство. 1946.стр.24-25

189. Там же, стр.42
190. Телеграмма окружного инженера Пермского горного округа главному начальнику Уральских горных заводов о забастовке на Лысьвенском заводе. 1905 г. февраля 21. в сб. Революция 1905 – 1907 гг. в Прикамье. Документы и материалы. Молотовское книжное издательство. Молотов. 1955, стр. 35).
191. Рапорт пермского уездного исправника и.д. пермского губернатора о политической направленности забастовки рабочих Лысьвенского завода. 1905 г. февраля 27. Революция 1905 – 1907 гг. в Прикамье. Молотов 1955. стр.36
192. Мухин Н.Г., В рабочей Лысьве. Под красным знаменем. Сб. воспоминаний. Молотовское книжное издательство. Молотов. 1957, стр. 38
193. Требования рабочих Лысьвенского завода об установлении 8-часового рабочего дня и улучшении положения рабочих. 1905 г. марта 4, в сб. Революция 1905 – 1907 гг. в Прикамье, стр.36-37
194. Рапорт окружного инженера Пермского горного округа главному начальнику Уральских горных заводов о согласии Лысьвенского заводоуправления на некоторые требования рабочих. 1905 г. марта 11., там же, стр.38
195. Дополнительные требования рабочих Лысьвенского завода, предъявленные уполномоченными от заводских рабочих вице-губернатору. 1905 г. марта 7, там же, стр.37
196. Прошение мастеровых Кусье – Александровского завода главному управляющему Лысьвенского горного округа наследников графа П.П.Шувалова об улучшении условий труда и быта рабочих. 1905 г. мая не позднее 13, там же, стр.89
197. Телеграмма и.д. пермского губернатора земскому начальнику 5-го округа Пермского уезда с предложением объявить рабочим Кусье-Александровского завода об отказе в увеличении заработной платы. 1905 г. мая 13, там же, стр.90.
198. Объявление помощника управляющего Лысьвенским горным округом о закрытии Кусье-Александровского завода в случае продолжения забастовки. 1905 г. мая 15, там же, стр. 90
199. Предписание и.д. пермского губернатора пермскому уездному исправнику о немедленном принятии мер к прекращению забастовки рабочих Косьинских платиновых приисков. 1905 г. ноября 26, там же, стр.152
200. Петиция горных, торфяных и поденных рабочих Косьинских золото-платиновых приисков наследников графа Шувалова управителю приисков об увеличении заработной платы и улучшении материального положения». 1905 г. ноября 25, там же, стр.150-151
201. Донесение помощника пермского уездного исправника пермскому уездному исправнику о снижении расценок на платиновых рудниках П.П.Шувалова. Секретно. 1906 г. февраля 3, там же, стр.242-243
202. Требования рабочих-рудозовов Бисерского завода управляющему заводу о повышении платы за перевозку руды. 1905 г. декабря 1, там же, стр.155
203. Рапорт пристава 2-го стана Пермского уезда помощнику пермского уездного исправника об окончании забастовки рудозовов Бисерского завода. 1905 г. декабря 7. Там же, стр.155
204. Обязательное постановление и.д. пермского губернатора об объявлении на положении чрезвычайной охраны городов и уездов Пермской губернии. 1906 г. января 4, там же, стр.233
205. Лысьвенский в. музей. Объяснительная записка к отчету по Лысьвенскому горному округу за 1906\1907 год. л.10
206. Митинский А.Н., стр. 159
207. Там же, стр. 138
208. Лысьвенский музей. Объяснительная записка к смете производства Лысьвенского горного округа на 1909-1910 год. л.12
209. Там же, л.8

210. В.И.Бовыкин. Зарождение финансового капитала в России. Издательство Московского университета. 1967. стр.208
211. Там же, стр.274
212. Буранов, стр.186 – 187
- 213.Вяткин М.П., стр. 316
- 214.Буранов, стр.187
215. Сигов, стр.171
216. Буранов, стр.187
217. Митинский, стр. 40-41
218. Меллер В., Отчет о казенных на каменный уголь разведках в Среднем Урале за 1872 – 1874 годы. Горный журнал, том третий, июль – август, 1875, стр. 103
219. Краснопольский А.А., Месторождения каменного угля на западном склоне Урала. Сб. Обзор месторождений ископаемых углей России. Издательство геологического комитета. С.-Пб., 1917, стр.77
220. Сборник статистических сведений: О горнозаводской промышленности России в 1891 заводском году. Сост. С.Кулибин. С.-П., 1893, стр. 16
221. Лысьвенский музей. Объяснительная записка к отчету по Лысьвенскому горному округу за 1909-1910 год. л. 8)
222. Буранов, стр.188
223. Сигов, стр. 171
224. Буранов, стр.188
225. Рычкова Г.П.Лысьва. Страницы истории Лысьвенской большевистской организации. Пермское книжное издательство. 1963, стр.27
226. Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловское книжное издательство. 1961. стр.41
227. Вяткин М.П., стр. 155
228. Митинский А.Н., стр. 107-109
229. Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале, стр. 60
230. Рычкова Г.П., стр.85
231. Там же, стр.98-104
232. Сообщение Управления акционерного общества «Лысьвенский горный округ наследников гр.П.П.Шувалова» председателю особого совещания по обороне Шуваеву Д.С. о мероприятиях по обеспечению заводов округа рабочими. 4 июня 1916 г. в сб.Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. стр50-51
233. Лысьвенский музей. Воспоминания Л.А.Лазарева от 13 мая 1935 года. л.2
234. Погребинский А., Мобилизация промышленности царской России в Первую мировую войну. Журнал «Вопросы истории», № 8, август, изд. «Правда», 1948, стр. 61 – 62
235. Минускин М., Экономика периода империалистической войны 1914-1918 гг., Журнал «Проблемы экономики. Изд. «Соцэкгиз», 1934, № 3, стр. 112
236. Гуревич Э., Промышленность царской России в годы империалистической войны, там же, стр. 141
237. Донесение уполномоченного Особого совещания по обороне и главного начальника уральских горных заводов Н.И.Егорова Особому совещанию по обороне о тяжелом положении заводов Урала, выполняющих военные заказы, и о мерах по его устранению. 16 марта 1916 г.Сб.Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Часть вторая. Издательство академии наук СССР. М.-Л., 1957., стр. 33
238. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии, стр.52

239. Телеграмма помощника управляющего Лысьвенским горным округом Врядий Н.К. пермскому губернатору Лозина-Лозинскому М.А. о прекращении поступления руды... 21 февраля 1917 г., там же, стр.53
240. Рапорт пермского уездного исправника Кадомцева Г.В. пермскому губернатору Лозина – Лозинскому М.А. о прекращении работ в ряде цехов Лысьвенского металлургического завода ввиду недостатка каменного угля. 17 февраля 1917 г., там же, стр.53
241. Рапорт пермского уездного исправника Кадомцева Г.В. пермскому губернатору Лозина-Лозинскому М.А. о забастовке рабочих Лысьвенского механического завода в день 9 января. 10 января 1917 г. Секретно. В сб. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии, стр. 72 – 73
242. Справка канцелярии пермского губернатора о наложении штрафов на рабочих Лысьвенского завода за участие в забастовке 9 января 1917 г. Не ранее 24 января 1917 г., там же, стр. 73
243. Сообщение и.д. начальника Пермского губернского жандармского управления подполковника Демидова Р.Д. пермскому губернатору Лозина-Лозинскому М.А. о протесте рабочих Лысьвенского завода в связи с наказанием участников забастовки 9 января 1917 г. 28 января 1917 г., там же, стр. 74
244. Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите её завоеваний. 1917-1920 гг. т.1., М., Изд-во «Наука», 1984, стр.115
245. Рычкова Г.П., стр.152-157
246. Циркулярное письмо совета Союза объединенной промышленности всем членам союза о задачах промышленников в области взаимоотношений с рабочим классом и его организациями и о поддержке Временного правительства». 22 июля 1917 г. в сб. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Часть первая. Издательство академии наук СССР М.-Л., 1957, стр.189
247. Лысьвенский музей. Подойницын С.Я., За власть советов. Лысьва 1914-1918 г.г. Воспоминания от 11 июня 1957 г., л.8
248. Там же, Воспоминания Лазарева Л.А. от 13 мая 1935 г., л.11-12
249. Там же, л.12-13
250. Отношение представителей Центрального совета и Петроградского комитета рабочего контроля комиссариату труда об образовании временной коллегии рабочего контроля для ведения дел правления Лысьвенского горного округа. 20 февраля 1918 г. в сб. Национализация промышленности на Урале. Сборник документов. Свердловское книжное издательство. 1958, стр.109-110
251. Справка областного правления национальных предприятий Урала горному отделу ВСНХ о национализации платино - и золотопромышленных предприятий. 8 июля 1918 г., там же, стр. 176-179
252. Ходатайство представителя центрального совета заводских комитетов Лысьвенского горного округа и представителей рабочего контроля в ВСНХ о национализации предприятий округа. 1 марта 1918 г., там же, стр.11
253. Лысьвенский музей. В управлении округом, стр. 36
254. Там же, Доклад А.Л.Лазарева, стр.4
255. Доклад А.А.Кузьмина о проекте организации управления казенными и национализированными заводами Урала. 10 января 1918 г. в сб. Национализация промышленности на Урале, стр.83-85
256. Рычкова Г.П., стр.212 Л.А.Лазарев в своих воспоминаниях говорит о составе окружного делового совета в количестве 7 человек. В том числе он упоминает М.А.Наугольных, фамилии которого в списке Г.П.Рычковой отсутствует.
257. Лызов И.Д., Крепче металла. Пермское книжное изд-во. 1970, стр.63-64
258. Лысьвенский музей. Воспоминания Лазарева Л.А от 13 мая 1935 года . л.23

259. Там же, Подойницын С.Я. За власть советов. Лысьва 1914-1918 г.г. Воспоминания от 11 июня 1957 г.
260. Там же, Управление округом. л.59
261. Очерки состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. Пермь, 1896. Приложение, стр.4
262. Парфенов Н.М. История административно-территориального деления Лысьвенского муниципального района. Лысьвенский краеведческий альманах «Незабытые деревни». Вып.1. Чусовой. 2010, стр.6
263. Рычкова Г.П., стр.265